

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Марков, М.

ИСТОРИЯ КОННИЦЫ

ЧАСТЬ 1-я.

СОСТАВИЛЪ

Полковникъ **МАРКОВЪ.**

Командиръ 1-го Лейбъ-Драгунскаго Московскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка.

ТВЕРЬ.

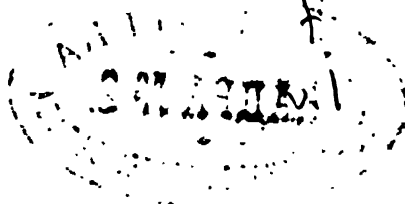
Типо-Литографія Ф. С. Муравьева.

1886.

UE 15

M 3

F

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 10 Января 1886 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

Вступленіе. Происхожденіе конницы. Историческія свѣденія и преданія о распространеніи лошади. Породы и племена лошадей. Употребленіе лошади въ упряжь и подъ верхъ. Краткія свѣденія о конницѣ въ древнѣйшихъ государствахъ. Употребленіе верблюдовъ и военныхъ колесницъ. Раздѣленіе исторіи конницы на періоды 1

Глава 1-я. Относительная малочисленность конницы въ составѣ греческихъ милцій (Спарты и Аѳинъ). Раздѣленіе кавалеріи на тяжеловооруженныхъ и лучниковъ. Одежда, вооруженіе и снаряженіе. Свѣденія объ уходѣ за лошадыю, объ обученіи верховой ѣздѣ и предварительной подготовкѣ конницы. Олимпійскія игры. Фила—тактическая единица. Образъ дѣйствія конницы въ бою 17

Глава 2-я. Понятіе о тактикѣ греческихъ войскъ. Войны съ персами указываютъ на важность кавалеріи въ составѣ армій. Сраженіе при Платеѣ. Наемныя войска. Фессалійская и еракійская конницы. Эпаминондъ. Сраженія при Левктрахъ и Мантинѣѣ. Заключеніе о грекахъ. 37

Глава 3-я. Македонія. Кавалерія при Филиппѣ и Александрѣ. Петеры. Легкая конница. Димахосы. Числительность, организація и строй конницы. Воспитаніе всадниковъ. Заботы Филиппа объ улучшеніи породы лошадей. Свѣденія о ремонтірованіи македонской конницы. Снаряженіе. Употребленіе кавалеріи въ бою въ войнахъ Александра Македонскаго. Сраженія при Граникѣ и Гавгамеллахъ. Употребленіе кавалеріи на театрѣ дѣйствій. 51

Глава 4-я. Теоретическій писатель Ксенофонтъ. Его трактатъ о кавалеріи 73

Глава 5-я. Римляне. Главный родъ оружія въ составѣ римскихъ армій пѣхота. Сословіе всадниковъ. Наборъ кавалеріи. Содержаніе. Смотры цензоровъ. Союзная конница. Снаряженіе и вооруженіе первой римской кавалеріи. Турма—тактическая единица. Мѣсто кавалеріи въ боевомъ порядкѣ арміи. Замѣчаніе о первоначальной римской конницѣ 79

Глава 6-я. Кавалерія Аннибала. Иберійцы (испанцы). Галлы. Легкая конница нумидійская и тарентинцы. Искусство Аннибала пользоваться кавалеріею въ бою. Бой при Тессино. Сраженія при Требіи и Каннахъ. Употребленіе кавалеріи на театрѣ дѣйствій. 93

Глава 7-я. Вліяніе пуническихъ и греческихъ войнъ на увеличеніе конницы въ составѣ римскихъ армій. Введеніе предохранительнаго вооруженія и закривленной сабли. Снаряженіе кавалеріи. Свѣденія о ковкѣ и ремонтірованіи. Обученіе римской конницы. 108

Глава 8-я. Тактика римской кавалеріи во времена Сципіона. Строй легіона по манипуламъ и когортамъ даетъ кавалеріи возможность оказывать болѣе существенную поддержку пѣхотѣ. Сраженія при Илингѣ и Замѣ. 121

IV.

Глава 9-я. Кавалерія Юлія Цезаря—галлы и германцы. Тактическое устройство. Мѣсто конницы въ боевомъ порядкѣ арміи и способъ употребленія. Сраженія при Фарсалѣ и Руспинѣ.	Стр. 130
Глава 10-я. Охранительная и развѣдывательная служба римской кавалеріи. Употребленіе ея на театрѣ дѣйствій. Партизанскій набѣгъ Юлія Цезаря. Свѣденія о пареянской конницѣ	141
Глава 11-я. Кавалерія въ періодъ упадка римскаго военнаго искусства. Многочисленность ея въ составѣ арміи. Паденіе Рима подъ ударами варваровъ. Аттила. Его кавалерія. Сраженіе на Каталаунскихъ поляхъ	149
Глава 12-я. Заключение о кавалеріи древнихъ народовъ. Замѣчанія относительно вооруженія и снаряженія. Назначеніе тяжеловооруженной конницы и легкой. Ударъ или шокъ. Значеніе конницы въ зависимости отъ тактики пѣхоты и талантливости начальниковъ. Конница на театрѣ дѣйствій.	170
—	
Древніе источники	177
Источники и пособія новыхъ писателей	178

ВСТУПЛЕНІЕ.

Происхожденіе кавалеріи. Историческія свѣдѣнія и преданія о распространеніи лошади. Породы лошадей. Описаніе различныхъ племенъ. Употребленіе лошади въ упряжь и подъ верхъ. Краткія свѣдѣнія о кавалеріи въ древнѣйшихъ государствахъ. Употребленіе верблюдовъ и военныхъ колесницъ. Раздѣленіе исторіи кавалеріи на періоды.

Главное оружіе кавалеріи есть конь. Безъ коня нѣтъ кавалеріи. Поэтому, говоря о происхожденіи кавалеріи, невольно приходится коснуться прежде всего о первоначальной родинѣ и распространеніи лошади на земномъ шарѣ, тѣмъ болѣе, что происхожденіе кавалеріи или употребленіе коня въ товариществѣ съ человѣкомъ для боя идетъ параллельно распространенію лошади.

Дарвинъ и другіе ученые первоначальной родиной коня считаютъ Туркестанъ. „Обращаясь къ первоначальной родинѣ коня, степямъ средней Азіи“, пишетъ Викторъ Генъ ¹⁾, „мы встрѣчаемъ замѣчательный фактъ: чѣмъ больше какая нибудь страна удалена отъ этого центра, тѣмъ позднѣе является въ ней конь въ товариществѣ съ человѣкомъ, тѣмъ позднѣе въ ней знакомятся съ коневодствомъ“.

На берегахъ Тигра и Евфрата на стѣнахъ откапываемыхъ дворцовъ мы находимъ изображенія колесницъ съ богатою упряжью. Полагаютъ, что отсюда употребленіе колесницъ перешло въ прочія страны на западъ и юго-западъ. Въ равнинахъ Месопотаміи колесницы употреблялись для быстрого наступленія и отступленія стрѣлковъ и устраивались для помѣщенія двухъ человѣкъ. Но рядомъ съ изображеніемъ колесницъ, между скульптурными работами Ниневіи встрѣчаются и изображенія всадника съ лукомъ и стрѣлами, а около него пѣхотинца, держащаго ему лошадь. Этотъ пѣхотинецъ во время передвиженій садился на крупъ, а передъ непріателемъ соскакивалъ и держалъ лошадь, чтобы освободить стрѣлку руки для употребленія оружія.

Нѣтъ сомнѣнія, что переѣзды верхомъ предшествовали употребленію колесницъ. Впрочемъ, кажется, бой на колесницахъ былъ преимуществомъ особъ знатныхъ. Цари ассирійскіе и вавилонскіе никогда не являлись иначе какъ въ колесницахъ, которыя запрягались парюю въ дышло. При боевыхъ же колесницахъ имѣлась третья, а иногда и четвертая лошадь для замѣны убитой въ бою.

Типы лошадей, изображенныхъ на ассирійскихъ памятникахъ, свидѣлствуютъ о происхожденіи ихъ изъ Ирана.

Геродотъ пишетъ, что царь вавилонскій содержалъ конскій заводъ, въ которомъ было 16,000 кобылъ и 800 жеребцовъ ²⁾.

¹⁾ Victor Hehn. Culturpflanzen und Hausthiere. стр. 27.

²⁾ Ежегодныйникъ для охотниковъ до лошадей 1823 г. Часть 1-я, книжка III, стр. 184.

У Израильтянъ, несмотря на воинственность этого народа, первоначально лошадей не было. Въ книгахъ Моисея упоминается о лошадяхъ сосѣднихъ народовъ. Закономъ Моисеевымъ коневодство у евреевъ было запрещено, вѣроятно, чтобы искоренить склонность этого народа къ странствующему образу жизни. Давидъ приказалъ однажды заколоть 7000 лошадей, взятыхъ у сиріянъ и оставилъ только 100 для своихъ тѣлохранителей. Но въ арміи Соломона было уже 10000 всадниковъ.

Лошадь у евреевъ употреблялась только для боевыхъ цѣлей. Всѣ домашнія работы исполнялись осломъ. ¹⁾ Типъ лошади иранскій.

Въ Египтѣ только со вступленія на престолъ 18-й династїи находятъ на памятникахъ и папирусахъ упоминанія о лошадяхъ и колесницахъ. Вѣроятно, египтяне во время мирныхъ и военныхъ сношеній съ Сирією познакомились съ употребленіемъ лошади. Финчи ²⁾ говоритъ, что самое названіе коня у египтянъ *htar* перешло къ нимъ отъ ассирійскаго *satra*, въ которомъ древнѣйшее *s* замѣнено *h*.

У египтянъ конь такъ-же, какъ и у евреевъ, предназначался для боя. Употребленіе его для домашнихъ и полевыхъ работъ было неизвѣстно. Въ подтвержденіе этого Генъ ³⁾ приводитъ мѣологическое преданіе, въ которомъ Горъ говоритъ Озирису, что „левъ пригоденъ нуждающемуся въ помощи, а конь служитъ для того, чтобы разсѣять и уничтожить бѣгущаго врага.“

Аравитяне, жившіе къ югу отъ евреевъ, первоначально не знали лошади. Геродотъ говоритъ, что въ арміи Ксеркса аравитяне сидѣли на верблюдахъ, которые не уступали лошадямъ въ быстротѣ. Эіюпы же и абиссинцы снабдили его своею конницею.

Даже въ битвѣ при Магнезїи (190 г. до Р. Х.), по свидѣтельству Ливія, аравитяне были на верблюдахъ. „Въ песчаныхъ степяхъ Аравїи верблюдъ былъ болѣе удобенъ: онъ быстръ, переносилъ жажду, питался скудными растеніями степи и могъ нести на себѣ палатку, продукты, женъ и дѣтей кочующаго аравитянина“. Публий Вегецій, перечисляя породы лошадей, умалчиваетъ о лошадяхъ Аравїи, говоря, что лошадь Африки самая быстрѣйшая и происходитъ отъ испанскихъ лошадей.

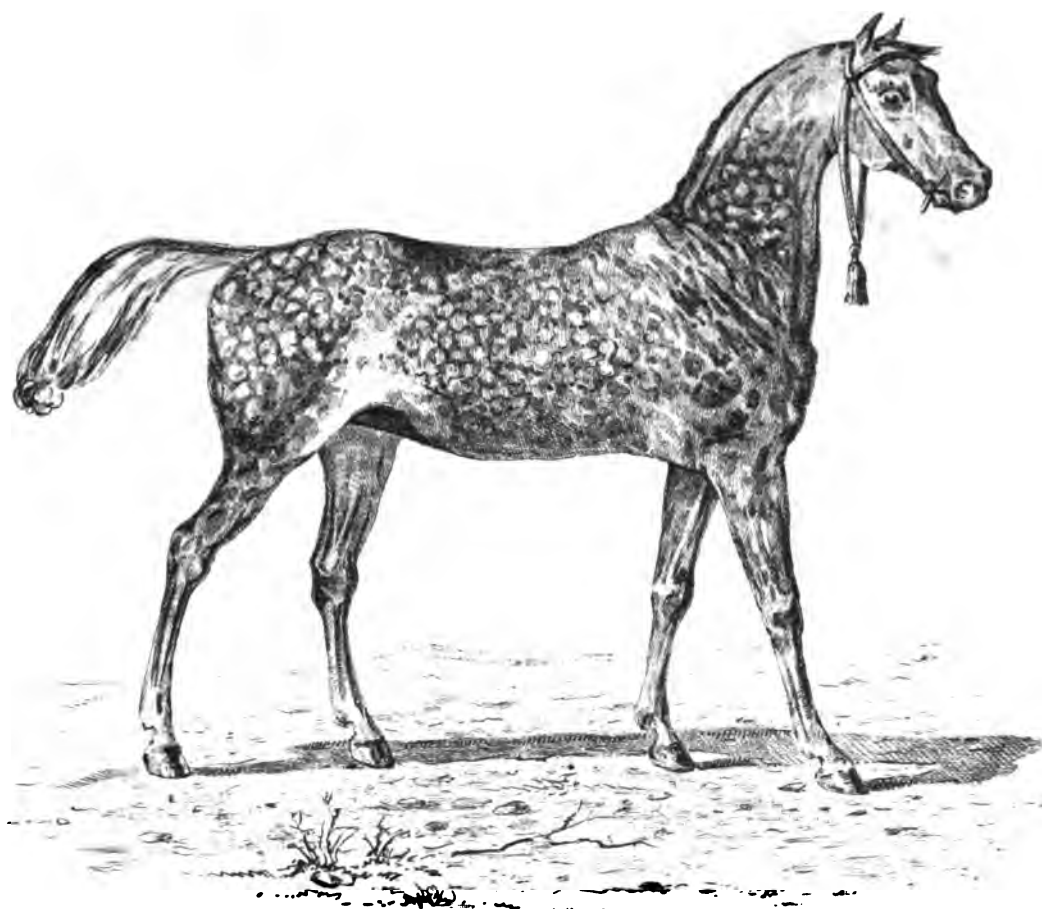
Только во второй половинѣ четвертаго столѣтія Амміанъ Марцелинъ упоминаетъ о быстрыхъ коняхъ Аравїи.

Переходя къ Индіи, мы, видимо удаляемся отъ центра распространенія лошади. Въ Индіи лошади рѣдки, некрасивы и несильны. Ихъ всегда приводили съ сѣвера, и еще въ древности было замѣчено, что лошади здѣсь выраждаются.

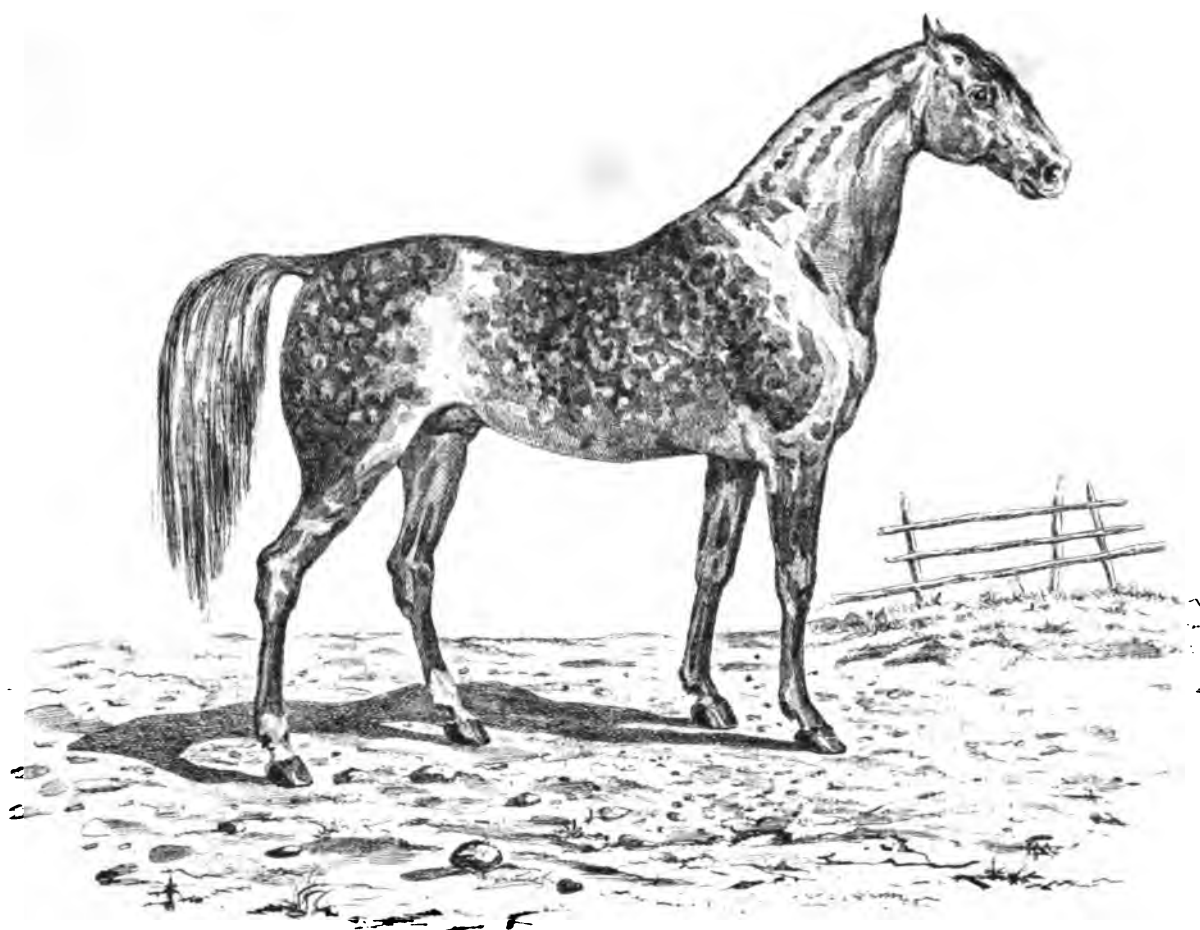
¹⁾ Hehn, стр. 29 и 30.

²⁾ Ricerche per lo studio dell antichita assira.

³⁾ Стр. 27.

СНИМОКЪ СЪ ПЕРСИДСКОЙ КОБЫЛЫ,
подаренной принцу регенту Англїи персидскимъ шахомъ заимств. у Рутенберга.

ВАРВАРСКАЯ ЛОШАДЬ. (Рутенб.).

Во время войны Персіи съ Греціей въ Индіи, по свидѣтельству Геродота, была конница и военныя колесницы.

На каждую колесницу или слона въ Индіи полагалось по закону три всадника и пять пѣхотинцевъ ¹⁾.

Все, приведенное относительно первоначальнаго употребленія лошади, наводитъ на то, что въ упомянутыхъ государствахъ лошадь появилась изъ Ирана и смежныхъ сѣверныхъ странъ.

„Молодой Киръ, говоритъ Ксенофонтъ, ²⁾ „всякій разъ бывалъ въ восхищеніи, когда при дворѣ дѣда ему преподавали уроки верховой ѣзды“. У него на родинѣ не вошло еще въ обычай садиться верхомъ, даже рѣдко можно было видѣть коня. Когда впоследствии, поднявъ оружіе на мидянъ, Киръ сильно терпѣлъ отъ ихъ конницы, то сталъ совѣтовать и своимъ заводить лошадей; самъ сталъ заботиться объ улучшеніи и размноженіи лошадей, и вскорѣ персы до того полюбили ихъ, что законъ называлъ безчестными тѣхъ, которые имѣли лошадей и являлись пѣшкомъ. Съ тѣхъ поръ верховая ѣзда сдѣлалась любимѣйшимъ и почитаемымъ занятіемъ персидской молодежи. Геродотъ пишетъ, ³⁾ что мальчики у персовъ съ пяти до двадцатилѣтняго возраста учились ѣздить верхомъ, укрощать дикихъ лошадей, управлять ими, дѣлать повороты и вольты, переходя отъ большихъ вольтовъ къ малымъ, и биться на коняхъ. Каждый знатный персъ никогда не являлся, иначе какъ на конѣ.

На гробницѣ Дарія, по свидѣтельству Страбона, была надпись, что царь былъ не только вѣрный другъ, но и лучшій наѣздникъ, стрѣлокъ и охотникъ.

Вегецій говоритъ, что персидскія лошади пользовались особенною славой, благодаря ихъ вѣрности, неутомимости и движеніямъ, пріятнымъ для всадника. Онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляли важную доходную статью тѣмъ, кто умѣлъ вести хорошую породу. Съ гордыми, пріятными движеніями они соединяли кротость и покорность. Поэтому ѣзда на нихъ не только не была трудна или утомительна, а истиннымъ удовольствіемъ. При этомъ Вегецій прибавляетъ, что лошади персидскія имѣли большой сборъ и „мордою доставали до груди“ ⁴⁾.

Всѣ персидскія военныя учрежденія, по свидѣтельству Страбона, ихъ любовь къ стрѣльбѣ изъ луковъ, верховой ѣздѣ и роскошь, которою окружали себя цари, перешли къ персамъ отъ мидянъ.

„Мидія отличается превосходствомъ своихъ людей и лошадей. Последнимъ

¹⁾ Lassen. Indische Alterthum's Kunde.

²⁾ Киропедія.

³⁾ Lib. I.

⁴⁾ Die Geschichte des Reiters, Berenger. стр. 25.

она опередила всю Азію. Отсюда, говоритъ Полибій, „и царскіе (персидскіе) конные заводы переведены туда“.

„Мидія и Арменія чрезвычайно богаты лошадьми. Есть тамъ страна луговъ Гишботонъ (Hirrobodon) черезъ которую должны проходить путешественники, отправляющіеся изъ Вавилона и Персіи къ Каспійскимъ воротамъ. Во времена персовъ на ней паслось до пятидесяти тысячъ матокъ, принадлежавшихъ царю“¹⁾.

Геродотъ раньше всѣхъ упоминаетъ о породѣ низейскихъ лошадей. По свидѣтельству новѣйшихъ открытій, слово или названіе „Низея“ встрѣчалось въ мѣстностяхъ Ирана²⁾. Низейскія лошади по типу схожи съ лошадьми сопредѣльных къ Ирану мѣстностей Турана или нынѣшняго Туркестана, а это была страна, изъ которой кочующія племена дѣлали постоянно свои вторженія и набѣги на осѣдлыя государства тогдашняго міра.

Здѣсь въ равнинахъ до Танаиса или Яксарта (оба названія иранскія) т. е., Дона и Сыръ-Дарьи, странствовали кочующія племена, на легкихъ быстрыхъ коняхъ пробѣгая все пространство къ сѣверу отъ Каспійскаго и Чернаго морей и доходя въ Европѣ до Борисфена и Истра (Днѣпра и Дуная).

Это были: паряне, массагеты, даки, хоразмійцы, сарматы, скионы и другіе, извѣстные у персовъ подъ общимъ названіемъ саковъ.

Народы эти были неразлучны съ своими конями. Быстрота, съ которою они пробѣгали громадныя разстоянія, ихъ ловкость во владѣніи конемъ и стрѣльба изъ луковъ описывались неоднократно древними писателями съ большею или меньшею подробностью³⁾.

Скионы, жившіе въ нынѣшней южной Россіи до Дуная, владѣли табунами хорошихъ лошадей. Филиппъ, отецъ Александра Македонскаго во время похода своего отнялъ у нихъ 20000 матокъ хорошей породы и отправилъ въ Македонію для улучшенія породы своихъ лошадей⁴⁾.

Плиній говоритъ, что скионы для ѣзды отдавали прѣимущество кобыламъ. Ихъ считали они выносливѣе; а Страбонъ пишетъ, что они холостили жеребцовъ, чтобы сдѣлать ихъ послушными.

Сарматы были превосходными наѣздниками и вели большое коневодство. Во время войны они имѣли особое вооруженіе, которымъ закрывали себя и коня. Павзаній, описывая предохранительное вооруженіе сарматовъ, говоритъ, что оно дѣлалось изъ костей, такъ какъ въ ихъ странахъ не было желѣза⁵⁾.

¹⁾ Страбонъ, Victor Hehn, стр. 34.

²⁾ Victor Hehn, стр. 36.

³⁾ Iust. 41. 3.

⁴⁾ Iustin, 9. 2. 6.

⁵⁾ Berenger, стр. 33.

Сегины, кочевавшіе къ сѣверу отъ Каспійскаго моря и къ востоку отъ ски-
ѳовъ владѣли лошадьми, напоминавшими по типу дикаго тарпана. Онѣ были покрыты
длинными волосами (до 5 дюймовъ), имѣли тупую морду и были такъ малы, что не
могли нести всадника. Поэтому ихъ запрягали въ колесницы, которыя онѣ во-
зили очень быстро ¹⁾.

Сегины не турецкое племя, имъ приписываютъ мидійское происхожденіе, судя
по обычаямъ и нарядамъ ихъ; но лошади ихъ или остались въ первобытномъ со-
стояніи, или переродились къ худшему, тогда какъ сакскія наѣзничьи племена
улучшили породу своихъ лошадей, благодаря благопріятнымъ климатическимъ усло-
віямъ и богатой растительности мидійскихъ степей.

Теперь обратимся къ Греціи, Риму и народамъ западной Европы.

Миологія Грековъ говоритъ, что Нептунъ и Минерва спорили между собою,
кто изъ нихъ дастъ высшій даръ Греціи. Вслѣдствіе этого Нептунъ далъ лошадь,
а Минерва оливковое дерево. Основываясь на этомъ, предполагають, что лошадь
въ Грецію привезена моремъ изъ Азіи или Африки, по всей вѣроятности, финикія-
нами. Геродотъ полагаетъ, что запрягать лошадей въ колесницы научили грековъ
египтяне ²⁾, а верхомъ ѣздить финикіяне. Отсюда видно, что лошади Греціи были
азіятскаго происхожденія.

Жертвоприношенія лошадей указываютъ на то, что обычай этотъ, сохраняв-
шійся въ Греціи весьма долго, перенять изъ Ирана. Персы приносили бѣлыхъ
лошадей въ жертву рѣкамъ ³⁾. Трояне и Аргивяне приносили ежегодно четвер-
ку бѣлыхъ лошадей въ жертву солнцу, бросая ихъ въ море. Иллирійцы такую же
жертву солнцу приносили каждый девятый годъ ⁴⁾.

Греція и сопредѣльные съ ней народы дѣлались богатыми лошадьми по мѣрѣ
распространенія просвѣщенія. Замѣчательнѣйшія племена лошадей, на которыхъ
ѣздили греки, были каппадокское и ѳессалійское. Каппадокія, какъ извѣстно, была
область Малой Азіи, лежавшая къ западу отъ Армении. Древніе воспѣвали каппа-
докскихъ лошадей въ стихахъ и прозѣ, а о ѳессалійскихъ утверждали, что онѣ
были превосходнѣйшими изъ лошадей Греціи подобно тому, какъ спартанки пре-
лестнѣйшими въ ней женщинами. Но, когда Ксерксъ прибылъ въ ѳессалію, онъ
произвелъ состязаніе между лошадьми ѳессалійскими и иранскими, приведенными
имъ: ѳессалійскія оказались несравненно ниже иранскихъ.

Далмація пріобрѣла лошадей изъ Азіи и Африки восточной породы т. е., про-
исшедшихъ отъ иранскихъ, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

¹⁾ Herodot. 5, 9. Strab. 11, 11, 8.

²⁾ У Геродота Ливійцы. Мельпомена.

³⁾ Ксерксъ. Herodot. 7, 113.

⁴⁾ Fest v. October equus, Fest v. Hippius.

Въ Эпидаврѣ, въ провинціи Арголидѣ, основанъ былъ конный заводъ, лошадей котораго очень любили римляне.

У римлянъ искусство ѣздить верхомъ проявилось весьма рано, сравнительно съ основаніемъ государства. Первый же царь Ромуль сформировалъ отрядъ изъ 300 всадниковъ. Въ объясненіе этого не слѣдуетъ забывать, что народы Лаціума произошли родомъ изъ Тессаліи, гдѣ искусство ѣздить верхомъ существовало давно.

Въ Италіи своихъ лошадей первоначально не было. Поллуксъ говорить ¹⁾, что римляне приобрѣтали своихъ лошадей въ провинціяхъ, т. е., въ странахъ покоренныхъ внѣ Италіи. Особенно любили они лошадей изъ Агригента, Эпидавра (въ провинціи Арголидѣ ²⁾), Каппадокіи, лошадей элейскихъ; изъ Низеи, Сарматіи и Фракіи.

Акрагасъ или Агригентъ, городъ древней Сициліи, былъ у римлянъ рынкомъ хорошихъ лошадей. Сюда доставлялись финикіянами, греками и другими лошади изъ Азіи и Африки.

Римляне также имѣли обыкновение приносить въ жертву или посвящать богамъ лошадей. Передъ переходомъ черезъ Рубиконъ Юлій Цезарь посвятилъ этой рѣкѣ значительное количество лошадей, оставивъ ихъ на окрестныхъ пастбищахъ.

Но еще болѣе чѣмъ Агригентъ, какъ рынокъ прекрасныхъ лошадей, славился городъ Кальпъ (Calpe) въ южной Испаніи, при Гибралтарскомъ проливѣ. „Рождавшіяся тамъ лошади“, сказано въ Ежедневникѣ (стр. 189), „почитались у древнихъ самыми прекрасными“, а, по свидѣтельству древнихъ писателей, получили свое начало отъ земель, лежащихъ на берегу Африки, противоположномъ Испаніи. Онѣ „по качествамъ своимъ, удивительное имѣютъ сходство съ варварійскими, только съ нѣкоторою въ нихъ переменною, происходящею отъ климата и, вѣроятно отъ смѣшенія съ лошадьми европейскихъ породъ“. „Вегетій говоритъ, что онѣ происходятъ отъ варварійскихъ“; но онъ-же говоритъ, что африканская лошадь произошла отъ испанскихъ лошадей. Финикіяне, основавшіе Картагенъ и снабжавшіе лошадьми Грецію и другія страны, въ которыхъ имѣли колоніи и торговлю, вѣроятно, перевезли лошадь въ Картагенъ и въ Испанію. О коневодствѣ въ Картагенѣ мы не имѣемъ свѣдѣній, но, надо полагать, оттуда лошадь распространилась въ Нумидію и Мавританію, а о нумидійской лошади Титъ Ливій пишетъ, что она была не велика, но чрезвычайно быстра и поворотлива. Такъ какъ Испанія была завоевана Картагеномъ, то весьма естественно, что картагенскія лошади попали въ Испанію, а испанскія черезъ картагенянъ въ Африку.

Въ IV вѣкѣ по Р. Х. произошло великое переселеніе народовъ. Въ Испанію пришли вандалы, аланы и вестготы; многіе изъ нихъ были конные и занесли съ

¹⁾ Поллуксъ. О недостаткахъ лошадей: Lib. I, cap. I. De militia equestri antiqua et nova. Hugo.

²⁾ Въ Пелопонесѣ.

собою туркменскихъ и татарскихъ лошадей, которыя должны были сообщить испанскимъ лошадямъ горбоносая голова. Въ 700 году по Р. Х. аравитяне въ числѣ 75 тысячъ всадниковъ прошли черезъ всю сѣверную Африку въ Марокко и оттуда въ Испанію и основали въ этихъ странахъ свою монархію Мавровъ.

Такимъ образомъ арабская лошадь явилась въ Мавританіи и Испаніи.

Лошадей славянъ, литовцевъ и германцевъ производятъ отъ иранскихъ. Тацитъ говоритъ особенно о славянахъ, что они не были конниками, какъ сарматы, хотя отъ послѣднихъ многое переняли, и что главная сила ихъ заключалась въ пѣхотѣ. Поэтому онъ и старается славянъ причислить къ германцамъ. Когда-же славяне, вытѣснивъ германцевъ, приблизились къ Одеру и Эльбѣ, то историки среднихъ вѣковъ находятъ у нихъ обычай живо напоминающіе обычаи Ирана въ отношеніи къ почестямъ, воздаваемымъ коню. „Свѣтовиту, богу свѣта, посвящается бѣлый конь; Триглаву, богу зла—вороной, который никогда не ѣздила, между тѣмъ, какъ на бѣлаго коня иногда садился священнослужитель; конь служитъ предзнаменованіемъ счастья и несчастья ¹⁾. Но считая родоначальниками славянъ скиѳовъ, приходится несогласиться съ Тацитомъ. Скиѳы искони вѣковъ были конники. На своихъ быстрыхъ коняхъ они проходили весь міръ, служили въ арміяхъ персовъ и грековъ задолго до Р. Х., посѣтили Аравію и описаны греческими и арабскими историками какъ народъ конный. При такихъ обстоятельствахъ естественно, что славяне заимствовали и лучшихъ лошадей и нѣкоторые обычаи изъ Ирана.

Литовцы, по свидѣтельству древнихъ писателей, пили кобылье молоко. Обычай этотъ не былъ извѣстенъ германцамъ. „У эстовъ“, говоритъ Вульфстонъ ²⁾, „было такъ много меду, что король и богатые предоставляли пить его бѣднымъ, а сами пили кобылье молоко“. „У пруссовъ, какъ и у иранцевъ, кобыль держали большими стадами; а когда была надобность, ихъ стогнали вмѣстѣ, окружали и доили ³⁾.

Изъ приведенныхъ отрывковъ историковъ и древнихъ писателей можно усмотрѣть, что дѣйствительно конь, появившись въ Иранѣ, началъ распространяться во всѣ стороны: на югъ въ Ассирію и Вавилонію, на западъ и юго-западъ въ Сирію и Египетъ, на востокъ въ Индію, затѣмъ черезъ Сирію въ Грецію, а оттуда въ Италію; въ юго-восточной Европѣ очень можетъ быть онъ явился и другимъ путемъ черезъ Кавказъ и черезъ промежутокъ морей Каспійскаго и Аральскаго; а оттуда на сѣверъ и западъ Европы.

Во всякомъ случаѣ явственно замѣтно распространеніе лошади отъ одного центра, изъ Ирана и сопредѣльнаго Турана. Но первоначально и мидійскій конь произошелъ изъ Турана. Тамъ степные бродячіе народы укротили коня, приручили,

¹⁾ Hehn, стр. 46.

²⁾ Antiquités russes II p. 469.

³⁾ Scriptores rerum pruss. 1 p. 64. Hehn. стр. 47.

стали употреблять его для своихъ нуждъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для войны. Вообще принято считать первыми укротителями лошадей скиѣское племя скотовъ. Иранскіе народы переняли искусство укрощать коней отъ жителей Турана, а затѣмъ это искусство начало распространяться по всему свѣту. Но въ свою очередь, какъ увидимъ ниже, и Туранъ красоту и кровность своихъ коней много заимствовалъ впоследствии изъ Ирана. „Жители города Балка“, пишетъ Бахметьевъ ¹⁾, родоначальникомъ своихъ лошадей считаютъ Ракма, коня Рустема, персидскаго героя, что ясно указываетъ на ихъ персидское происхожденіе. Кромѣ того, великіе воители Средней Азіи обращали большое вниманіе на улучшеніе конскихъ породъ этихъ странъ.

Исторія говоритъ, что Тамерланъ, покоривъ Китай, Индію, Персію и Турцію, вывелъ отсюду лучшихъ лошадей въ Самаркандъ и сосѣдній съ нимъ родной его городъ Шехризязъ. Народное преданіе въ свою очередь приписываетъ великому Надиру насажденіе превосходныхъ конскихъ породъ въ земляхъ, лежащихъ между Индією и отдаленнѣйшими предѣлами Персіи.

Въ то время какъ сначала въ азіатскихъ государствахъ древняго міра, потомъ въ Греціи и Римѣ, лошадь сдѣлалась совершенно домашнимъ животнымъ, въ отдаленныхъ странахъ на западѣ и сѣверѣ Европы ее находятъ долго еще въ дикомъ видѣ.

Очень вѣроятно, что конь въ его дикомъ первобытномъ видѣ пробѣгалъ обширныя степи, переходилъ Карпаты и распространялся все далѣе и далѣе, пока берега Океана не клали предѣла этому распространенію. Такъ Варронъ ²⁾ и Страбонъ ³⁾ говорятъ о дикихъ лошадяхъ Испаніи. Страбонъ же ⁴⁾ и Плиній ⁵⁾ упоминаютъ о дикихъ лошадяхъ Альповъ и странъ къ сѣверу отъ Альпъ.

Папа Григорій III въ 732 году писалъ Святому Бонифацію ⁶⁾: „ты позволилъ инымъ ѣсть мясо дикихъ лошадей, а усмиранныхъ лошадей почти всѣмъ. Отнынѣ, святѣйшій братъ, не разрѣшай этого ни въ какомъ случаѣ“ ⁷⁾. Галльскіе монахи еще около 1000 г. по Р. Х. ѣли конину.

Въ Вогезахъ въ концѣ XVI столѣтія водились дикія лошади, которыя укрощались съ большимъ трудомъ, но не уступали лучшимъ испанскимъ и турецкимъ лошадямъ. Лошади эти легко переносили холодъ и дурной недостаточный кормъ и были чрезвычайно вѣрны на ногахъ ⁸⁾.

¹⁾ Журналъ коннозаводства 1870 г. № 11 стр. 37 и 38.

²⁾ Varro de r. r. 2, 1, 5.

³⁾ Strabo. 3, 4, 15.

⁴⁾ 4. 6. 10.

⁵⁾ Plinius. 8. 39.

⁶⁾ Bonifac. 28.

⁷⁾ Mittheilungen der antiquar. Gesellsch, in Zurich. III, 2, Seit 99.

⁸⁾ Gerard. L'ancienne Alzace à table. Colmar 1862. pag. 123.

Въ Пруссіи, по увѣренію Гена (стр. 25), во времена реформаціи и даже въ болѣе позднѣйшія времена, лѣса были наполнены дикими лошадьми; а въ Польшѣ и Литвѣ до конца XVII столѣтія на лошадехъ охотились.

Относительно Россіи приведемъ слова Владиміра Мономаха (1113—1125), написанныя имъ въ завѣщаніи сыновьямъ и сохраняемыя въ, такъ называемой, Лаврентьевской лѣтописи. Владиміръ пишетъ: „въ Черниговѣ я поймалъ и связалъ собственноручно отъ 10 до 20 дикихъ коней живыми; а когда я шель конно по рѣчкѣ Россѣ, то собственноручно ловилъ такихъ-же коней“.

Гмелинъ пишетъ, ¹⁾ что еще въ первой половинѣ 18 столѣтія онъ видѣлъ въ Воронежской губерніи дикихъ лошадей, которыя, судя по его описанію, напоминаютъ лошадей, описываемыхъ Геродотомъ у сегиновъ: очень маленькія съ толстою головою, очень длинною шерстью и совсѣмъ не годныя къ верховой ѣздѣ. Обратимъ вниманіе на то, что по описанію Геродота сегины кочевали къ сѣверу отъ Каспійскаго моря и къ востоку отъ скиѳовъ, а скиѳы въ нынѣшнихъ губерніяхъ, Кіевской, Подольской, Таврической, Херсонской, отчасти Екатеринославской, въ Молдавіи, Буковинѣ и отчасти Галиціи ²⁾. Слѣдовательно нынѣшняя Воронежская губернія и сопредѣльныя земли, можетъ быть, и входили въ черту кочевьевъ племени сегиновъ; а можетъ быть и то, что въ Воронежскую губернію дикія лошади забѣгали съ востока.

Настоящія дикія лошади, которыхъ и теперь встрѣчаютъ въ средней Азій, и которыхъ описываетъ нашъ путешественникъ Пржевальскій, не годятся въ службу человѣку. Потерявъ свободу, такая лошадь больше года не выдерживаетъ. Поэтому дикихъ лошадей описанныхъ странъ, которыхъ удалось приручить, надо считать или происшедшими отъ дикихъ и прирученныхъ съ малолѣтства или одичавшими.

Очень можетъ быть послѣ истребленія народовъ, какъ это неоднократно находимъ мы въ исторіи прошедшихъ временъ, лошади имъ принадлежавшія разбѣжались въ лѣса и степи и мало по малу одичали.

И такъ черезъ посредство ли человѣка или въ дикомъ видѣ лошадь распространилась по всему земному шару и, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій тѣхъ странъ, въ которыхъ въ концѣ концовъ пришлось различнымъ группамъ этого животнаго остановиться для жилья, они акклиматизировались, получили извѣстные типы по наружному виду, и отъ тѣхъ работъ, которыя въ службѣ человѣку пришлось нести, приобрѣли разнообразное развитіе и способности.

Замѣчательно, что лошади, получившія происхожденіе и развитіе въ степныхъ, сухихъ и горныхъ странахъ, обладаютъ легкостью и особенно способностью къ службѣ подъ верхъ. Лошади же, обитающія на низменныхъ почвахъ, при обилии

¹⁾ Руководство къ познанію лошади Рутенберга стр. 53.

²⁾ Смотри о скиѳахъ, глава 11.

сочныхъ травъ наоборотъ приобрѣтаютъ массивность склада, большой ростъ и оказываются болѣе пригодными къ возкѣ тяжестей.

Наши гишологи ¹⁾ всѣхъ лошадей земнаго шара раздѣляютъ на четыре главныя породы: восточную, сѣверную, западную и южную. Но въ каждой изъ этихъ породъ человѣкъ своими заботами о правильномъ скрещиваніи и воспитаніи вывелъ нѣсколько племенъ съ болѣе или меньшими достоинствами или пригодностью къ службѣ ли подъ верхъ, возкѣ ли экипажей или большихъ тяжестей.

Къ Восточной породѣ причисляютъ лошадей арабскихъ, варварійскихъ, персидскихъ, турецкихъ, частью туркменскихъ и прочихъ, обитающихъ въ южной и средней Азійи и Африкѣ. Порода эта самая обильная лошадьми верховаго сорта.

Къ Сѣверной породѣ причисляются племена татарское, русское, польское, степное и финское. Татарское, польское и степное племена суть лошади верховаго сорта; русское на половину, а финское все состоитъ изъ лошадей упряжныхъ.

Лошади Западной породы отличаются большимъ ростомъ, тучнымъ сложеніемъ, но они не такъ выносливы, какъ предыдущія. Сюда принадлежатъ: испанское, неаполитанское и мекленбургское племена верховаго сорта; англійское на половину, французское, фризское или голландское, голштинское и датское племена по преимуществу возовыя и упряжныя.

Къ Южной породѣ причисляютъ лошадей Америки, на половину верховыхъ, на половину упряжныхъ.

Перечисливъ вкратцѣ породы и племена лошадей, мы впоследствии, при описаніи устройства конницы различныхъ народовъ, постараемся коснуться подробнѣе коневодства и типовъ лошадей, которыми, по всей вѣроятности, приходилось упоминаемымъ народамъ пользоваться.

Теперь является вопросъ, что старше приспособленіе коня къ запряжкѣ или подъ верхъ? Лукрецій ²⁾ полагаетъ, что ѣзда верхомъ и управленіе уздою старше ѣзды въ колесницѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что первобытныя колесницы или телѣги значительно отличались отъ боевыхъ металлическихъ колесницъ ассиріянъ. Употребленіе скота для перевозки тяжестей подало, вѣроятно, мысль примѣнить къ этому дѣлу усмиренаго коня. Но для самаго усмиренаго, нѣтъ сомнѣнія, что пришлось вскочить на спину животнаго, обхватить руками и ногами, скакать до изнеможенія и привести коня такимъ образомъ къ покорности: однимъ словомъ сдѣлать то, что и теперь дѣлаютъ степняки для приведенія коня въ покорность воли человѣка. Конь всегда предназначался для боя. Главное достоинство его заключается въ быстротѣ, и только всадникъ могъ напасть на мысль запретъ коня для удобнѣйшаго достиженія извѣстныхъ цѣлей.

¹⁾ Рутенбергъ. стр. 7.

²⁾ Lucretius 5, 1297. Victor Neh. стр. 52.

СКИЮЪ IV ВѢКА ДО Р. Х.

Источники: Прохоровъ, Hottenroth, кн. Голицынь и др.

Тамъ, гдѣ первая родина коня, впервые явилась и кавалерія, какъ родъ оружія. Съ незапамятныхъ временъ изъ странъ средней Азіи разныя кочующія племена отъ времени до времени появлялись на границахъ первобытныхъ государствъ и дѣлали опустошительные набѣги. Одни шли по южную сторону Каспійскаго моря, другіе по сѣверную. Массы народовъ одни за другими и подъ разными именами выходили съ перерывами до XIII столѣтія. Такъ первоначально появлялись скиѣ, массагеты, паряне, сарматы подъ общимъ у персовъ именемъ саковъ; въ послѣдующія времена гунны, аланы, авары, венгры, турки и монголы. Всѣ эти народы двигались громадными полчищами, составленными изъ всадниковъ, съ малолѣтства, такъ сказать, сросшихся съ своими легкими конями, привычныхъ къ дѣйствию оружіемъ и жившихъ войною. По этимъ причинамъ, разъ во главѣ этихъ народовъ появлялись талантливые предводители, они шли на сосѣднія страны, какъ ураганъ все истребляющій или поработающій.

Чтобы оградить свои границы отъ частыхъ набѣговъ этихъ естественно возникшихъ кавалерій, древнія государства стали заводить собственныя конницы или нанимать союзниковъ между кочующими народами. Такимъ образомъ явилась конница въ арміяхъ Нина, Семирамиды, Сезостриса и другихъ древнѣйшихъ завоевателей. У евреевъ, какъ мы уже говорили, при царѣ Соломонѣ было 10000 всадниковъ. Въ арміи лидійскаго царя Креза кавалерія составляла шестую часть всѣхъ войскъ.

Армія Кира, царя персидскаго, первоначально состояла изъ одной пѣхоты, но мало по малу онъ устроилъ конницу и, постепенно увеличивая ее, довель до 120000 всадниковъ.

Мы уже говорили, какъ этотъ царь заставилъ персовъ полюбить коня и заботился о коневодствѣ, которое, благодаря этому, пришло въ древней Персіи въ цвѣтущее состояніе. Когда еще арабскія лошади не были извѣстны, персидскія почитались въ продолженіе многихъ столѣтій благороднѣйшими и прекраснѣйшими. Цари и полководцы предпочитали этихъ лошадей всѣмъ прочимъ. Геродотъ, Ксенофонтъ, Страбонъ и др. упоминаютъ о нихъ, какъ о лучшихъ лошадяхъ. Александръ Македонскій ѣздилъ преимущественно на персидскихъ лошадяхъ.

И только, когда Персія покорена была аравитянами, около половины XII столѣтія, узнали арабскихъ лошадей и отдали имъ преимущество.

Лучшую часть конницы древнихъ персовъ составлялъ отрядъ безсмертныхъ, сформированный изъ знатныхъ персовъ. Они составляли тяжеловооруженную кавалерію, которую греки называли „клибаріи или катафракты“. Всадники были покрыты чешуйчатымъ панциремъ, составленнымъ изъ множества кусковъ листового, желѣза и имѣли желѣзные-же остроконечныя каски или шлемы. Лобъ и грудь лошади, а иногда и бедра также прикрывали особыми щитиками и панци-

рями ¹⁾. „Въ персидскихъ войскахъ“, говоритъ Баумгертнеръ, „были катафракты, которые, благодаря своему вооруженію, не могли быть ранены, но легко попадались въ плѣнъ“.

Но, кромѣ этой кавалеріи, въ рядахъ персидскихъ войскъ было множество легкихъ всадниковъ всевозможныхъ націй, которые сами по себѣ были превосходными наѣздниками, но служили по найму и могли быть хорошимъ войскомъ подъ желѣзною рукою Кира.

Займствуемъ описаніе персидскаго войска у Зедделера ²⁾, который говоритъ: „что касается до вооруженія, строя и вообще военнаго искусства восточныхъ народовъ, то все это частью мало извѣстно, частью-же не заслуживаетъ любопытства. Хотя Ксенофонтъ въ своей Киропедіи и превозноситъ похвалами устройство войскъ персидскихъ въ царствованіе Кира, но это нельзя принять за достовѣрное свидѣтельство потому, что состояніе персидскихъ войскъ при первыхъ Кировыхъ преемникахъ явно тому противорѣчитъ. Изъ описанія Ксерксовой арміи въ лѣтописи Геродота видно, что она была несмѣтное, но разнообразное и не воинственное сборище полудикихъ, рабскихъ народовъ, ополчившихся по гласу повелителя. Въ числѣ ихъ находились ассирійцы, покрытые латами и вооруженные окованными дубинами; саки и скиѣны, вооруженные сѣкирами; индійцы, носившіе широкую одежду изъ бумажныхъ тканей и дѣйствовавшіе камышевыми дротиками; каспійцы въ шубахъ; эіюпы, обвѣшанные львиными и барсовыми кожами и испещрявшіе тѣло свое бѣлою и красною краскою; египтяне съ огромными щитами и длинными копьями; персы въ пестрыхъ узкихъ одеждахъ, на подобіе кафтановъ, и острыхъ шапкахъ, вооруженные легкими копьями, стрѣлами и длинными кинжалами, и такъ далѣе.

Всѣ эти полчища раздѣлялись на десятки, сотни и тысячи; десять тысячъ отборной персидской конницы и такое-же число пѣхоты составляли корпусъ царскихъ тѣлохранителей, прозванныхъ безсмертными.

Приступая къ бою, восточныя арміи располагались обыкновенно по народамъ въ одну или болѣе линій и въ видѣ полумѣсяца. Пѣхота стояла въ центрѣ, а конница на крыльяхъ; та и другая составляли огромныя массы, имѣвшія иногда до ста человекъ въ глубину для того, чтобы недостатокъ въ устройствѣ и мужествѣ замѣнить непроницаемостью строя и силою натиска; впереди фронта находились военныя колесницы и слоны.

Ксенофонтъ говоритъ, что Киръ имѣлъ въ арміи своей родъ конницы, въ которой всадники ѣздили на верблюдахъ и такимъ образомъ, что на каждомъ верблюдѣ было по два ратника, сидѣвшихъ одинъ къ другому спиною. Они дѣйство-

¹⁾ Berenger стр. 33. Klaudius Aelian von Schlachtordnungen. Aus d. Griechischen vom Baumgaertner 1779 стр. 58.

²⁾ Исторія военнаго искусства Ч. I стр. 24.

горизонт работы М. Маркова.

ПЕРСЬ ТЯЖЕЛОВООРУЖЕННЫЙ.

Источники: Hottenroth, Berenger, Baumgaertner и др.

вали стрѣлами, копьями и длинными мечами. По словамъ Ксенофонта, неожиданное появленіе этой конницы при Тимврѣ привело въ разстройство превосходную кавалерію Креза и тѣмъ рѣшило сраженіе.

Считаемъ не лишнимъ упомянуть о военныхъ колесницахъ, такъ какъ употребленіе ихъ съ цѣлью прорыва непріятельскаго фронта, т. е., удара или шока, значительно предшествовало подобному способу дѣйствія кавалеріи.

Главные части колесницы суть слѣдующія: два колеса, ось, дышло и верхъ (коробъ) колесницы. Колеса при поперечникѣ въ 2 или 2½ фута имѣли 4 или 8 деревянныхъ спиць; деревянный ободъ обитъ былъ металлическою шиною; ступица дѣлалась изъ металла и надѣвалась на желѣзную ось.

Къ этой подставкѣ съ помощью ремней прикрѣплялся коробъ, состоявшій изъ деревяннаго дна, передней и боковыхъ стѣнокъ. Сзади стѣнки не было, и, такъ какъ коробъ возвышался на 1¼ и 1½ фута, то боецъ и возница могли легко входить въ него. Передняя стѣнка вышиною около двухъ футовъ прикрывала человѣка выше колѣнъ. Какъ передняя стѣнка, такъ и боковыя къ тыльной части колесницы понижались до 1¼ футовъ. Деревянная, а иногда металлическія дужки у передней стѣны служили для укрѣпленія вожжей во время отдыха.

Къ оси прикрѣплялось дышло съ гвоздемъ или кольцомъ для утвержденія на переднемъ концѣ ярма. Ярмо состояло изъ прямой средней части и двухъ боковыхъ, согнутыхъ въ видѣ хомутовъ.

Чтобы запретъ лошадей, ярмо привязывали ремнями къ дышлу, потомъ подводили лошадей и ставили ихъ подъ ярмо, концы которыхъ завязывали ремнями. Лошади везли за дышло, такъ какъ нагрудные ремни и постромки первоначально не были еще въ употребленіи.

На верхней части ярма находились кольца, черезъ которыя пропускались вожжи, прикрѣпляемые къ концамъ удиль.

Описанная запряжка указываетъ на то, что колесницы перевозились не менѣ какъ парю лошадей; но иногда третья запасная лошадь привязывалась къ одной изъ запряженныхъ ¹⁾).

Мы описали здѣсь греческую колесницу первыхъ временъ, употреблявшуюся для быстрой перевозки стрѣлковъ. Впослѣдствіи какъ колесницы, такъ и упряжь были много усовершенствованы. Колесницы стали запрягать четверкою, и римляне устраивали на нихъ великолѣпныя ристалища въ циркахъ и триумфы.

Восточные народы, кромѣ перевозки стрѣлковъ и знатныхъ особъ, употребляли колесницы для атаки непріятельскихъ войскъ. Персы къ своимъ колесницамъ, предназначаемымъ для этихъ цѣлей, придѣлывали косы и пускали ихъ въ атаку во всю скачь лошадей. Кавалерія въ тѣ времена еще подобнаго употребленія не

¹⁾ Rüstof und Köchly стр. 31.

знала, и впоследствии введенный способ поражения неприятеля, такъ называемый шокъ, ведетъ свое начало отъ удара или налета колесницъ.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ распространеніемъ лошади и происхожденіемъ первобытныхъ кавалерій, насколько даютъ понятіе о нихъ скудныя свѣденія до насъ дошедшія, перейдемъ къ разсмотрѣнію устройства кавалерій тѣхъ народовъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣденія болѣе достовѣрныя, и военное искусство которыхъ имѣло вліяніе на послѣдующія поколѣнія рода человѣческаго. Къ таковымъ прежде всего надо отнести грековъ и римлянъ.

Для удобства разсмотрѣнія и изложенія исторіи кавалеріи необходимо раздѣлить ее на періоды, въ зависимости отъ значенія этого рода оружія въ составѣ армій въ различныя времена:

Первый періодъ. Греческія и римскія арміи. Сюда войдетъ описаніе устройства кавалеріи у грековъ, македонянъ, кареагенянъ и римлянъ; употребленіе кавалеріи знаменитѣйшими полководцами, Александромъ Македонскимъ, Аннибаломъ, Сципіономъ и Юліемъ Цезаремъ. Обзоръ устройства кавалеріи народовъ, служившихъ въ римскихъ арміяхъ и воевавшихъ съ римлянами.

Періодъ второй. Отъ паденія Западной Римской Имперіи до изобрѣтенія и введенія огнестрѣльнаго оружія. Сюда войдутъ: устройство и дѣйствія кавалеріи въ эпоху развитія феодальной системы, рыцарство, конница восточныхъ народовъ: новоперсовъ, мадьяръ, аравитянъ, турокъ, славянъ и монголовъ; упадокъ феодализма и введеніе регулярныхъ войскъ.

Періодъ третій. Отъ вооруженія кавалеріи огнестрѣльнымъ оружіемъ до Фридриха Великаго.—Увлеченіе огнестрѣльнымъ боемъ, значеніе Густава Адольфа, русское казачество; употребленіе кавалеріи во время войнъ: Итальянскихъ, Тридцатилѣтней, Нидерландскихъ и Сѣверной; Карлъ XII, Петръ Великій и Морицъ Саксонскій.

Періодъ четвертый. Отъ Фридриха Великаго до введенія нарѣзнаго оружія.—Реформы Фридриха. Устройство и образъ дѣйствій кавалеріи европейскихъ государствъ во время Фридриха. Румянцевъ и Суворовъ. Дѣйствія русской кавалеріи. Перпендикулярная тактика. Наполеонъ. Употребленіе кавалеріи въ его время на поляхъ сраженій и на театрѣ войны. Русская, прусская, австрійская, англійская и польская кавалерія во время войнъ Наполеоновскихъ, Турецкой, Польской и Венгерской.

Періодъ пятый. Отъ введенія нарѣзнаго оружія до нашего времени.—Вліяніе нарѣзнаго оружія на понятіе о значеніи кавалеріи, выяснившееся въ войнахъ послѣдняго времени. Употребленіе конницы на поляхъ сраженій и на театрѣ дѣйствій со времени введенія нарѣзнаго оружія.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

Греческія и римскія арміи.

Глава 1-я.

Относительная малочисленность кавалеріи въ составѣ греческихъ милицій (Спарты и Аѳинъ). Раздѣленіе кавалеріи на тяжеловооруженныхъ и лучниковъ. Одежда, вооруженіе и снаряженіе. Свѣденія объ уходѣ за лошадыю, объ обученіи верховой ѣздѣ и предварительной подготовкѣ конницы. Олимпійскія игры. Фила—тактическая единица. Образъ дѣйствія кавалеріи.

Судя по пѣснямъ Гомера, можно думать, что верховая ѣзда была извѣстна въ Греціи задолго до Троянской войны и не только изучалась весьма старательно, но пользовалась большимъ почетомъ. Въ 15-й пѣснѣ Иліады Гомеръ говоритъ ¹⁾.

„Словно какъ мужъ, ѣздокъ на коняхъ необычно искусный,
Лучшихъ изъ множества коней избравъ четырехъ и связавъ ихъ,
Править, и съ поля далекаго къ граду великому гонить
Битой дорогой; толпою и мужи и робкія жены
Смотрятъ дивуясь; а онъ безпрестанно, и твердо и вѣрно
Скачетъ, сядя съ коня на коня, на бѣгу ихъ ужасномъ“.

Для этого недостаточно ловкости наѣздника, нужна ловкость акробата и тонкая выѣздка лошадей. Но, не смотря на знакомство грековъ съ верховою ѣздою, во время Троянской войны употребленія конницы мы не встрѣчаемъ. Лошадей для боя употребляли не иначе, какъ запрягая ихъ въ колесницы.

Но и послѣ Троянской войны употребленіе лошади подъ верхъ на войнѣ было крайне ограничено до самыхъ Персидскихъ войнъ. Причиною этого были: первоначальная бѣдность греческихъ государствъ, недостатокъ въ лошадяхъ, а отчасти и гористое положеніе. До Персидскихъ войнъ греки внѣшнихъ военныхъ экспедицій, за исключеніемъ Троянской войны, почти не предпринимали; въ междоусобныхъ же войнахъ вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ особенной необходимости въ значительной кавалеріи и не могло обнаружиться. Вотъ почему кавалерія въ этотъ періодъ очень малочисленна ²⁾ и, какъ кажется, греки не вполне сознавали возможность сражаться на конѣ; всадники же ихъ исполняли, по всей вѣроятности, обязанности ординарцевъ, или употреблялись для передовой службы.

До сраженія при Платеѣ нѣтъ сколько нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній о конницѣ спартанцевъ. Всѣ спартанцы, имѣвшіе право гражданства, т. е., потомки гераклидовъ были гоплиты (тяжеловооруженные пѣхотинцы), предпочитаая пѣшую службу конной; даже всадники (гиппеусъ) или рыцари, какъ называетъ ихъ Рюстовъ ³⁾, составлявшіе въ числѣ около 300 конвой царей, принадлежали къ гоплитамъ. Цари ѣздили обыкновенно въ колесницахъ. Сопровождать колесницы

¹⁾ Иліада, переводъ Гнѣдича. Часть II, стр. 101.

²⁾ У аѳинянъ напр. 96, а впоследствии 300 всадниковъ.

³⁾ Geschichte des Griechischen Kriegswesens Rüstof und Köchly, стр. 38—40.

пѣшкомъ трудно; кромѣ того, всадники исполняли военно-полицейскія обязанности. По всей вѣроятности они же употреблялись и для сторожевой службы и, какъ ординарцы, для передачи приказаній.

Всадники формировались слѣдующимъ образомъ. Изъ числа молодыхъ гоппитовъ, заслужившихъ своею храбростію честь состоять въ конвоѣ царя, эфоры назначали трехъ гиппагретовъ. Каждый гиппагреть избиралъ себѣ 100 сверстниковъ, объявляя всенародно, почему онъ одного беретъ, а другаго оставляетъ. Самое названіе гиппагреть показываетъ, что они были конные: гиппосъ значитъ лошадь. Впослѣдствіи всадники стали называться скиритами, согласно названію той области, гдѣ преимущественно спартанцы разводили своихъ лошадей и изъ жителей которой, какъ болѣе привычныхъ къ лошадямъ, стали формировать свою конницу.

Спартанское войско состояло изъ пяти моръ, по числу народныхъ поколѣній, тяжелооруженной пѣхоты. Каждая мора состояла, смотря по обстоятельствамъ, изъ 600 до 1000 гоппитовъ. Положено было на эти пять моръ выставять шестую мору конную изъ скиритовъ подъ начальствомъ гиппармоста.

Первоначально тактической единицею былъ уламосъ (ulamos) въ 50 всадниковъ.

Впрочемъ конница спартанцевъ всегда была плоха. Богатые обязаны были только имѣть лошадь, сбрую и оружіе для всадника, но имѣли право въ конницѣ не служить. А такъ какъ они предпочитали вообще пѣшую службу конной, то на этихъ лошадяхъ начали сажать людей слабыхъ и негодныхъ служить въ гоппитахъ, и посылали ихъ въ дѣло часто безъ предварительной подготовки. Только съ 418 года до Р. Х. спартанцы улучшили свою конницу, составивъ ее преимущественно изъ наемниковъ.

Извѣстный французскій академикъ и антикварій Ларшеръ ¹⁾ утверждаетъ, что до Солона въ Аѣинахъ не имѣли понятія о конницѣ, да и современникъ Ларшера Бартеlemi придерживается того же мнѣнія. Замѣчаніе Ларшера, что почва Аттики неблагоприятствовала коневодству, не вполне вѣрно, потому что не только существуютъ богатая долины на сѣверѣ, но и Мараеонская долина была вполне пригодна для этой цѣли.

Въ Аѣинахъ существовали особыя общества Поссейдонъ—гиппосъ и Колоносъ—гиппосъ, названія которыхъ показываютъ на ихъ прямое отношеніе къ лошади.

Эврипидъ придаетъ Тезею въ сраженіи съ віотійцами конницу. Поллуксъ повѣствуетъ, что по старинному обычаю каждая навкратія ²⁾ выставяла одинъ корабль и двухъ всадниковъ. Изъ исторіи Геродота (V. 71) извѣстно, что навкра-

¹⁾ К. Ф. Германъ. Disputatio de equitibus Atticis. Sur l'ordre équestre de Grèce.

²⁾ Извѣстная часть гражданъ. Объ этомъ будетъ сказано ниже.

ріи—существовали до Солона. Все это подтверждает, что конница существовала въ Аѣинахъ раньше Солона.

Владѣніе лошадьми было особеннымъ отличіемъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ людей—всадниковъ, которые послѣ паденія царей въ Аѣинахъ захватили въ свои руки правленіе. Вслѣдствіе этого слово рыцарь—всадникъ—гиппеусъ утрачиваетъ мало по малу свое прежнее значеніе и употребляется для означенія званія и достоинства.

Солонъ, желая по возможности слить аѣинское общество въ одно цѣлое, раздѣлилъ все населеніе на классы по имуществу. Къ 1-му классу ¹⁾, пентакозіомедимнамъ, онъ причислилъ богатѣйшихъ людей всѣхъ сословій, желая этимъ открыть дорогу къ высшимъ должностямъ даже людямъ низкаго происхожденія, если они сумѣли пріобрѣсти извѣстное состояніе. Остальные три класса распределены были также по величинѣ имущества. Благодаря этому, неравноправность классовъ мало по малу начала исчезать. Но названіе всадниковъ осталось за вторымъ классомъ, къ которому причислялись благородные, соответствовавшіе древнимъ эвпатридамъ, такъ что слово „гиппеусъ“ имѣло двойное значеніе: всадникъ—гражданинъ 2-го класса, и кавалеристъ.

Господствующій народъ Аттики іоняне раздѣлялись первоначально на 4 филы, каждая фила на 3 фратріи, фратрія на 4 навкраріи. Каждая навкрарія ставила двухъ всадниковъ. Солонъ сохранилъ раздѣленіе на филы, а введенное имъ различіе классовъ не произвело перемѣны въ существовавшемъ порядкѣ. Даже послѣ новаго дѣленія, установленнаго Клисѣеномъ ²⁾ (510 лѣтъ до Р. Х.), Аѣиняне, дѣлая наборъ въ кавалерію, слѣдовали старымъ правиламъ. Численность кавалеріи сообразно новому дѣленію увеличилась до 100 всадниковъ.

Военною службою обязаны были три первые класса.

Всѣ богатѣйшіе люди въ силу закона обязаны были держать боевыхъ коней, а избавлялись отъ службы въ конницѣ только неспособные физически или слабые здоровьемъ.

Наборъ людей въ кавалерію былъ дѣломъ гиппарховъ ³⁾. По окончаніи набора архонты дѣлали смотръ, послѣ котораго ни стратеги, ни гиппархи не имѣли права принимать новобранцевъ безъ согласія совѣта; въ самомъ же наборѣ совѣтъ и стратеги участія не принимали.

Гиппархъ былъ лицо избирательное. Ихъ всегда было двое. Избирали ихъ на одинъ годъ изъ числа всѣхъ гражданъ, не стѣснясь филими. Двоихъ гиппарховъ избирали, вѣроятно, съ цѣлью возбудить соревнованіе въ отношеніи обученія.

¹⁾ Имѣющіе около 150 четвертей дохода.

²⁾ Вмѣсто 4 филъ введено было 10, а вмѣсто 48 навкрарій 50.

³⁾ Начальники конницы.

Кромѣ того, Рюстовъ и Кѣхли ¹⁾ говорятъ: „если войско Атики вступало въ безъ союзниковъ, то конница стояла на флангахъ; а потому и избирали двѣ гиппарховъ: каждый командовалъ крыломъ, наибольшею тактической единицею состоящею изъ пяти филь“.

Надъ всадниками гиппархи имѣли ту же власть, какую стратеги надъ пѣхотой, какъ въ вѣденіи стратеговъ состояли таксіархи (капитаны), такъ у гиппарховъ были филархи (ротмистры), также избирательные. Но на войнѣ гиппархи подвѣдены были стратегамъ.

Послѣ осмотра архонтами людей и лошадей ихъ, набранныхъ въ кавалерію гиппархи приступали къ обученію своихъ частей, какъ въ отношеніи одиночнаго развитія, такъ и различныхъ эволюцій, о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, и затѣмъ вторично представляли конницу на смотръ совѣту. Закономъ было постановлено, что только тотъ могъ служить въ конницѣ, кто на испытаніи совѣта былъ найденъ способнымъ. Неспособныхъ всадниковъ совѣтъ имѣлъ право исключать изъ филь и лишить коней. Смотры производились нѣсколько разъ, въ разное время и на разныхъ мѣстахъ. Опѣнка производилась чисто съ военной точки.

О законномъ срокѣ службы въ кавалеріи намъ ничего достоверно не извѣстно, и, хотя наборъ производили ежегодно, но такъ какъ родъ службы требовалъ людей хорошо обученныхъ и такъ какъ упоминается очень часто о старыхъ людяхъ, то надо полагать, что срокъ службы не былъ годичный, и ежегодно возобновлялся только извѣстный процентъ. Ксенофонтъ говоритъ только о пополненіи убыли происходящей отъ смерти, болѣзней, старости, перехода въ гоплиты и принятія триерархій. Странно, что, не смотря на обязательное поступленіе въ конницу людей, выставленныхъ отъ филь и признанныхъ совѣтомъ годными, одни и тѣ же люди служатъ то въ пѣхотѣ, то въ кавалеріи; и за самовольный переходъ изъ одного рода оружія въ другой не карали, а выражали только упрекъ, что сдѣлано это безъ заявленія на смотру ²⁾.

Вслѣдствіе ежегодныхъ наборовъ ежегодные смотры были совершенно въ порядкѣ вещей, тѣмъ болѣе, что и совѣтъ и гиппархи выбирались только на одинъ годъ.

Кавалерія въ Афинахъ имѣла двойное назначеніе: во 1-хъ, военное, во 2-хъ парадное. Въ послѣднемъ конница значительно разнилась съ пѣхотою. Пѣхота собиралась только во время войны, конница всегда держалась въ полной готовности для торжественныхъ парадовъ и приданія блеска празднествамъ, даваемыхъ въ честь боговъ. Устройство парадовъ было одною изъ главныхъ обязанностей гиппарховъ. Вотъ почему гиппархи избирались ежегодно, тогда какъ стратеги только въ случаѣ войны.

¹⁾ Geschichte des Griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhos. Stuttgart. 1852.

²⁾ Рѣчи Лизіаса противъ Алкивіада.

Все сказанное указывает на конницу как на постоянный род оружия въ Аѳинахъ, имѣвшій свой штатъ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что это было постоянное войско, какъ въ современныхъ государствахъ. Къ нынѣшнимъ войскамъ въ этомъ отношеніи можно скорѣе другихъ приравнять только конныхъ стрѣлковъ (акробаллистовъ), которые состояли преимущественно изъ наемниковъ и, кажется, помѣщались въ казармахъ, а прочіе жили по домамъ. Къ этому надо прибавить, что власть гиппарховъ была очень ограничена. Гиппархъ во всемъ долженъ былъ относиться къ совѣту. Но по законамъ Аттики не было судебного мѣста, которое бы могло самостоятельно рѣшать права и гражданство; такъ что совѣтъ даже за измѣну не могъ постановить приговора, а долженъ былъ представить это суду народа. Сначала это не было ощутительно. Въ цвѣтущее время Греческихъ республикъ войска, въ которыхъ служили лучшіе классы народа, отличались устройствомъ, повиновеніемъ и умѣренностью. Но эти добродѣтели превратились въ противныя имъ пороки, когда греки, обогатившись, начали предаваться роскоши, вслѣдствіе которой честолюбіе уступило мѣсто тщеславію и изнѣженности, и мѣры, раціональныя въ началѣ, оказались крайне несостоятельными въ слѣдствіи.

По словамъ Ксенофонта, конница стоила государству ежегодно 40 талантовъ (60 т. талеровъ).

Чтобы сколько нибудь уменьшить расходы на кавалерію, всадниковъ, какъ замѣчено, набирали преимущественно изъ богатыхъ людей; но пособіе со стороны государства было необходимо. Всадникъ несъ значительные расходы: онъ долженъ былъ купить и содержать двухъ коней; купить снаряженіе для себя и для коня, которое не могло быть безъ блеску; долженъ былъ участвовать на ученіяхъ, не оставлявшихъ ему времени для его собственныхъ дѣлъ; долженъ былъ содержать конюха, который слѣдовалъ за нимъ во время войны. По этому суточные деньги, которыя онъ получалъ въ размѣрѣ одной драхмы (24 крейцера) въ мирное и двухъ драхмъ въ военное время, составляли весьма незначительную поддержку ¹⁾. Впрочемъ къ этому содержанію должно еще прибавить деньги, отпускаемыя всаднику при поступленіи на службу одновременно на экипировку, но съ условіемъ, возвратить эти деньги въ государственную казну въ случаѣ, если всадникъ раньше закономъ установленнаго времени будетъ исключенъ изъ службы, или оставить ее добровольно. Кажется и это единовременное пособіе было не значительно и входило въ число упомянутыхъ 40 талантовъ.

Вотъ тѣ свѣдѣнія объ аѳинской конницѣ, которыя дошли до насъ въ болѣе

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ источникахъ упоминается о жалованьи всадниковъ. Незвѣстно, язываютъ ли они жалованьемъ упомянутыя суточные, или всадники кромѣ этого получали что нибудь? Ксен. о ком. вав. I. 2.

или менѣе достовѣрныхъ источникахъ. Съ теченіемъ времени не могли не являться измѣненія, но всѣ они не касались первоначальныхъ положеній. Одно изъ число всадниковъ подвергалось измѣненіямъ: сначала ихъ было, по числу нарядовъ 96, а потомъ 100. Этимъ объясняется свидѣтельство Гедорота, что въ сраженіи при Марафонѣ афиняне не имѣли конницы. Но уже въ 446 году до Р. ихъ было 300 человекъ ¹⁾, а въ началѣ Пелопонезской войны (432 г. до Р.) по свидѣтельству Филогора число ихъ доходило до 1000. Въ этомъ сходятся Ксенофонтъ, Аристофанъ и Демосѣенъ; изъ словъ же Ксенофонта можно заключить, что это была нормальная въ его время сила афинской конницы. Если же Аристофанъ и насчитываетъ 1200 всадниковъ, то онъ, вѣроятно впалъ въ ошибку, причисливъ къ конницѣ 200 конныхъ наемниковъ, вооруженныхъ луками. Они составляли отдѣльную часть, комплектовавшуюся скивами, или вообще наемниками не гражданами.

Конница пользовалась въ Афинахъ особеннымъ почетомъ, такъ что метекъ (союзники) не допускались въ кавалерію, хотя имъ дозволялось служить во флотѣ и даже въ гоплитахъ. Не смотря на это, уже во время Ксенофонта было весьма трудно держать конницу въ надлежащемъ числѣ. Это видно отчасти изъ совѣтовъ, даваемыхъ имъ начальнику конницы; отчасти изъ тѣхъ мѣръ, которыя онъ предполагаетъ принимать для привлеченія на службу въ кавалерію; требуя брать для тѣхъ, которые по закону и не были обязаны служить; наконецъ это выясняется изъ требованія Ксенофонта допустить замѣстителей и наемниковъ въ конницу.

Во всѣхъ прочихъ греческихъ государствахъ устройство кавалеріи было почти одинаково. Различные роды конницы, бывшіе въ употребленіе у грековъ, очень точно описаны Арріаномъ и Эліаномъ.

Конница дѣлилась на тяжеловооруженныхъ и конныхъ лучниковъ или арбалетчиковъ, но съ разными подраздѣленіями, которыя были вводимы разновременно.

Арріанъ и Эліанъ, упоминая о кавалеріи древнихъ народовъ, считаютъ первымъ родомъ кавалеріи катафрактывъ, въ которой какъ всадники, такъ и лошади имѣли предохранительное вооруженіе. Хотя Ксенофонтъ, описывая вооруженіе конницы, какъ будто говоритъ о катафрактахъ, но не слѣдуетъ изъ этого заключать, замѣчаетъ Мезере ²⁾, что греческая кавалерія состояла изъ катафрактывъ такъ какъ не всѣ совѣты Ксенофонта были примѣнены къ дѣлу. Настоящіе катафракты или клибаріи существовали въ Персіи, какъ объ этомъ было упомянуто, и во времена императоровъ въ западной и восточной римскихъ имперіяхъ. Рюстовъ и Кехли, описывая устройство кавалеріи у грековъ, ни слова не говорятъ о катафрактахъ. Шлоссеръ въ своей исторіи древняго міра говоритъ: „Θεσσαλί-

¹⁾ Сраженіе при Платеѣ было 479 г. до Р. Х.

²⁾ Joly de Maizeray. Tableau général de la Cavalerie Grecque pag 69.

ское дворянство вмѣстѣ съ македонскимъ составляло единственную тяжелую кавалерію, которая встрѣчается въ древней Греціи, тогда какъ ихъ вассалы служили въ легковооруженныхъ войскахъ ¹⁾.

Но не надо смѣшивать выраженія „тяжелая кавалерія“ и „тежеловооруженная кавалерія“. Фессалійское дворянство, какъ увидимъ ниже, было тяжело вооружено, но сидѣло на легкихъ лошадяхъ. Въ Греціи въ настоящемъ смыслѣ тяжелой кавалеріи не было. Тяжелая конница есть войско среднихъ вѣковъ, когда рыцари, подыскивая себѣ массивныхъ лошадей и заковывая себя и ихъ въ желѣзо, рассчитывали въ бою подавлять противника громадною массою и тяжестью.

Прочія греческія государства, заимствуя устройство кавалеріи отъ ессалійцевъ и персовъ, отъ катафрактовъ отказались, а ввели у себя облегченную конницу подъ названіемъ дорифоровъ, контофоровъ и лонгофоровъ ²⁾. Названія эти давались, смотря по формѣ и длинѣ копья и способу его употребленія. У лошадей предохранительнаго вооруженія не было; у всадниковъ нѣсколько облегчено: панцырь замѣненъ кирасами, къ каскѣ прибавленъ гребень волосяной или металлическій, и у нѣкоторыхъ, какъ говоритъ Арріанъ, были щиты.

Лонгофоры употребляли копье двоякимъ образомъ: кололи на близкомъ разстояніи и метали. По этому къ концу копья прикрѣплялся ремень, которымъ притягивали копье послѣ метанія. Контофоры употребляли копья такимъ же образомъ; но копья у нихъ были короче, чѣмъ у лонгофоровъ и дорифоровъ. Контофоры были въ большемъ употребленіи у грековъ. Полибій ³⁾ говоритъ, что римская конница была вооружена по образцу греческой. Копье, которое римляне взяли у грековъ было очень прочно и не очень длинно; въ бою его брали около середины или $\frac{2}{3}$ длины древка, и такъ какъ оно было оковано по обоимъ концамъ, то можно было однимъ концомъ колоть, а другимъ бить. Тамъ же онъ прибавляетъ, что римляне оставили свой щитъ, очень маленькій и сдѣланный изъ воловьей кожи и приняли щитъ греческой конницы. Изъ этого можно заключить, что нѣкоторые греческіе облегченные всадники имѣли щиты и копья, сходные съ описаніемъ Полибія.

Легковооруженная кавалерія также имѣла нѣсколько подраздѣленій. Одни были вооружены дротиками, имѣя ихъ по два и по три, и поражали противника съ значительнаго разстоянія; нѣкоторые даже умѣли метать ихъ назадъ по примѣру парбянъ. Другіе, конные лучники, имѣли главнымъ оружіемъ луки и стрѣлы. Вообще всѣхъ всадниковъ, сражавшихся издали называли акробаллистами (акро—вверхъ, и балли—бросаю). Акробаллисты никакого предохранительнаго оружія

¹⁾ Шлоссеръ. Томъ 2, стр. 70.

²⁾ Joly de Maizerau. Tableau général de la Cavalerie.

³⁾ Lib. VI. c. IV.

не имѣли, или иногда носили кожаные безрукавки или кирасы; но кромѣ дротиковъ и луковъ имѣли мечи. Они употреблялись обыкновенно для аванпостной службы и малой войны, начинали сраженіе прежде вступленія въ дѣло главныхъ силъ и преслѣдовали непріятели.

Акробаллисты состояли большею частью изъ наемниковъ и преимущественно изъ скивовъ и еракійцевъ. Между тяжеловооруженными и акробаллистами Мезерпомѣщаетъ еще конницу Тарентинскую, которая получила свое названіе отъ способа боя тарентинцевъ, по примѣру которыхъ она была формируема ¹⁾. Тарентинцы изъ предохранительнаго оружія имѣли только щиты, въ отношеніи же метательнаго оружія раздѣлялись на два рода всадниковъ: одни имѣли стрѣлы, другіе дротики и, кромѣ того, у всѣхъ были мечи и сѣкиры. Главное отличіе тарентинцевъ отъ акробаллистовъ состояло въ томъ, что послѣдніе никогда не производили атаки, никогда не сходились въ рукопашную иначе какъ при преслѣдованіи между тѣмъ какъ тарентинцы употреблялись и для атакъ. Тарентинцы нападеніемъ свои производили обыкновенно, джигитую передъ непріателемъ, бросая въ него копья и стрѣлы и, выбравъ удобную минуту, бросались на него и рубили сѣкирами. У тарентинцевъ было всегда два копья. Ксенофонтъ въ статьѣ о ѣздѣ говоритъ что „вмѣсто копья слабаго и труднаго для носки онъ предпочитаетъ два хорошихъ дротика, потому что искусный всадникъ, бросивъ одинъ, будетъ имѣть въ запасъ другой; а чтобы хорошо метать, должно лѣвую часть своего тѣла подавать впередъ, а правую назадъ, поднимаясь при этомъ на ляшкахъ“. По описанію вооруженія греческой конницы Ксенофонтомъ видно, что онъ говоритъ о тяжеловооруженныхъ и, слѣдовательно, совѣтуетъ замѣнить у нихъ копья дротиками.

Нѣкоторые изъ тарентинскихъ всадниковъ имѣли двухъ лошадей, на которыхъ для сбереженія ихъ они ѣздили по очереди. Титъ Ливій ²⁾ говоритъ, что Набисъ, тиранъ Лакедемонскій, имѣлъ въ своей арміи подобныхъ всадниковъ. Этотъ обычай былъ заимствованъ у гетовъ ³⁾ и сарматовъ; но впрочемъ ему мало придерживались въ Греціи ⁴⁾. Такіе всадники назывались амѣиппой.

Тарентинцы были лучшею и любимѣйшею конницею въ Греціи.

Одежда греческаго ратника состояла въ короткой шерстяной рубахѣ (туникѣ) безъ рукавовъ, носимой подъ латами; въ епанчѣ, надѣваемой на лѣвое плечо и въ сапогахъ со шпорами изъ подошвенной кожи, а въ легкой кавалеріи въ сандаляхъ привязываемыхъ къ ногамъ ремнями.

¹⁾ Мезере на стр. 68 дѣлаетъ ссылку на Suidas et Hesechius. Эллианъ, сар. XI.

²⁾ Lib XXXV, сар. XXVII.

³⁾ Племя еракійцевъ.

⁴⁾ Amm. Marsellinus, lib XVII, сар. XII.

Относительно рейтузъ нигдѣ не упоминается, на рисункахъ греческіе и римскіе всадники изображаются, съ обнаженными ногами; но на барельефахъ попадаются иногда наклонившіеся всадники, у которыхъ можно замѣтить короткіе штаны, далеко не доходящіе до колѣнъ, и, по всей вѣроятности, дѣлавшіеся изъ кожи.

Однообразная одежда въ строю, именно рубаха и епанча краснаго цвѣта, чтобы кровь текущая изъ ранъ не вдругъ была замѣтна, впервые введена была въ Спартѣ.

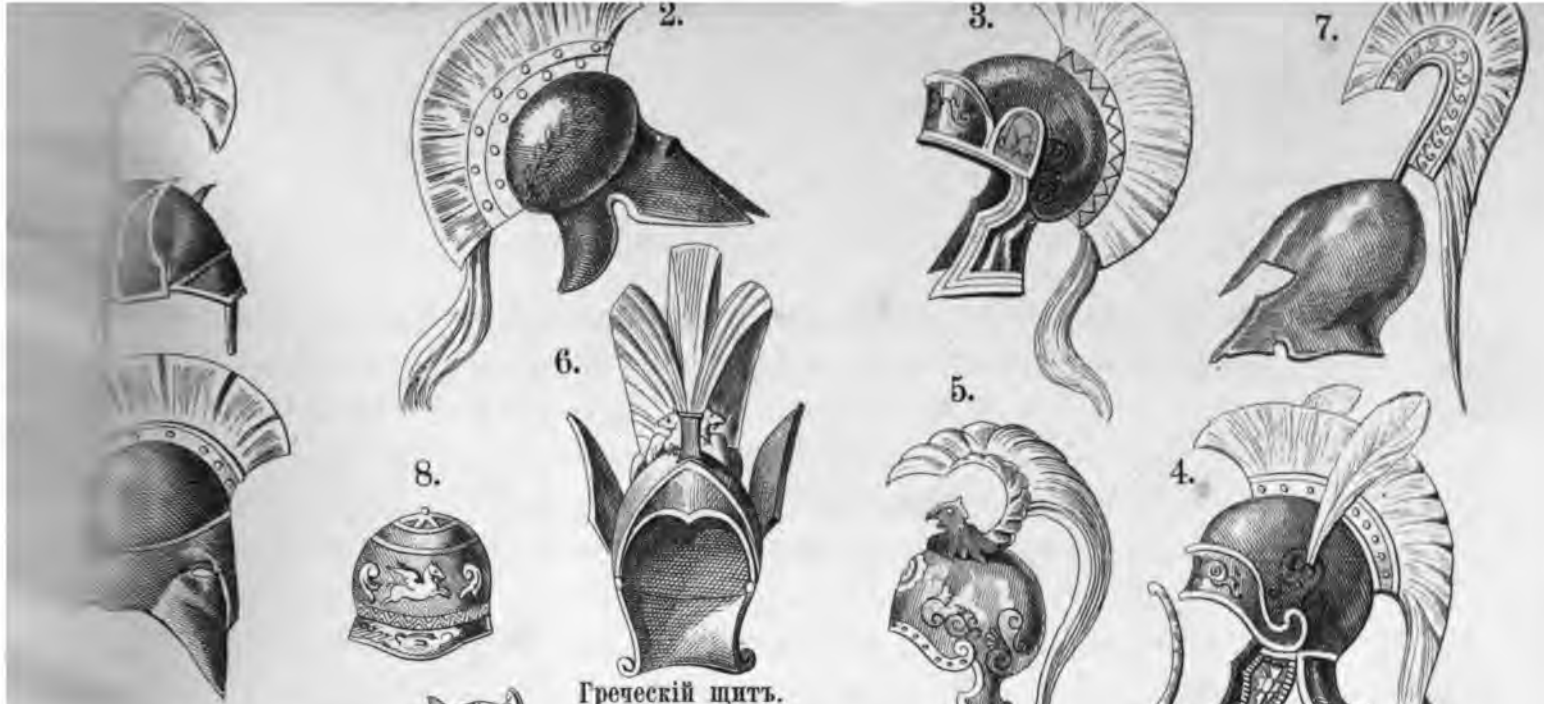
Благороднѣйшимъ головнымъ уборомъ считался металлическій шлемъ. Шлемы были весьма разнообразны, въ особенности украшенія—все зависѣло отъ вкуса и состоянія всадника. Главнѣйшія части шлема были: колпакъ, козырекъ, назатыльникъ, защита щекъ, гребень и украшеніе шлема. Колпакъ выковывался по формѣ головы и доходилъ нижнимъ своимъ краемъ до висковъ. Козырекъ, предназначавшійся для защиты лба и лица, имѣлъ самыя различныя формы. Въ самомъ простомъ видѣ онъ придавалъ большую прочность и красоту передней части шлема. Иногда онъ удлинялся для защиты носа и всего лица, и въ этомъ случаѣ для глазъ дѣлались отверстія. Назатыльникъ имѣлъ столь же разнообразныя формы, какъ и козырекъ.

Прикрытія для щекъ или боковые щитики имѣли тоже назначеніе, какъ и наша чешуя, т. е., должны были прикрывать лицо отъ ударовъ, наносимыхъ съ боку. Съ помощью шарнира ихъ можно было поднимать или опускать. Къ нимъ прикрѣплялся кожаный подбородень, который прижималъ щитики къ лицу и удерживалъ шлемъ на головѣ.

Шлемъ подобнаго устройства давалъ полную защиту во всѣ стороны. Но бывали шлемы не полные: безъ назатыльника, безъ щитиковъ, или щитики соединены съ назатыльникомъ (фиг. 7), а козырекъ образуетъ только полоску для защиты носа. Если же полоса прикрывающая носъ, увеличивается до соединенія съ боковыми щитиками, то нижняя часть шлема идетъ безъ промежутковъ вокругъ всей головы и касается наплечниковъ панцыря (фиг. 2). Фиг. 7 представляеть лучшую форму шлема, потому что не препятствуетъ дыханію и движеніямъ, не уменьшая защиты.

На нѣкоторыхъ шлемахъ вмѣсто козырька, боковыхъ щитиковъ и назатыльника имѣлось только загнутое къ верху кольцо (фиг. 5), вѣроятно ободокъ или утолщеніе нижняго края колпака (фиг. 3 и 4). Забрала, подобнаго существовавшему въ средніе вѣка, мы не встрѣчаемъ ни въ источникахъ, ни въ различныхъ изображеніяхъ. Гребень идетъ обыкновенно сзади на передъ или слѣва на право. При этомъ положеніи онъ придаетъ колпаку большую крѣпость противъ ударовъ, наносимыхъ въ голову. Но гребень назначался главнымъ образомъ для укрѣпленія украшенія (султана), и потому форма его зависѣла отъ формы украшенія.

Греческій щитъ.

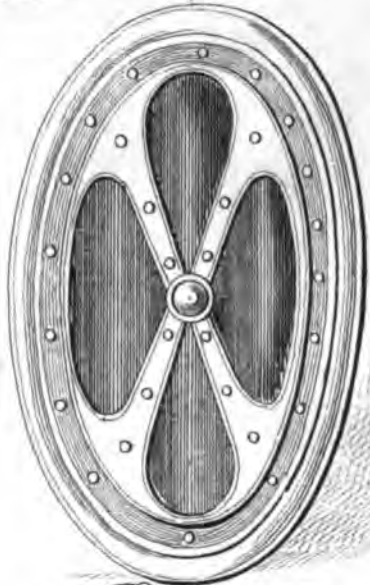

Греческая колесница.

Греческій панцирь.

Щитъ римской конницы.

Шлемы римской конницы.

Панцирь римских всадниковъ.

Щитъ былъ главнѣйшимъ предохранительнымъ оружіемъ. Щиты были различнаго устройства отъ 2 до 4½ футовъ длины и отъ 15 до 35 фунтовъ вѣса. Но въ кавалеріи употреблялся щитъ меньшихъ размѣровъ.

Щиты дѣлали изъ бычачьей кожи въ нѣсколько слоевъ (отъ 4 до 7) и снаружи покрывали листомъ какого нибудь металла, обыкновенно бронзовымъ. Щитъ былъ круглый. Со внутренней стороны придѣлывались двѣ рукоятки для ношенія щита на лѣвой рукѣ; или же дѣлали одну рукоять въ центрѣ и нѣсколько близъ наружнаго края, чтобы при разрывѣ одной можно было схватить другую.

Щитъ употреблялся слѣдующимъ образомъ: ожидая, что противникъ будетъ бросать копьѣ, подавали щитъ впередъ, встрѣчали имъ брошеное копьѣ и парировали такимъ образомъ ударъ. Не смотря на все искусство, съ которымъ выдѣлывали въ Греціи щиты, ихъ часто пробивали, или копьѣ въ нихъ оставались, и приходилось щитъ бросать.

Рюстовъ и Кехли ¹⁾ говорятъ, что въ конной службѣ всадники щитовъ не брали; но при занятіи караула въ городѣ, если угрожаетъ опасность или можетъ представиться бой пѣшкомъ, тогда они ихъ брали. Такъ поступали афинскіе всадники, когда спартанцы заняли Декелею, и Фразивуль засѣлъ въ Пирей.

Шпоры прикрѣплялись къ сапогамъ ²⁾ ремнями.

Легкая конница большею частью имѣла сандалии.

Нападательное оружіе раздѣлялось на оружіе для рукопашнаго боя (копьѣ, мечъ, сѣкира) и метательное (дротикъ, лукъ).

Копьѣ состояло изъ древка, острія и наконечника. На древко брали ясень. Копьѣ имѣло различную длину: на изображеніяхъ, которыя мы встрѣчаемъ на вазахъ, древко можно предположить отъ 6 до 7 фут. Древку давали разнообразную форму: или его дѣлали толщиною около 1½ дюймовъ, уменьшая къ концамъ до 1 дюйма, или, дѣлая толще на одномъ концѣ, постепенно суживали къ другому; или, наконецъ, дѣлали его одинаковой толщины по всей длинѣ. Первую и третью формы Рюстовъ и Кехли относятъ къ древнѣйшимъ временамъ. Вѣсъ древка 1½ килограммъ (около 3 фунтовъ).

Описанное древко употреблялось въ тяжелой пѣхотѣ. Въ конницѣ было такое же, но тоньше, а потому было ломко и неудобно для дѣйствія. Къ древку копьѣ придѣлывали колышекъ для того, чтобы при нанесеніи удара копьѣ не скользило ³⁾, или для прикрѣпленія ремня для притягиванія копьѣ послѣ удара (лонгофоры); а можетъ быть и для того, чтобы при помощи колышка садиться на коня.

¹⁾ Стран. 137.

²⁾ Монфоконъ (Montfaucon) собралъ описаніе и рисунки шпоръ древнихъ грековъ.

³⁾ Dörner. Hipparchikus стр. 101, пунктъ 2.

Остріе или клинокъ и наконечникъ нижней части во времена Гомеровскихъ героевъ дѣлались изъ бронзы, и только въ позднѣйшее время явилось желѣзо. Острію давали различныя формы. Чаще всего его дѣлали плоскимъ и обоюдоострымъ (фиг. 21—а) длиною отъ 6 до 7 дюймовъ (zoll) и по срединѣ около 2 дюймовъ ширины. На нижнемъ концѣ дѣлали гнѣздо, которымъ остріе насаживалось на древко. На наружной части гнѣзда имѣлось кольцо. Вѣсъ клинка $\frac{3}{4}$, или $\frac{1}{2}$ килограмма (отъ 1 до $1\frac{1}{4}$ фун.). Наконечникъ дѣлался для того, чтобы можно было втыкать копье въ землю, а отчасти для равновѣсія. Форму ему давали коническую, такъ что въ случаѣ крайности, когда ломался клинокъ, его можно было употребить въ дѣло. Вѣсъ наконечника отъ 1 до $1\frac{1}{4}$ фун. Длина всего копья около 7 футъ, а вѣсъ около 5 фунтовъ. Какъ и прочее оружіе, копья не были одинаковаго достоинства. Хорошія копья тщательно хранились и передавались въ потомство.

Ксенофонтъ предлагалъ ввести, вмѣсто одного длиннаго, два короткихъ копья, какъ у персовъ.

Мечъ былъ оружіемъ рукопашнаго боя, и за него брались, когда копье было сломано. Онъ былъ обоюдоострый и равно удобенъ для удара и укола. Ширина его отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ дюймовъ (zoll), длина клинка у пѣхоты 15 дюймовъ, у конницы значительно длиннѣе, но на сколько именно, неизвѣстно. Клинокъ выдѣлывался сначала изъ бронзы, впоследствии изъ желѣза.

Эфесъ, или рукоятка, не имѣлъ ни дугъ, ни короа и часто украшался серебромъ или слоновою костью. Ножны были кожаныя съ мѣдными скрѣпами и украшениями; въ нихъ обыкновенно входила и нижняя часть эфеса. Мечъ носили на португепѣ съ лѣвой, а иногда и съ правой стороны. Вѣсъ меча около 5 фунтовъ. Ксенофонтъ предлагалъ вмѣсто прямаго меча ввести кривую саблю.

Булава въ конницѣ не употреблялась.

Сѣкира употреблялась наемными скивами и тарентинцами.

Дротикъ очень похожъ на копье и отличается только вѣсомъ, именно около 4 фунтовъ.

Лукъ былъ двухъ видовъ: простой дугообразный и настоящій греческій — двойной. Греческій лукъ состоялъ изъ двухъ роговъ, верхняго соединенія и струны. Лукъ первоначально выдѣлывался изъ роговъ животныхъ (козыхъ), а впоследствии изъ дерева. Основаніе двухъ роговъ соединяли металлическою скрѣпою, чѣмъ и получали мѣсто для накладыванія передняго конца стрѣлы. Верхніе концы роговъ также оковывались металломъ для удобнѣйшаго прикрѣпленія струны. Длина лука была около 4-хъ футъ, а вѣсъ 4-хъ фунтовъ. Стрѣла, снарядъ лука, состояла изъ древка изъ камыша, металлическаго

острія съ зубцами и пера. Остріе вставлялось въ конецъ дровка и укрѣплялось обмотаннымъ шнуркомъ. Перо укрѣплялось на противоположномъ концѣ и имѣло вырѣзку для насаживанія на струну. Всѣ стрѣлы около $\frac{1}{2}$ фунта.

Стрѣлы носились въ кожаномъ или плетеномъ колчанѣ, въ которомъ помѣщалось отъ 15 до 20 штукъ. Колчанъ дѣлали съ крышкою и ремнемъ для носки, онъ вѣсилъ со стрѣлами 15 фунтовъ.

Стрѣлы очень часто намазывались ядомъ.

Праща въ кавалеріи не употреблялась.

Снаряженіе коня у грековъ состояло изъ покрывала, которое замѣняло сѣдло и называлось ээиппія. Эти ээиппіи дѣлались изъ разнаго матеріала: кожи, сукна, шкуръ дикихъ звѣрей, и украшались: золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. Ээиппія придерживалась на лошади ремненнымъ трокомъ и подперсьемъ.

Стременъ не было.

Узда состояла, какъ и теперь, изъ удила, оголовья и поводьевъ изъ ремней; и кромѣ того былъ еще недоуздокъ ¹⁾ для привязыванія лошади въ лагерь или бивакъ ²⁾. Монфоконъ (Montfaucou) вмѣстѣ съ рисунками шпоръ древнихъ грековъ изобразилъ и удило, довольно неуклюжее и вовсе не подходящее къ тѣмъ изображеніямъ, которыя встрѣчаются на колоннахъ Трояна и другихъ. Удило это походитъ на обыкновенное уздечное удило, концы котораго украшены изображеніемъ конскихъ головъ. Судя по нѣкоторымъ рисункамъ ³⁾, можно предположить, что нѣчто въ родѣ нашего мундштучнаго желѣза было извѣстно грекамъ, но нигдѣ не видно цѣпокъ. Ксенофонъ описываетъ два разныхъ удила—слабое и строгое. Но былъ въ употребленіи еще одинъ родъ уздечекъ въ родѣ капцуна, который нажималъ на переносе лошади острыми зубьями. Кромѣ всего этого, лошади украшались колокольчиками, богатыми ошейниками и т. п. ⁴⁾.

Главнѣйшіе разсадники лошадей въ Греціи были въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Спартѣ—Скиритская область, въ Аѣинахъ—островъ Эвбея ⁵⁾, въ Віотіи и въ Этоліи. Какъ велось хозяйство коневодства, мы не имѣемъ свѣденій. Въ Віотіи существовали особыя присутственныя мѣста, подъ предѣтельствомъ гишарховъ, занимавшіяся коневодствомъ халкидянъ, еокидянъ и локрянъ. Тяжесть и трудъ, которые лошади выносили, были весьма значительны, о статяхъ же ихъ сказать что нибудь трудно. До насъ не дошли изображенія коня древнѣйшихъ временъ въ Греціи; изображенія же позднѣйшаго времени указываютъ, по свидѣтельству

¹⁾ У Ксенофонта чумбуръ.

²⁾ Рюстовъ и Кехли.

³⁾ Оттенбергеръ—атласъ. Hottenroth. рисун. № 50. Fünfte Lieferung.

⁴⁾ Jsidor Hisp. Sheffer de re vehicular veter.

⁵⁾ Шлоссеръ, ч. II, стр. 37.

знатоковъ ¹⁾, о восточномъ его происхожденіи и ни мало не подходятъ подъ типъ сѣверной лошади. Вѣроятно, общества Поссейдонъ-Гиппиосъ и Колоносъ-Гиппиосъ, существовавшія въ Аѣинахъ, имѣли нѣкоторое отношеніе къ коневодству.

Выбирая лошадей въ конницу, греки были весьма строги и подвергали ихъ различнымъ испытаніямъ. Намъ уже извѣстно, что всадники въ Греціи обязаны были имѣть своихъ лошадей, которыя подвергались тщательному осмотру предварительно гиппарха, а затѣмъ совѣта архонтовъ (въ Аѣинахъ). Лошадей при этомъ, по какимъ нибудь причинамъ забракованныхъ, они таврили, выжигая на ганашѣ изображеніе круга или колеса ²⁾.

Эліанъ, Виргилій и Плиній говорятъ, что греки для службы въ конницѣ предпочитали кобыль, считая ихъ быстрѣйшими; а жеребцовъ легчили, вѣроятно по примѣру скиѳовъ ³⁾.

Ковки греки не знали и обращали вниманіе на то, чтобы копыта лошадей были тверды, въ особенности, чтобы подошва была по возможности вогнута. Для достиженія этого въ конюшняхъ дѣлали мощные полы ⁴⁾.

Умѣнье выѣзжать коня подъ верхъ и въ упряжь было обязательно для каждаго всадника ⁵⁾. Ксенофонтъ, давая наставленія начальнику конницы о выборѣ лошади и въ правилахъ ѣзды, къ сожалѣнію, все относящееся до задачи берейтора проходить молчаніемъ. Намъ извѣстно только то, что греки, чтобы сдѣлать коня ловкимъ и гибкимъ, работали его на кругу ⁶⁾ т. е., на кордѣ.

Искусство верховой ѣзды, принадлежа къ области гимнастики, имѣло въ Греціи особыхъ учителей, которые въ Аѣинахъ содержались правительствомъ, и публично преподавали ѣзду въ академіяхъ. Въ какой мѣрѣ совѣты Ксенофонта имѣли примѣненіе въ Греціи, неизвѣстно. Но по его совѣтамъ обученіе всадниковъ составляло первую обязанность гиппарха и его помощниковъ — филарховъ. Ксенофонтъ говоритъ: „прыгать на лошадь молодые люди должны выучиться сами, но еще лучше, если ты дашь имъ учителя“. Вольтижированіе было необходимо грекамъ, такъ какъ, если припомнимъ, у нихъ не было стремень. Всадники должны были умѣть вскакивать на лошадь, какъ съ лѣвой стороны, такъ и съ правой. Старикамъ дозволялось садиться на коня съ помощью товарища, по примѣру персовъ. Всадникъ долженъ былъ умѣть ѣздить въ прямомъ направленіи шагомъ и рысью, — и галопомъ, какъ говорятъ Рюстовъ и Кехли, для парадовъ. У Ксено-

¹⁾ Victor Hehn. Culturpflanzen und Haustiere, стр.44.

²⁾ Berenger. стр. 59.

³⁾ Тамъ же, стр. 54.

⁴⁾ Рюстовъ и Кехли. См. Трактатъ Ксенофонта о Кавалеріи.

⁵⁾ Berenger, 66.

⁶⁾ Berenger, 64.

фонта вездѣ говорится, что всадники должны были атаковать на парадахъ во всю скачь, а не галопомъ. Ксенофонтъ совѣтуетъ обучать ѣздѣ въ полѣ, чтобы выучить „плотно сидѣть на всякой мѣстности — ровной и гористой“. По всему кажется, что смѣнной ѣзды, какъ у насъ, у грековъ не было. Гиппархи, филархи и учителя обязаны были предварительно собрать своихъ всадниковъ, указать имъ правила, и затѣмъ уже всадники разѣзжались по полю и упражнялись сами.

Когда всадники укрѣпятся въ сѣдлѣ, гиппархъ долженъ былъ обучить метать дротики и переходить къ обученію эволюціямъ и атакѣ. Для этого Ксенофонтъ совѣтуетъ постоянно мѣнять мѣстность, чтобы два раза на одной и той же мѣстности ученій не производить. Чтобы пріохотить всадниковъ, Ксенофонтъ совѣтуетъ учредить призы. Кроме того, кавалерія, безъ которой не могло обойтись ни одно празднество, устраивала парады, на которыхъ она должна была произвести нѣсколько атакъ и метать дротики. Аѳиняне чрезвычайно любили подобные парады, и это возбуждало соревнованіе какъ между всадниками, такъ, и въ особенности, между гиппархами, которые старались блеснуть своими частями передъ народомъ. Атаки производились одностороннія и сквозныя, по Ксенофонту, всегда въ карьеръ. „Если парадъ дается на гипподромѣ, говоритъ Ксенофонтъ, то, раздѣливъ часть (дивизионъ) на двѣ части, вести ихъ въ атаку другъ противъ друга. Каждая часть (половина) подъ начальствомъ своего командира должна пройти ряды насквозь. Сначала представится зрѣлище страшное, когда эскадроны будутъ скакать другъ на друга въ атаку; а потомъ великолѣпное, когда, пройдя насквозь, они заѣдутъ кругомъ, чтобы снова идти въ атаку. „Сквозныя атаки, кажется, есть собственное изобрѣтеніе Ксенофонта; такъ какъ онъ говоритъ: „это будетъ и ново и воинственно“. Быть можетъ совѣты Ксенофонта объ атакахъ и не были примѣнены на дѣлѣ — тогда можно допустить, что на парадахъ не скакали, а голопировали. Рюстовъ и Кехли прибавляютъ, что конница греческая не способна была къ производству удара, и потому, они говорятъ, Ксенофонтъ придавалъ большую важность умѣнью метать копьѣ. Последнее замѣчаніе Рюстова и Кехли подтверждается сраженіемъ при Дескаліонѣ: персы атаковали конницу Агезилая, отъ атаки нельзя было уклониться, и все греческіе всадники были выбиты изъ сѣделъ и убиты; длинныя же копыя ихъ переломались при первомъ столкновеніи. Сквозныя атаки вовсе не были такъ страшны, какъ это можетъ показаться, потому что строй у грековъ былъ разомкнутый ¹⁾.

Къ числу мѣръ, служившихъ къ поощренію конницы нужно отнести состязанія на Олимпійскихъ и другихъ играхъ. По лѣтосчисленію Олимпійскихъ игръ видно, что бѣга въ колесницахъ начались съ 25-й, а скачки съ 23-й олимпиады, т. е.,

¹⁾ Все прочія имѣющіяся свѣденія о обученіи конницы можно найти въ трактатѣ о кавалеріи Ксенофонта, разборъ котораго помѣщенъ ниже.

около 676 года до Р. Х. Позднее появленіе скачекъ надо, кажется, приписать, какъ свидѣтельствуютъ многіе источники, первоначальному недостатку лошадей, а отчасти дороговизнѣ ихъ и трудности обученія. Впослѣдствіи коневодство улучшилось. Различныя мѣры правительства привлекали людей, которые публично, какъ уже замѣчено, въ академіяхъ обучали ѣздѣ ¹⁾ и Гиппологіи; а награды, раздававшіяся на Олимпійскихъ играхъ, еще болѣе этому способствовали.

Мѣсто, на которомъ производились бѣга и скачки, называлось гипподромъ. Олимпійскій гипподромъ находился близъ города Элисъ на берегу Алгея и былъ окруженъ каменною стѣною. Фигура гипподрома была неправильная, а мѣстность неровная: въ одномъ мѣстѣ былъ довольно значительный пригорокъ. Окружность гипподрома была украшена храмами, алтарями и т. п. ²⁾.

Самый гипподромъ былъ раздѣленъ на 2 части: одна походила по формѣ на носъ корабля и служила для помѣщенія лошадей, приготовлявшихся къ бѣгу, здѣсь онѣ выстраивались за канатомъ, который отдѣлялъ эту часть гипподрома отъ другой; другая часть служила собственно для состязанія. Въ концѣ этой части находился столбъ, около котораго соперники должны были объѣзжать, что было сопряжено съ опасностью жизни и служило лучшею пробою ловкости человѣка и гибкости лошади. Послѣ этого столба приходилось проѣзжать мимо какой то фигуры, которая наводила ужасъ на лошадей; но описаніе этой фигуры не дошло до насъ. Вѣроятно, это пугало служило пробнымъ камнемъ смѣлости и темперамента лошадей и заставляло обращать особенное вниманіе на выборъ и выѣзку.

Лучшія мѣста въ гипподромѣ назначались для судей. По срединѣ гипподрома на алтарѣ былъ придѣланъ орелъ съ распущенными крыльями, а противъ него у входа металлическій дельфинъ. Помощью особаго механизма президентъ игръ приводилъ ихъ въ движеніе: орелъ поднимался, а дельфинъ опускался. По этому знаку опускали канатъ, и состязающіеся выѣзжали.

Правила бѣговъ до насъ не дошли. Но, вѣроятно, лошади сложившіеся состязались отдѣльно отъ молодыхъ, кобылы скакали отдѣльно. Къ концу скачекъ всадники соскакивали съ лошадей и бѣжали рядомъ съ ними.

Разстояніе, которое требовалось проскакать, было около одной нѣмецкой мили.

Хотя намъ правила этихъ бѣговъ и условія, которымъ должны были удовлетворять ѣздоки и неизвѣстны, но уже то обстоятельство, что они тридцать дней подвергались предварительнымъ испытаніямъ, заставляеть предполагать, что условія скачекъ были не легки.

Не смотря на всѣ вышеизложенныя мѣры, греческая конница была плоха, ѣздила дурно и неувѣренно; употребляла коня не какъ орудіе для удара, а только

¹⁾ Berenger, стр. 68.

²⁾ Тамъ же.

для передвиженія; на сомкнутую часть нападать не рѣшалась, дралась только съ конницею; на пѣхоту же бросалась только тогда, когда она была окончательно разстроена или бѣжала. Бой съ непріятельскою конницею заключался въ томъ, что обѣ стороны перебрасывались издали стрѣлами или копьями и за тѣмъ сходились въ рукопашную на копьяхъ или на мечахъ.

Вотъ образъ дѣйствія греческой конницы въ періодъ отъ нашествія персовъ приблизительно до Эпаминонда, хотя ему и не вполне удалось вывести ее изъ тѣсной описанной нами рамки. „Если кто изъ васъ беспокоится о томъ, что у насъ нѣтъ конницы, тогда какъ у непріятели ее такъ много, пусть тотъ знаетъ, что 10000 всадниковъ не болѣе значатъ 10000 человекъ. Еще никого конь не изорвалъ и не убилъ въ бою, мужи рѣшаютъ битву. Въ движеніяхъ мы увѣреннѣе всадниковъ. Сидя на коняхъ, они должны бояться не только насъ, но и паденія съ лошади. Мы же, стоя на землѣ, сильнѣе бьемъ и вѣрнѣе попадаемъ въ движущуюся на насъ цѣль. Одно преимущество на сторонѣ всадниковъ — они лучше насъ убѣгаютъ“¹⁾. Вотъ слова сказанныя Ксенофонтъ наемнымъ войскамъ въ самую трудную минуту отступленія десяти тысячъ. Положимъ, что Ксенофонтъ самъ не вполне вѣритъ этимъ словамъ, какъ это видно изъ его сочиненій, а еще болѣе изъ того, что онъ тутъ же формируетъ изъ наемниковъ небольшой отрядъ всадниковъ. Но во всякомъ случаѣ въ этомъ обстоятельствѣ высказывается господствующее въ то время у грековъ мнѣніе о конницѣ. Конница спартанцевъ вполне соответствовала набросанной картинѣ до тѣхъ поръ, пока Алезилай не сформировалъ въ Малой Азіи лучшей, съ которою онъ не безуспѣшно состязался даже съ ѳессалійцами. Едва ли можно предположить, что конница Аѳинъ значительно превосходила спартанцевъ. Персидская конница имѣла неоспоримое превосходство, какъ это видно изъ похода Агезилая. Одна только ѳессалійская конница поддерживаетъ свою славу и даетъ зачатки тѣхъ дѣйствій, которыя мы будемъ разсматривать впоследствии. Но ѳессалійцамъ въ описываемую эпоху не удалось помѣряться съ персидскою конницею.

Разбирая построенія и тактику конницы грековъ, намъ приходится въ образцѣ принять конницу аѳинянъ, потому что по существующимъ источникамъ она намъ лучше другихъ извѣстна. О спартанской, строго говоря, намъ почти ничего неизвѣстно. Преданіе, будто бы Ликуръ раздѣлилъ конницу Спарты на части по 50 человекъ въ каждой и строилъ квадратомъ, оказывается весьма сомнительнымъ, если сравнить это съ другими дошедшими до насъ свѣденіями. А потому въ настоящемъ случаѣ о ней и рѣчи быть не можетъ.

Если аѳинская конница являлась на полѣ сраженія одна безъ союзниковъ, то мѣсто ея было на обѣихъ крыльяхъ пѣхоты, поэтому и выбирали двухъ гип-

¹⁾ Xenoph. Anab. III. 2. 18. 19.

парховъ. Каждый изъ нихъ командовалъ своимъ крыломъ, которое составляло наибольшую тактическую единицу и раздѣлялось на 5 филь. Фила, дѣйствительная тактическая единица, состояла изъ 60 всадниковъ ¹⁾ подъ командою филарха (ротмистра) и всѣ движенія исполняла самостоятельно.

Самое состояніе греческой конницы указываетъ, что движеніе длиннымъ фронтомъ для нея было невозможно. Ксенофонтъ положительно ставитъ въ вину пелопоннесской конницѣ то, что она въ сраженіи при Мантинсѣ стояла длиннымъ непрерывнымъ фронтомъ, какъ фаланга.

Что касается глубины строя, то объ этомъ имѣется мало свѣденій. По мнѣнію Арріана удобнѣйшій строй былъ тотъ, который въ линіи фронта имѣлъ всадниковъ вдвое противу глубины, т. е., 12 на 6, 8 на 4 и т. д. потому, что, если считать длину лошади вдвое противъ ея ширины, форма эскадрона должна была образовывать квадратъ. Другіе писатели считали однако длину лошади втрое противу ширины ея—и, слѣдовательно, фронтъ эскадрона долженъ былъ имѣть втрое болѣе всадниковъ, нежели въ глубину, чтобы составить квадратъ. Изъ этого можно догадаться, что строй старались подвести къ формѣ квадрата. Это построеніе Арріанъ считаетъ простѣйшимъ, выгоднѣйшимъ для атаки и удобнѣйшимъ для собранія разсѣянныхъ всадниковъ. О глубинѣ коннаго строя до насъ дошли только два факта: въ стычкѣ при Дескаліонѣ конница грековъ была построена въ 4 шеренги, въ сраженіи при Мантинсѣ спартанская конница стояла въ 6 шеренгъ.

Изъ всего сказаннаго можно также догадаться, что описанный строй филы былъ сомкнутый и состоялъ изъ четнаго числа шеренгъ. Это видно изъ того, что въ каждомъ ряду впереди стоящій всадникъ имѣлъ право выбирать себѣ товарища, который становился ему въ затылокъ. Рюстовъ и Кехли говорятъ, что ряды у грековъ назывались (*compagnie*) и что передній человекъ назывался ведущимъ, а задній замыкающимъ. „Республика“, говоритъ Ксенофонтъ, „раздѣлила конницу на роты; въ этихъ ротахъ при помощи ихъ филарховъ должно выбрать десяточныхъ (*decurions*) людей, которые съ возрастомъ соединяли бы наибольшее рвеніе къ службѣ, и назначать ихъ головными въ рядахъ. Потомъ слѣдуетъ такимъ же образомъ выбрать замыкающихъ въ десяткахъ“. Въ македонской арміи въ каждомъ илосѣ ²⁾ было два филарха, изъ которыхъ каждый командовалъ половиной илоса.

Различныя эволюціи филь состояли, въ такъ называемыхъ, сдваиваніяхъ, или, лучше сказать, удваиваніяхъ.

Для того, чтобы увеличить фронтъ дѣлалось удваиваніе фронта. Въ этомъ случаѣ ряды размыкались на столько, чтобы фронтъ занялъ вдвое больше про-

¹⁾ Rüstof und Köchly, стр. 134 и послѣдующія.

²⁾ Тактическая единица.

странства. Задняя половина фила, т. е., третья и четвертая шеренги, двигалась вперед и вступала въ промежутки, образовавшіеся отъ размыканія передней половины фила: фланговый всадникъ третьей шеренги (при четырехшереножной филѣ) становился лѣвѣе право-фланговаго первой шеренги и т. д.

Чтобы укоротить фронтъ дѣлалось удваиваніе въ глубину. Для этого нечетные ряды продвигались вперед и становились впереди четныхъ, и затѣмъ фронтъ смыкался.

Для того, чтобы еще болѣе увеличить фронтъ или глубину, можно было сдѣлать вторичное удваиваніе.

При движеніи употребляли обыкновенно строй узкій, а передъ атакою дѣлали удваиваніе фронта. Фронтальныя атаки противныхъ сторонъ въ окончательномъ видѣ превращались въ одношереножный строй, въ которомъ всадники находились другъ отъ друга не ближе 6-ти футовъ, чтобы удобно было дѣйствовать, и перебрасывались копьями или вступали въ рукопашную на мечахъ.

Другой способъ атаки имѣлъ болѣе вѣроятія на успѣхъ: старались выманить противника изъ занимаемой имъ позиціи, чтобы потомъ атаковать во флангъ. Для этой цѣли одна часть конницы двигалась на непріятеля, другая слѣдовала за ней. Если противникъ съ своей стороны переходилъ въ наступленіе, то сзади идущая часть передъ самымъ столкновеніемъ выносилась въ сторону и охватывала флангъ противника. Наконецъ, греческая конница очень часто прибѣгала къ слѣдующей хитрости: двинувшись въ атаку, она передъ самымъ фронтомъ непріятеля поворачивала назадъ и наводила его на засаду, устроенную по близости въ сторонѣ легкою пѣхотой, которая, выждавъ удобную минуту, бросалась во флангъ преслѣдующему.

У віотянъ были особыя части легкой пѣхоты, называвшіяся сопровождающія конницу. Число пѣшихъ людей всегда равнялось числу всадниковъ. Это наводитъ какъ будто на то, что для быстрыхъ передвиженій пѣхотницы помѣщались на крупахъ лошадей позади всадниковъ, какъ это дѣлали ассирійцы и впоследствии римляне, германцы и сарацины.

Неповоротливость конницы дѣлала короткій фронтъ необходимымъ условіемъ для движенія. Поэтому, чтобы имѣть возможность передъ атаками дѣлать удваиваніе фронта, необходимо было ставить фила на значительныхъ интервалахъ. Интервалы эти очень часто заполнялись легкою пѣхотой.

Въ паходахъ каждый всадникъ имѣлъ конюха съ запасною или вьючною лошадью. Конюхи шли сбоку въ сторонѣ или въ хвостѣ колонны. Но, чтобы казаться сильнѣе, Ксенофонтъ совѣтуетъ ставить конюховъ иногда въ колонну.

Каждая фила имѣла извѣстное число ординарцевъ, которые были легко вооружены и имѣли назначеніе нашихъ наѣздниковъ. Для авангардной службы пред-

писывалось гишпарху окружить себя блестящею свитой легко вооруженных наѣздниковъ, умѣющихъ ловко метать копье.

Недостатокъ картъ въ высшей степени затруднялъ сторожевую службу. Служба эта не лежала на ординарцахъ, которые только должны были изыскивать удобопроходимыя мѣста и предупреждать о мѣстныхъ препятствіяхъ; развѣдываніе же о непріятелѣ поручалось легкой конницѣ и преимущественно коннымъ лучникамъ. За отсутствіемъ легкой конницы высылались впередъ молодые всадники, отличавшіеся ловкостью и искусствомъ метать копье. Слѣдовательно, въ походѣ впереди колонны двигалась цѣпь ординарцевъ, а впереди ординарцевъ была еще другая цѣпь — развѣдывательная.

Во время движенія всадники поочередно спѣшивались для облегченія коня; а ночью или вблизи непріятели спѣшивались по полуфиламъ, чтобы всегда одна часть была готова къ бою.

Всадники не всегда дрались въ конномъ строю, но иногда обязаны были и спѣшиваться. Это видно изъ того, что щитъ преимущественно назначался для дѣйствія въ пѣшемъ строю ¹⁾.

Относительно употребленія кавалеріи на театрѣ войны извѣстно слѣдующее: планъ Перикла во время Пелопоннесской войны заключался въ томъ, чтобы нанести спартанцамъ прежде всего ударъ на морѣ. На сушѣ же должно было сохранять оборонительное положеніе. Для этой цѣли въ Аттікѣ была оставлена конница, которая должна была защищать поля отъ покушеній спартанцевъ. Подобные случаи, вѣроятно, не разъ повторялись и въ другихъ войнахъ; хотя мы и не имѣемъ положительныхъ данныхъ. Между тѣмъ это навело Ксенофонта на мысль изложить въ своемъ „Гишпархикусъ“ нѣкоторые совѣты партизанской войны. Но такъ какъ эти совѣты слишкомъ обобщены, то мы и не находимъ интереснымъ ихъ разбирать. Впрочемъ кавалерія у грековъ очень часто получала самостоятельныя порученія: такъ мы видимъ напр. въ Фессаліи, во время походовъ Пелопида и Эпаминонда, конница эввянъ и фессалійцевъ дѣйствуетъ независимо. Тоже самое мы встрѣчаемъ и въ Пелопоннесѣ во время походовъ Эпаминонда, напр., передъ сраженіемъ при Мантинее Эпаминондъ выслалъ свою конницу для овладѣнія этимъ городомъ, тоже самое сдѣлали аэиняне. Вообще у грековъ кавалерія никогда не была прикована къ полямъ сраженій; но свѣденія о дѣйствіяхъ конницы на театрахъ войны крайне ограничены.

¹⁾ Занятіе Декелеи.

Глава 2-я.

Понятіе о тактикѣ греческихъ войскъ. Войны съ персами указываютъ на важность кавалеріи въ составѣ арміи. Сраженіе при Платеѣ. Наемныя войска. Фессалійская и Фракійская конницы. Эпаминондъ. Сраженія при Леветрахъ и Мантиней. Заключеніе о грекахъ.

Въ сраженіи при Марафонѣ у грековъ не было конницы, при Платеѣ тоже.

Описанное состояніе и образъ дѣйствія греческой конницы относится главнымъ образомъ къ періоду времени отъ сраженія при Платеѣ до Эпаминонда. Къ этому состоянію, конечно, они не сразу пришли. Намъ уже извѣстно, что какъ въ Спартѣ, такъ и въ Афинахъ до столкновеній съ персами существовало только незначительное число всадниковъ, назначавшихся для исполненія обязанностей ординарцевъ, а не для боя, греки въ тѣ времена не считали удобнымъ сражаться на конѣ. Весь бой возлагался на пѣхоту, которая дѣлилась на тяжелую или линейную — гоплитовъ и легкую — псилловъ. Линейная пѣхота, вооруженная короткими мечами, длинными копьями — сарисами, строилась въ глубокія массы отъ 8 до 12 шеренгъ, называемыя фалангами:

Тактика грековъ была проста. Не занимаясь искусными движеніями и построеніями, они быстро устремлялись на встрѣчу непріятеля, старались одержать надъ нимъ верхъ посредствомъ какой либо военной хитрости, по преимуществу выборомъ такой позиціи, фронтъ которой соответствовалъ фронту боеваго порядка своихъ войскъ и не отвѣчалъ величинѣ фронта противника (Термопилы, Марафонъ). Или же нападали на него прямо и рѣшали битву мужествомъ. Но какъ вооруженіе и строй гоплитовъ позволяли имъ дѣйствовать только въ открытыхъ мѣстахъ и дѣлали ихъ вовсе неспособными для службы на передовыхъ постахъ и въ малой войнѣ, то греки вскорѣ почувствовали необходимость имѣть легкую пѣхоту. Они набирали ее изъ военной черни и называли псилами или псилитами, которые вооружены были дротиками, луками, пращами, а иногда короткими мечами.

Но войны съ персами на первыхъ же порахъ заставили почувствовать грековъ, какую пользу можетъ принести хорошая конница и какъ невыгодно ее не имѣть. Конница персовъ, рыскающая по странѣ, опустошала ее и собирала продовольствіе для своихъ войскъ, между тѣмъ какъ греки находились въ этомъ отношеніи въ самомъ невыгодномъ положеніи.

Въ особенности персидская конница дала себя имъ почувствовать передъ сраженіемъ при Платеѣ. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ; персы подъ начальствомъ Мардонія занимали позицію за р. Азопомъ, греки на скатѣ высотъ позади Эритреи. Къ Эритреи былъ выдвинутъ небольшой постъ. Позиція эта выбрана была греками для прикрытія единственнаго пути, проходящаго черезъ до-

лину Дріоскефала, по которому они получали подвозъ продовольствія. Но позиція оказалась невыгодною по недостатку воды.

Мардоній приказалъ своей конницѣ подъ начальствомъ Макистія атаковать постъ у Эритреи. Дружина Мегары, занимавшая этотъ постъ просила подкрѣпленія, и аѳиняне двинулись имъ на помощь. Макистій атакуетъ небольшими частями и потому не имѣетъ успѣха, и самъ получаетъ смертельную рану. Узнавъ о смерти начальника персидская конница бросается на грековъ всѣми силами: разгорается упорный бой, греки вводятъ всю свою армію и отбиваютъ атаки персидской конницы, которую пѣхота не поддержала.

Эта удача возвысила духъ эллиновъ, но они убѣдились въ неудовлетворительности позиціи, и рѣшено было отступить къ Платеѣ. Правое крыло стало у источника Гаргафія, лѣвое применило къ рѣчкѣ Азопу. Когда греческая армія стояла у Эритреи, долина Дріоскефала была прикрыта, при новой же позиціи она проходила впереди фронта и потому прикрыть ее можно было только, вступивъ въ бой съ персами. Нашелся ѳивіецъ, указавшій Мардонію важность этого обстоятельства. Мардоній рѣшился этимъ воспользоваться и послалъ свою конницу, которая напала на обозы и вернулась съ богатою добычею. Въ теченіи одиннадцати дней персидская конница повторяла свои нападенія на армію грековъ и успѣла при этомъ забросать источникъ Гаргафію.

Битва при Платеѣ началась атаками персидской конницы на правый флангъ грековъ (спартанцевъ); на этотъ разъ за конницею явилась и пѣхота персовъ, которая, поставивъ передъ собою плетеные щиты, осыпала спартанцевъ градомъ стрѣлъ. Но сначала тегейцы, а за ними и спартанцы переходятъ въ наступленіе, опрокидываютъ персовъ и преслѣдуютъ до самыхъ обозовъ, которыми и овладѣваютъ.

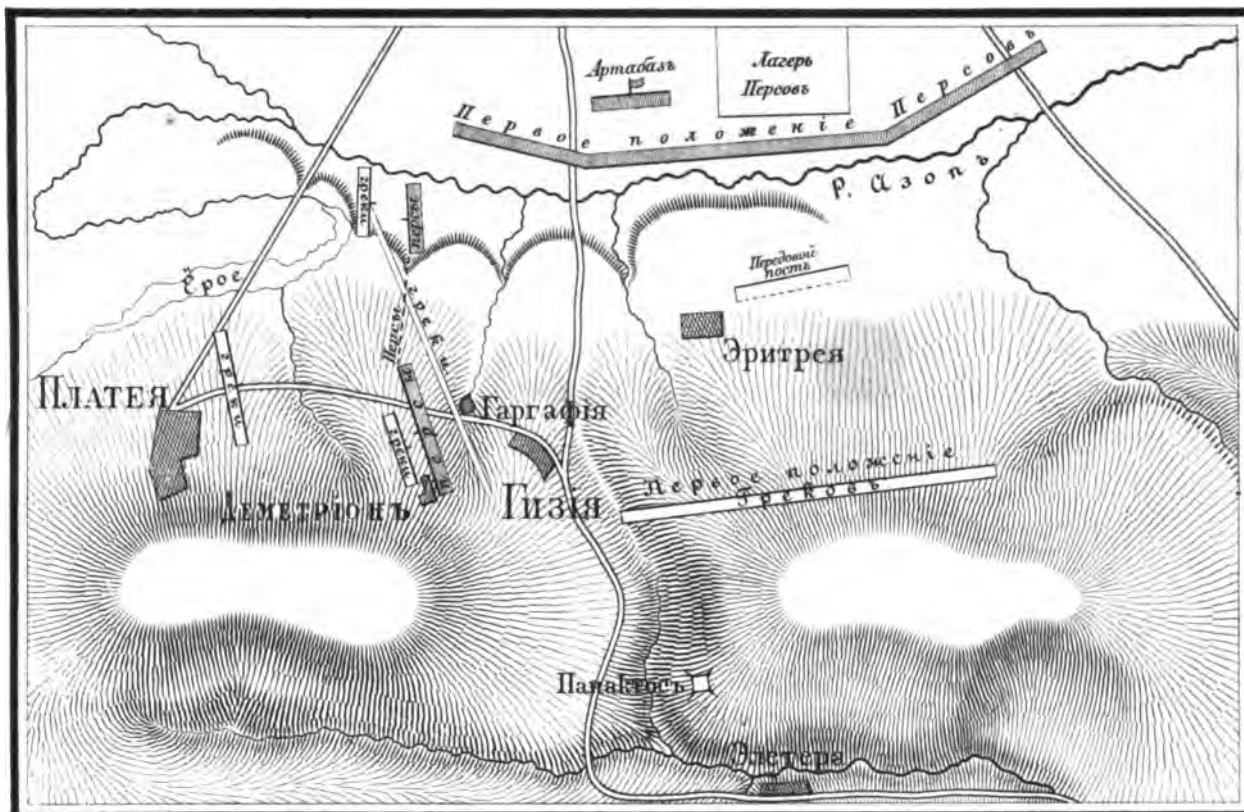
Атака персидской пѣхоты на лѣвое крыло была отбита аѳинянами. Конница персидская очутилась противъ центра.

Когда дошли вѣсти о побѣдѣ на правомъ флангѣ, центръ грековъ также двинулся впередъ: коринѳяне на Деметріонъ, а мегаряне къ Азопу, наткнулись на персидскую конницу, которая, по неудобству мѣстности, не имѣя возможности дѣйствовать противъ коринѳянъ, бросилась на мегарянъ и опрокинула ихъ.

Вся пѣхота персовъ была разбита, и конница должна была прикрывать отступление. Но мегаряне присоединились къ общей арміи только по окончаніи боя.

Сраженіе при Платеѣ было проиграно персами не вслѣдствіе ошибочныхъ распоряженій Мардонія, напротивъ распоряженія эти, въ особенности употребленіе кавалеріи, и въ бою, и передъ боемъ были вполне здравы. Но Мардоній при атакѣ персидской пѣхоты на правый флангъ спартанцевъ былъ убитъ, и это повліяло самымъ пагубнымъ образомъ на персидское войско. Артабазъ во главѣ 40 т. первый, не вступивъ еще въ бой, покинулъ поле сраженія, и на персидскую пѣ-

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ПЛАТЕѢ

хоту совершенно неожиданно напалъ панической страхъ. Вообще, обстоятельства чрезвычайно выгодно сложились для грековъ.

Изъ этого сраженія видно, что вся тяжесть боя лежала на тяжелой пѣхотѣ (гоплитахъ); тоже самое замѣчается и въ другихъ сраженіяхъ.

Сраженіе при Платеѣ, а въ особенности предшествовавшія дѣйствія персидской конницы показали грекамъ всю громадную пользу, которую приноситъ кавалерія арміямъ, и въ какомъ не выгодномъ положеніи они находятся при отсутствіи конницы, въ особенности на театрѣ дѣйствій.

Сраженіе это дало первый толчекъ грекамъ въ отношеніи конницы. На общемъ сеймѣ греческихъ народовъ рѣшено было для продолженія войны, превратившейся съ этихъ поръ въ частныя, преимущественно морскія экспедиціи содержать постоянное войско изъ 10 т. пѣхоты, 1000 конницы и 100 галеръ.

Во время Пелопоннесской войны мы встрѣчаемъ конницу на поляхъ сраженій еще въ незначительномъ числѣ. Въ сраженіи при Мантинеѣ ¹⁾, напримѣръ, у спартацевъ на 10 т. гоплитовъ было 400 всадниковъ, у аѳинянъ по всей вѣроятности конницы было болѣе. Преобладающая роль и въ этой войнѣ принадлежитъ гоплитамъ, которые обыкновенно располагаются въ центрѣ боеваго порядка, а конница съ легкой пѣхотой составляетъ крылья. Разъ фаланга гоплитовъ разбита, остальные войска не въ состояніи уже возстановить сраженіе. Бой центра до того преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ, что въ большинствѣ источниковъ какъ будто считается лишнимъ говорить о дѣйствіяхъ конницы и легкой пѣхоты. И дѣйствительно, конница и пѣхота дерутся сами по себѣ, вовсе не думая о взаимной поддержкѣ. Только единственный примѣръ извѣстенъ намъ, именно въ приведенномъ выше Мантинейскомъ сраженіи ²⁾, гдѣ конница поддержала свою пѣхоту. Спартанская пѣхота разбила аѳинскую: „тогда, говоритъ Рюстовъ, представился рѣдкій случай, аѳинская конница вступила въ бой съ лакедемонскими гоплитами“. Вѣроятно, аѳинская конница, будучи сильнѣе и лучше спартанской, опрокинула ее, или численностью своею парализовала ея дѣйствія, и, бросившись во флангъ и въ тылъ спартанской пѣхотѣ, дала возможность своимъ гоплитамъ отступить. Преслѣдованіе послѣ боя было не въ ходу, хотя это не можетъ быть оправдано недостаткомъ конницы и легкой пѣхоты. По этому и большинство сухопутныхъ сраженій отличается крайней нерѣшительностью, перевѣсъ въ войнѣ даютъ дѣла на морѣ.

Со времени Пелопоннесской войны начало входить въ обыкновеніе содержать наемныя войска. Первоначально вербовали только легкую пѣхоту (еракійскіе и аркадскіе копѣйщики, родосскіе пращники, критскіе стрѣлки), а впослѣдствіи по-

¹⁾ Первое сраженіе.

²⁾ Первое Мантинейское сраженіе въ 418 г. до Р. Х.

является и наемная конница: скивовъ, ѳессалійцевъ, еракійцевъ, этольцевъ, вiотянъ, кефалонянъ, тарентинцевъ. Начиная же съ похода десяти тысячъ, стали массами формировать линейную пѣхоту.

Впрочемъ греческія государства вербовали войска только на одинъ походъ; но на сѣверѣ нѣкоторые государи начали содержать постоянныя арміи изъ наемниковъ и приобрѣли этимъ рѣшительный перевѣсъ надъ греческими республиками. Къ числу этихъ государей принадлежатъ Язонъ ѳессалійскій и Филиппъ Македонскій.

На мысѣ Тенаронъ образовалось мѣсто, куда стекались всѣ, желавшіе поступить въ наемники, и наниматели. Обыкновенно договаривались въ мѣсячномъ жалованьѣ, которое доходило до 24 аттическихъ драхмъ (около 5 руб. 50 коп.). Всадники получали въ три или четыре раза больше пѣхотинцевъ.

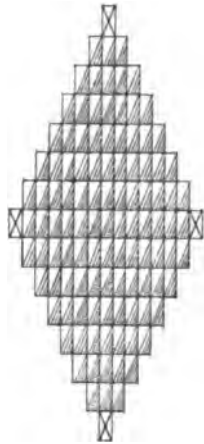
Но при всемъ этомъ желающихъ поступить въ конницу было всегда очень мало вслѣдствіе очень большихъ цѣнъ на лошадей, и потому греческія государства всегда старались заключать союзы съ народами, обладавшими значительной конницей. Въ особенности обращали на себя вниманіе въ этомъ отношеніи ѳессалійцы.

ѳессалія, сѣверо-восточная область древней Греціи между Македонією, Эпиромъ и Элладю, представляла пространную равнину, ограниченную моремъ и горами и покрытую прекрасными пастбищами. Первобытными жителями ѳессалии греки считали лапитовъ и центавровъ, полубаснословный народъ. По всей вѣроятности, центавры первые изъ смежныхъ съ греками племенъ умѣли обуздывать лошадей и употреблять ихъ подъ верхъ: оттого и произошло мифологическое ихъ изображеніе полулюдьми—полуконями. Прекрасныя пастбища много способствовали ѳессалійцамъ къ разведенію лошадей, и лошади ѳессалійцевъ, пользовались громкою славою по всей Греціи. Но на состязаніи, произведенномъ Ксерксомъ, во время нашествія персовъ на Грецію между ѳессалійскими и персидскими лошадьми, послѣднія оказались несравненно выше.

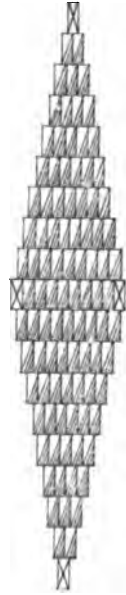
ѳессалійцы своими нравами и обычаями отличались отъ остальныхъ грековъ и походили болѣе на македонянъ. Они раздѣлены были на небольшія государства, соединенныя въ одинъ союзъ. Государства эти имѣли родъ феодальнаго устройства, основаннаго на существовавшей съ давнихъ поръ крѣпостной зависимости, такъ называемыхъ, пенестовъ или порабощенныхъ поселянъ. Земля и прикрѣпленные къ ней поселяне принадлежали господствовавшей части народа—дворянству, которое по своему положенію, вооруженію, нравамъ и привычкамъ представляло большое сходство съ средневѣковымъ рыцарствомъ. ѳессалійское дворянство вмѣстѣ съ македонскимъ составляло тяжеловооруженную кавалерію, тогда какъ ихъ вассалы составляли пѣхоту и легкую конницу. Одѣтые съ головы до ногъ въ латы, верхомъ на лошадяхъ, также отчасти покрытыхъ броней, ѳессалійскіе дворяне

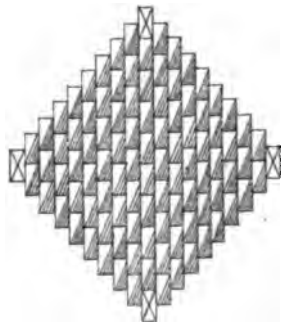
№ 1.

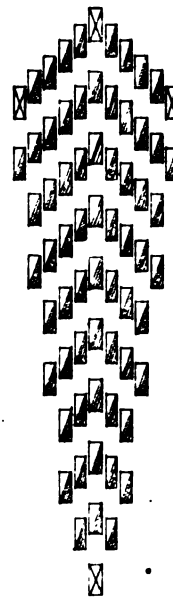
№ 2.

№ 3.

№ 4.

и въ этомъ отношеніи походили на средневѣковыхъ рыцарей. Къ лошадямъ они привыкали съ младенчества. Рыцарскія игры и походы, обѣщавшіе большую добычу, были для нихъ наслажденіемъ. Понятно, что вслѣдствіе такихъ упражненій съ малолѣтства ѳессаліецъ какъ бы сrostался съ конемъ, и дѣйствительно ѳессалійская конница пріобрѣла себѣ всемірную славу. Первоначально Эпаминондъ, а впослѣдствіи Филиппъ и въ особенности Александръ Македонскій превосходно сѣумѣли воспользоваться матеріаломъ ѳессалійской конницы. Александръ Македонскій всегда отдавалъ ей должное предпочтеніе. ѳессалійцы, служившіе въ македонскихъ войскахъ, подобно сѣвернымъ героямъ и варягамъ въ Византіи, получали всегда богатѣйшую часть добычи и отъ времени до времени отпускались домой, чтобы наслаждаться пріобрѣтенными сокровищами въ кругу своихъ, и уступали свои мѣста юнымъ рыцарямъ.

Арріанъ говоритъ, что ѳессалійская конница соединяла въ себѣ силу напора съ легкостью наѣздничества. Изъ этого надо заключить, что ѳессалійцы основывали главнымъ образомъ свой успѣхъ на томъ же, на чемъ основывалъ его и Зейдлицъ, т. е. на стремительномъ врываніи въ ряды непріятеля. И дѣйствительно намъ извѣстно, что ѳессалійцы для своихъ атакъ принимали форму строя въ видѣ ромбовъ, что указываетъ на желаніе прорвать непріятельскій фронтъ. Ромбы были различны, смотря по тому какъ всадники располагались въ шеренгахъ и рядахъ. Храбрѣйшіе всадники становились въ переднихъ рядахъ. Два всадника, называемые флангохранителями, были на правомъ и на лѣвомъ углахъ, а илархъ впереди всѣхъ. Два всадника, стоявшіе по бокамъ его, должны были держать лошадей такъ, чтобы ихъ головы были на равнѣ съ его плечами. Лошади, расположенныя направо и налѣво сохраняли между собою интервалъ, чтобы при поворотахъ не задѣли ближайшихъ всадниковъ. Нѣкоторые составляли ромбоиды шеренгами и рядами, другіе только шеренгами безъ рядовъ, иные же только рядами. Строившіеся по шеренгамъ и рядамъ составляли среднюю шеренгу нечетную, напр. въ 13 или 15 человѣкъ; слѣдующая за нею двумя менѣе, а именно: въ 11 или 13, далѣе въ 9 и 11 и такъ, убавляя по два, до единицы, такъ что, если средняя шеренга взята въ 15 человѣкъ, то весь ромбоидъ состоялъ изъ 113 человѣкъ. Полъ ромба называлась угломъ или эмволондомъ. Нѣкоторые не принимали ни шеренгъ, ни рядовъ и полагали, что подобное построеніе конницы облегчало атаки и повороты во всѣ стороны. Они ставили всадниковъ по правую и лѣвую сторону иларха такъ, чтобы головы лошадей были наравнѣ съ плечами предъидущаго человѣка, и составляли такимъ образомъ двѣ первыя шеренги или передніе фасы ромбоида изъ нечетнаго числа, напр. изъ 11. Позади Иларха ставили оиларха и составляли внутри двѣ шеренги, параллельныя первымъ, но двумя всадниками менѣе, слѣдовательно вторые въ 9 человѣкъ и такъ далѣе до одного. Полибій приводитъ это построеніе въ видѣ Л

или угла. Филиппъ Македонскій, говорятъ, былъ его изобрѣтателемъ и ставилъ на углу лучшихъ войновъ, чтобы остальные слѣдовали за ними.

Построеніе рядами, но безъ шеренгъ, дѣлалось слѣдующимъ образомъ: составляли рядъ изъ какого нибудь числа всадниковъ, въ головѣ которыхъ былъ илархъ, а замыкающій въ концѣ. Потомъ ставили по обѣимъ сторонамъ этого ряда еще по одному такъ, чтобы всадники приходились противу середины интерваловъ перваго ряда. Отъ этого новые два ряда уже имѣли однимъ всадникомъ менѣе предыдущаго. Въ третьемъ уже было по этой же причинѣ еще однимъ менѣе, и такъ уменьшалось до единицы. Построеніе по шеренгамъ, а не по рядамъ производилось такимъ образомъ: ставили въ срединѣ нечетное число лошадей и строили прочихъ всадниковъ впереди и позади ихъ такъ, чтобы лошади приходились противъ интерваловъ предыдущаго и послѣдующаго рядовъ.

Такъ описываютъ древніе писатели строи ѳессалійцевъ ¹⁾, но сомнительно, чтобы такія построенія въ самомъ дѣлѣ существовали. Трудно предположить, чтобы хорошая кавалерія прибѣгала къ такимъ замысловатымъ и сложнымъ, требующимъ немалого времени, строямъ передъ атакой, когда всякое замѣшательство пагубно; а при подобныхъ построеніяхъ едва ли могло обойтись безъ него. Вѣроятно, дѣло было проще: передъ атакою конница смыкалась въ общую кучу, имѣя впереди начальника; двигаясь за нимъ въ атаку, доброконные и храбрѣйшіе всадники опережали, менѣе храбрые отставали, и куча растягивалась въ видѣ ромба—или вѣрнѣе роя. Повѣствователи, желая оформить этотъ строй, вѣроятно, и придумали равненіе по рядамъ, по шеренгамъ, безъ равненія и въ видѣ ромбоида, какъ это въ минуту атаки могло показаться очевидцамъ.

Ѳракійцы населяли страну, имѣвшую въ древности по множеству лѣсовъ и болотъ климатъ гораздо суровѣе, чѣмъ теперь. Но страна эта, какъ и ѳессалія отличалась плодородіемъ, обильными пастбищами и процвѣтаніемъ скотоводства, несмотря на то, что поверхность страны значительно разнится съ ѳессаліею. Ѳракійцы были народъ дикій и суровый и раздѣлялись на множество отдѣльных независимыхъ племенъ. Нравы и обычаи ихъ во многомъ сходствовали съ древними германцами. Они преимущественно занимались войной и охотой, предоставляя свое земледѣліе, скотоводство и богатяя рудокопни работникамъ и невольникамъ.

Отдѣльные племена подъ начальствомъ своихъ царей, съ весьма ограниченою властью, или вождей, избираемыхъ на время войны, очень часто нанимались на службу и сражались подъ знаменами различныхъ греческихъ государствъ. Жители горъ составляли легкую пѣхоту, жители равнинъ — кавалерію. Кавалерія эта была иррегулярная и въ образѣ дѣйствій много сходствовала съ кавказскими горцами:

¹⁾ Заимствовано изъ атласа приложен. къ Военной Библіотекѣ изданія 1837 г.

Исторія конницы М. Маркова.

ΘΕΣΣΑΛΙΕЦЪ.

Тяжеловооруженная греческая конница.

одинаково была способна къ дѣйствию въ конномъ и пѣшемъ строю. Въ то время какъ легкая греческая кавалерія (акраболиты) никогда не сходилась въ рукопашную съ непріателемъ, а дѣйствовала издали дротиками или стрѣлами, ѳракійцы превосходно владѣли и метательнымъ оружіемъ и мечемъ.

Костюмъ ѳракійцевъ состоялъ изъ полотняной рубахи, кожаныхъ прикрытій на груди, ляшкахъ и рукахъ, и шапки изъ звѣриныхъ кожъ съ висящими позади лисьими хвостами.

Вооруженіе было различно по племенамъ: агріане приобрѣли особенную знаменитость стрѣльбою изъ луковъ и своею легкостью, геты ѣздили всегда о двуконь и дѣйствовали преимущественно дротиками. Но всѣ имѣли мечи, а нѣкоторые и щиты. При атакѣ непріателя они обыкновенно выстраивались въ видѣ клина или, лучше сказать, въ видѣ роя, въ которомъ храбрѣйшіе выдавались впередъ; всѣ за начальникомъ слѣдовали, какъ за маткой, и отчаянно, врѣзывались въ ряды непріателя. ѳракійцы вообще отличилась самою дикою храбростью.

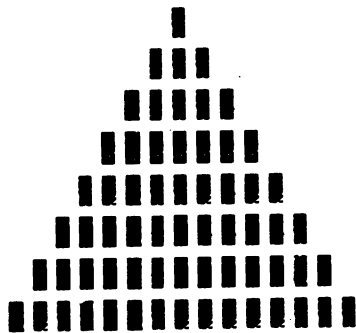
Коневодство ѳракійцевъ было извѣстно еще Гомеру. ѳракійцы, кромѣ войны, употребляли коней для различныхъ упражненій и игръ въ честь боговъ (Посейдона)¹⁾.

Походъ, извѣстный подъ названіемъ „отступленіе десяти тысячъ“, имѣлъ громадное вліяніе на военное искусство грековъ. Такъ какъ во время этого похода невозможно было заранѣе опредѣлять мѣсть, на которыхъ предполагали вступить въ бой, все зависѣло отъ направленія отступленія и дѣйствія преслѣдующаго противника, то вскорѣ выказалась крайняя неповоротливость фаланги и необходимость легкихъ войскъ.

Персидскіе лучники, и въ особенности конница, наносили громадный вредъ. Разнообразіе противниковъ и мѣстности должны были навести на мысль о необходимости взаимодѣйствія различныхъ родовъ оружія, и при самомъ началѣ отступленія была сформирована конная часть въ 50 коней. Часть эта, конечно, по своей малочисленности не могла принести особенной пользы; но, несмотря на то, она постоянно принимала участіе въ бояхъ.

Ксенофонтъ, безъ сомнѣнія, былъ душою всѣхъ военныхъ дѣйствій и, по возвращеніи въ Грецію, написалъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ проложилъ дорогу той тактикѣ, основныя идеи которой существуютъ и до сихъ поръ и всегда останутся въ полной силѣ: 1) органическая связь между всѣми родами оружія для взаимнаго содѣйствія; 2) подвижность боеваго порядка; 3) примѣненіе ко времени и мѣсту.

Эмволонъ или уголь.

¹⁾ Victor Hehn. Culturpflanzen und Haustihere стр. 46.

Но воспользоваться идеями Ксенофонта на практикѣ досталось людямъ болѣе счастливымъ, такъ какъ Ксенофонту не удалось болѣе командовать арміями. Изъ числа этихъ людей на первомъ мѣстѣ стоитъ Ификратъ, одинъ изъ предводителей наемныхъ войскъ.

Со времени обыкновенія держать наемныя войска, стратеги больше не выбираютъ изъ числа гражданъ Греціи, а нанимаются изъ людей пріобрѣвшихъ себѣ на военномъ поприщѣ громкое имя, или добивающихся этого званія съ помощью денегъ. Ификратъ пріобрѣлъ себѣ и то и другое и замѣчательнѣе тѣмъ, что, подобно Фридриху Великому, изъ ненадежной толпы наемниковъ, создалъ хорошее войско. Онъ усовершенствовалъ тактику, облегчилъ вооруженіе, ввелъ облегченную пѣхоту — пельтастовъ, которые во времена Александра Македонскаго пріобрѣтаютъ особенную славу, и примѣнилъ на практикѣ идеи Ксенофонта.

Остатки десяти тысячъ наняты были Агезилаемъ, дѣйствовавшимъ успѣшно противъ персовъ; а на территоріи Греціи они первый разъ появились подъ начальствомъ же Агезилая въ сраженіи при Коронѣ (394 г.).

Относительно дѣйствія кавалеріи въ этомъ сраженіи намъ извѣстно только то, что, когда лѣвый флангъ и центръ вѣотанъ были обращены въ бѣгство, ихъ преслѣдовала многочисленная конница и легкая пѣхота.

Взаимная поддержка различныхъ родовъ оружія видна изъ того, что линія гоплитовъ не заботится больше о прикрытіи своихъ фланговъ, а предоставляетъ эту заботу лучникамъ и конницѣ. Другое замѣчательное обстоятельство въ битвѣ при Коронѣ—это движеніе центра раньше праваго фланга. Это было дѣломъ наемныхъ войскъ, привыкшихъ во время отступленія къ самостоятельному дѣйствію частей боевой линіи.

Но это были только зачатки преобразованій греческой тактики. Движеніе, возникшее вслѣдствіе похода десяти тысячъ, не успѣло привести еще къ какой нибудь системѣ боевой тактики. Видно только стремленіе къ подвижности массъ, чтобы пользоваться различными обстоятельствами въ бою. Все это выказывалось разрозненно, большею частью случайно, оставляя въ значительной степени старую тактику. Нужна была особенно талантливая личность, чтобы все это привести въ полную систему, и такою личностью явился Эпаминондъ. Положеніе Эпаминонда въ отношеніи къ военному искусству имѣетъ нѣкоторое сходство съ положеніемъ Наполеона, для котораго теорія и практика предшественниковъ все подготавливала, оставалось привести дѣло въ ясность и воспользоваться.

Эпаминондъ не только сумѣлъ отлично обучить свое войско, пріучить его къ ловкому обращенію съ оружіемъ и къ тактическимъ движеніямъ, довольно сложнымъ; но и оживилъ его тѣмъ воинственнымъ духомъ, благодаря которому оно сравнялось въ храбрости съ спартанцами, а въ военномъ искусствѣ съ прославленными наемными отрядами. Надо замѣтить, что войско еивянъ въ первое время

Исторія козацки М. Маркова

ТРАКІЕЦЪ.

Источники: Шлоссеръ. Кн. Голицынъ, Зедделеръ, Аррианъ и др.

войны и въ битвѣ. при Левктрахъ состояло исключительно изъ однихъ гражданъ ¹⁾, хотя господствовавшее въ Греціи направленіе и измѣнившаяся система веденія войны ввели почти всюду вербованіе наемниковъ.

Віотійская конница, о которой мы имѣемъ весьма мало свѣденій, какъ видно изъ послѣдующихъ дѣйствій, значительно превосходила спартанскую и сидѣла на лучшихъ лошадяхъ, въ отношеніи которыхъ въ цѣлой Греціи она уступала только ессалийцамъ. Впослѣдствіи подъ знаменами Эпаминонда сражалось много союзниковъ, изъ которыхъ въ особенности замѣчательна ессалийская конница. Хотя ессалийская конница появлялась на сцену и во время Пелоннезской войны, но свѣденія о ея дѣйствіяхъ крайне поверхностны.

Сраженіе при Левктрахъ (371 г.).

Мѣстечко Левктры находилось недалеко отъ Теспіи на обширной Віотійской равнинѣ, между горами Геликономъ и Киѳерономъ.

Ѣвивяне, ободренные успѣхомъ своихъ полководцевъ, геніальнаго Эпаминонда и друга его Пелопида, начали домогаться владычества надъ всѣми віотійскими городами и не согласились на миръ, заключенный въ Спартѣ греческими государствами при посредничествѣ персовъ, главнымъ условіемъ котораго была независимость греческихъ государствъ. Ѣвивы домогались подписать миръ отъ имени цѣлой Віотіи. Спартанцы на это не согласились и приказали Клеомвроту, стоявшему съ войскомъ въ Фокидѣ, вторгнуться въ Віотию и принудить Ѣвиванцевъ возстановить независимость тамошнихъ городовъ. Ѣвиванскіе полководцы собрали наскоро войско и заняли тѣснины Геликона, ожидая вторженія непріятеля изъ Фокеи черезъ Коронею; но Клеомвротъ пошелъ вдоль віотійской границы и расположилъ станъ свой на равнинѣ у мѣстечка Левктры. Ѣвивяне знали, что участь отечества ихъ зависѣла отъ этого дня и, если бы они еще промедлили, непріятели могли-бы получить значительное подкрѣпленіе. По этой причинѣ рѣшено было дать сраженіе. 7го іюля оба войска стояли другъ противъ друга. Войско Клеомврота состояло изъ 10000 пѣхоты и 1000 конницы; Ѣвивяне имѣли 6000 гоплитовъ, 1500 псилитовъ (легкой пѣхоты) и 500 конницы. У лакедемонянъ стояла въ первой линіи конница, во второй пѣхота, и лучшую часть ея составляли сами спартанцы, находившіеся на правомъ флангѣ.

Чтобы противодѣйствовать непріятельской конницѣ, Эпаминондъ выдвинулъ своихъ віотійскихъ всадниковъ, за ними поставлена была пѣхота въ 8 шеренгъ глубины. На правомъ крылѣ находились псилиты, на оконечности лѣваго крыла фаланга, построенная въ 48 шеренгъ; за фалангою стояла въ резервѣ священная дружина Ѣвивянъ, 300 отборныхъ юношей. Планъ дѣйствія Эпаминонда состоялъ въ

¹⁾ Шлоссеръ ч. II, стр. 55.

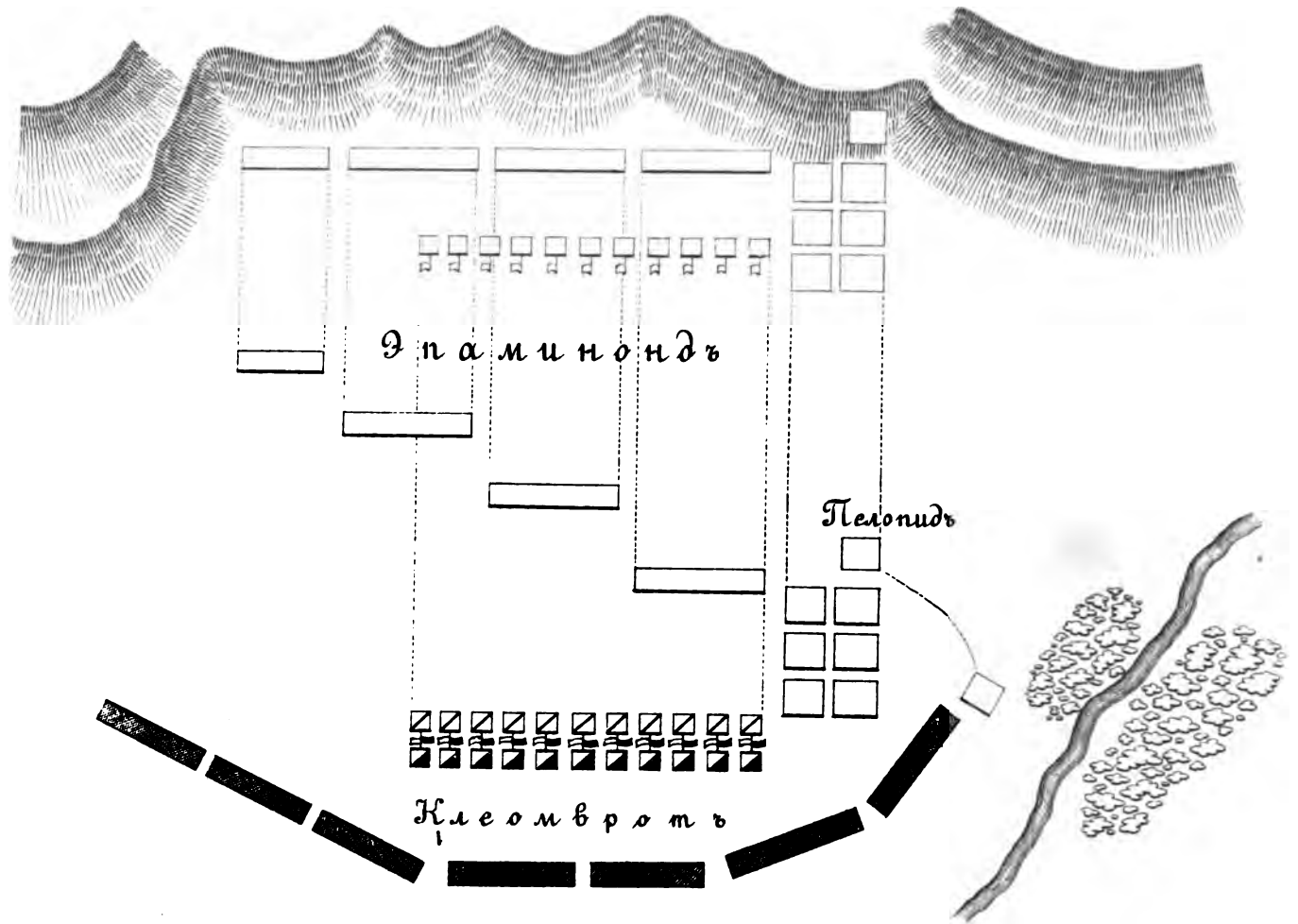

томъ, чтобы лѣвымъ крыломъ своимъ опрокинуть правое непріятельское, какъ сильнѣйшее, и по малочисленности своего войска, уклонять свое правое крыло, которое, въ случаѣ неудачи, должно было прикрывать отступленіе. Эпаминондъ увѣренъ былъ, что побѣда останется за нимъ, когда ему удастся разбить спартанцевъ, потому что союзники далеко уступали имъ въ военномъ дѣлѣ. Но если такимъ образомъ нанесеніе рѣшительнаго удара и было предоставлено пѣхотѣ, то первый моментъ атаки необходимо долженствовали быть рѣшенъ конницею, маскировавшею фронтъ боевой линіи. Віотійская конница, имѣвшая гораздо лучшихъ лошадей и далеко превосходившая спартанскую въ устройствѣ и опытности вслѣдствіе постоянныхъ стычекъ съ ессалійскою конницею, атаковала непріятельскую кавалерію, отбросила ее на пѣхоту, пришедшую отъ того въ безпорядокъ, и этимъ самымъ приготовила дальнѣйшій успѣхъ. Вслѣдъ за конницей Эпаминондъ двинулъ свою глубокую колонну противъ праваго фланга спартанцевъ, а прочія части должны были двигаться уступами съ лѣваго фланга.

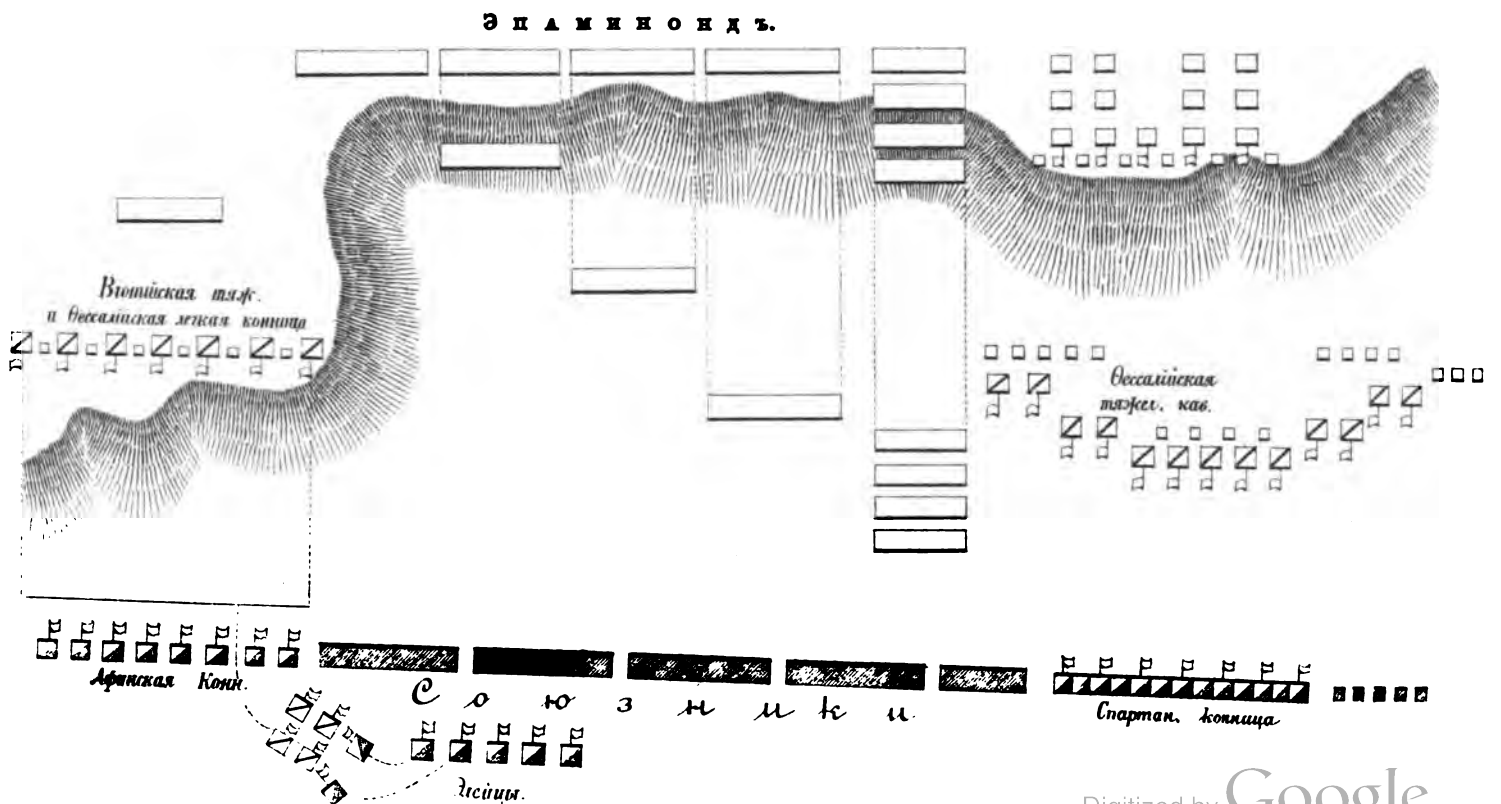
Спартанская пѣхота, задержанная въ центрѣ, продолжала наступленіе фалангами, и этимъ объясняется дугообразное расположеніе (полулуніемъ) спартанцевъ, о которомъ говоритъ Діодоръ. Слабѣйшее мѣсто Эпаминонда былъ флангъ атакующей колонны, который на самомъ дѣлѣ охватывался выдавшимся впередъ правымъ флангомъ Клеомврта. Но въ то же время Пелопидъ съ священною дружиной двинулся впередъ и предупредилъ съ этой стороны опасность. Колонна Эпаминонда всесокрушающею силою ударила на непріятеля и, не смотря на отчаянное мужество спартанцевъ, опрокинула правый флангъ: спартанское войско было разбито и бѣжало въ укрѣпленный лагерь.

При разборѣ этого сраженія бросается прежде всего въ глаза странное расположеніе спартанской конницы—непосредственно передъ фронтомъ пѣхоты. Ксенофонтъ объясняетъ это тѣмъ, что мѣстность между арміями была ровная. Рюстовъ и Кехли, находя объясненіе Ксенофонта неудовлетворительнымъ, говорятъ слѣдующее: „Эпаминондъ уже построился; вся или большая часть его конницы стояла на лѣвомъ флангѣ колонны, предназначенной для атаки. Клеомвротъ построился у подошвы высоты и долженъ былъ для боя выдвинуться на равнину. Это движеніе, вѣроятно, началось съ праваго фланга, со спартанской конницы. Такъ какъ мѣстность была ровная, и кавалерія вслѣдствіе этого двигалась легко, то она опередила свою пѣхоту, которая приняла вправо и очутилась за конницей, или же сама конница приняла влѣво и очутилась передъ пѣхотой“. Намъ кажется, что это можно объяснить еще и тѣмъ, что Клеомвротъ, пользуясь численнымъ превосходствомъ своей конницы, выдвинулъ нарочно ее впередъ для рекогносцировки или для того, чтобы разбить слабую віотійскую кавалерію, и, уничтоживъ послѣднюю, вступить въ бой съ прочими войсками. Но спартанцамъ не посчастливилось: Эпаминондъ, замѣтивъ выдвинувшуюся впередъ конницу ихъ,

П Л А Н Ъ
С Р А Ж Е Н І Я П Р И Л Е В Е Т Р А Х Ъ .

П Л А Н Ъ
С Р А Ж Е Н І Я П Р И М А Н Т И Н Е Ъ .

выслалъ свою; віотяне, болѣе искусные въ конномъ дѣлѣ, опрокинули спартанцевъ и, преслѣдуя ихъ, вѣроятно, нагнали на центръ непріятельской арміи. Такимъ образомъ центръ былъ задержанъ, и Эпаминондъ направилъ свой молотъ на правый флангъ спартанцевъ.

Сраженіе при Мантинеѣ. (362 г. до Р. Х.).

Въ то время, какъ Эпаминондъ встрѣтилъ подъ Спартою упорное сопротивленіе, подъ Мантинеею въ тылу его собиралось пелопоннезско—аѣинское войско. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился отступить и, дойдя до Тегеи, далъ отдыхъ своей пѣхотѣ, а часть конницы послалъ впередъ къ Мантинеѣ, которую надѣялся захватить врасплохъ. Но аѣиняне также выслали свою конницу къ Мантинеѣ, и конница эта по просьбѣ жителей вышла навстрѣчу віотянамъ. Произошла кавалерійская стычка, въ которой аѣиняне, не смотря на превосходство въ численномъ и даже качественномъ отношеніи віотійской конницы, остались побѣдителями. Это должно быть отнесено къ достоинствамъ предводителей аѣинской конницы, въ рядахъ которой въ описанномъ дѣлѣ сражался и палъ Гриллъ, сынъ Ксенофонта.

Вслѣдъ за этимъ Эпаминондъ двинулся со своею арміею и, присоединивъ къ себѣ разбитую конницу, сталъ противъ пелопоннезской арміи. У Эпаминонда было до 30 т. пѣхоты и 3 т. конницы, въ пелопоннезско—аѣинской арміи насчитывалось 20 т. пѣхоты и 2 т. кавалеріи. Но желая обмануть союзниковъ, Эпаминондъ повернулъ снова свою армію налѣво, взошелъ на высоты и сдѣлалъ видъ, будто бы желаетъ расположиться лагеремъ. Обманутые этимъ союзники также стали разбивать шатры, дозволили пѣхотѣ оставить ряды, а конницѣ разнуздать. Этого только и нужно было Эпаминонду, и онъ немедленно перешолъ въ наступленіе. Союзники съ трудомъ изготовились къ бою и столкновение произошло въ слѣдующемъ порядкѣ:

У союзниковъ въ линіи гоплитовъ, начиная съ праваго фланга, находились: аркадяне, лакедемоняне, аѣиняне, элейцы, ахайцы и прочіе союзники. Правѣе гоплитовъ находилась спартанская конница въ непрерывной линіи безъ интерваловъ, глубиною въ 6 шеренгъ; а еще правѣе легкая пѣхота. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ аѣинская и элейская конница, неизвѣстно въ какомъ строю, но элейцы отодвинулись назадъ и составили резервъ аѣинской конницы.

Армія Эпаминонда находилась въ слѣдующемъ порядкѣ: въ центрѣ—фаланги віотянъ и союзниковъ ихъ, лѣвѣе отборная еиванская пѣхота, свернутая въ глубокую колонну. На лѣвомъ флангѣ стояла лучшая ессалійская конница, къ которой были приданы отряды пѣхоты (цельтасты и гамипшы) для метанія стрѣлъ и камней, а еще лѣвѣе легкая пѣхота. На правомъ флангѣ должна была дѣйствовать віотійская конница, конные ессалійскіе стрѣлки и наемная пѣхота, которая, продвинувшись на высоту, должна была угрожать лѣвому флангу непріятеля.

Вслѣдствіе подобныхъ распоряженій, Эпаминондъ сосредоточилъ противъ праваго фланга пелопоннесской арміи втрое больше силъ. Планъ дѣйствій его состоялъ въ томъ, чтобы, занимая лѣвый флангъ противника, главный ударъ нанести правому флангу. Дѣло началось стычками легкой пѣхоты обоихъ фланговъ. Віотійская конница праваго фланга, поддержанная значительнымъ числомъ эссалійскихъ конныхъ копейщиковъ и пращниковъ, долго перекидывалась копьями съ аѣинской конницею и наконецъ, бросившись впередъ, опрокинула ее рѣшительнымъ ударомъ и прогнала ее за пѣхоту. Но такъ какъ не на лѣвомъ флангѣ пелопоннесской арміи предполагалось рѣшеніе боя, то віотяне не преслѣдовали аѣинянь, а вернулись назадъ. При отступленіи этомъ они наскочили на аѣинскихъ гоплитовъ для того, чтобы, какъ говоритъ Діодоръ, превзойти свою пѣхоту; но вѣроятно для того, чтобы удержать ихъ отъ поданія помощи правому флангу. Аѣинскіе гоплиты очутились въ затруднительномъ положеніи, но къ нимъ на выручку явилась, стоявшая въ резервѣ, элейская конница, и заставила віотійцевъ отступить.

Во время этихъ стычекъ праваго фланга Эпаминонда, дѣло рѣшилось, какъ онъ и предполагалъ, на лѣвомъ флангѣ. Вслѣдъ за небольшими стычками пѣхоты и конницы лѣваго фланга, Эпаминондъ одновременно двинулъ тяжело-вооруженную эссалійскую конницу и глубокую колонну отборныхъ гоплитовъ.

Далеко превосходя спартанцевъ въ верховой ѣздѣ и гибкостью строя, эссалійцы, при содѣйствіи стрѣлковъ и пращниковъ, скоро привели въ разстройство неповоротливую спартанскую конницу и прогнали ее за пѣхоту.

Наконецъ дѣло дошло до фалангъ. Громадная колонна эивянъ ударила на спартанцевъ, разгорѣлся ожесточенный бой. Эпаминондъ, желая одушевить своихъ воиновъ, сталъ въ передніе ряды, опрокинулъ непріятеля; но, преслѣдуя его, получилъ смертельную рану въ грудь. Съ распространеніемъ этого извѣстія дѣйствія тотчасъ прекратились: гоплиты остановились, конница прекратила свои атаки.

Въ отношеніи дѣйствій кавалеріи въ этомъ сраженіи мы замѣчаемъ слѣдующія особенности: 1) спартанская конница расположена непрерывною линіею безъ интерваловъ. Подобное расположеніе придано было ей, вѣроятно, чтобы предотвратить заскакиванія на фланги и въ тылъ болѣе ловкой эссалійской конницы, нападеніе которой, какъ видно, она встрѣтила, стоя на мѣстѣ или двигаясь нерѣшительно впередъ. Это указываетъ странный взглядъ спартанцевъ на свойства кавалеріи. И во времена Фридриха Великаго конница иногда строилась en tiraille, но построеніе это предназначалось не для обороны, а для сильнѣйшаго удара, хотя это послѣднее не вполне достигалось, потому что кавалерія безъ интерваловъ приходила въ беспорядокъ; а вслѣдствіе этого уменьшалась быстрота и сила удара. Но и эссалійская конница, какъ показалъ ходъ боя, не атаковала стремительнымъ ударомъ. Мы заключаемъ это изъ того, что при подоб-

номъ ударѣ, какъ дѣлала кавалерія Александра Македонскаго или Фридриха II, кавалерійскій бой рѣшается мгновенно, между тѣмъ какъ ессалійцы прекратили бой послѣ большой колонны.

Если предположить, что ессалійцы преслѣдовали спартанскую конницу, то они очутились бы въ далекомъ разстояніи за спартанскою пѣхотою; но Діодоръ говоритъ, что ессалійская конница опрокинула спартанскую и прогнала ее за пѣхоту. Вѣроятно происходило такъ, какъ бывало вообще въ столкновеніяхъ греческихъ конницъ: противныя стороны съѣхались, бросили другъ въ друга конья и схватились въ одиночный рукопашный бой. За стороною болѣе искусною во владѣніи конемъ и оружіемъ осталась побѣда. Стремительность же удара или сила напора ессалійской конницы, о которой говоритъ Арріанъ, вѣроятно должно отнести ко временамъ Филиппа Македонскаго, который, придумавъ построеніе для кавалеріи въ видѣ ромба или клина, быть можетъ, и былъ изобрѣтателемъ подобныхъ дѣйствій конницы. Это подтверждается тѣмъ, что при немъ, и особенно Александрѣ, кавалерія выступаетъ на первый планъ дѣйствій и служитъ главною виновницею всѣхъ его побѣдъ.

На лѣвомъ флангѣ пелопоннеско-аѣинской арміи, какъ извѣстно, дѣло склонилось въ пользу аѣинянъ вслѣдствіе того, что элейская конница, стоявшая въ резервѣ, подоспѣла на помощь къ пѣхотѣ и опрокинула віотянъ. Это первый примѣръ, который мы встрѣчаемъ, употребленія въ кавалеріи резерва. Что касается до подробностей построенія конницы въ описанномъ сраженіи, то объ этомъ нѣтъ положительныхъ данныхъ. Рюстовъ ¹⁾ говоритъ: „вслѣдъ за небольшими атаками конницы віотянъ Эпаминондъ направилъ главную атаку большой колонны конницы; а непосредственно за нею повелъ своихъ гоплитовъ, построенныхъ въ глубокой колоннѣ, на пѣхоту лакедемонянъ“. Мезере ²⁾ рассказываетъ такъ: „лакедемоняне расположили свою конницу по флангамъ.... Расположеніе конницы Эпаминонда было сходно съ этимъ, но, желая перенести главное дѣйствіе на лѣвый флангъ, онъ поставилъ тутъ свои лучшіе эскадроны (большею частью ессалійцевъ), построивъ ихъ при томъ такъ, чтобы они занимали небольшое протяженіе по фронту и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывали легкую пѣхоту, которая должна была драться съ ними.... Эмболонъ ессалійской конницы ³⁾ развернулся съ движеніемъ впередъ на лакедемонскую конницу; часть легкой пѣхоты, которую она прикрывала, прошла въ интервалы эскадроновъ, а остальная продолжила въ обѣ стороны фронтъ конницы. Вслѣдствіе этого конница лакедемонянъ, взятая съ фронта и фланговъ, была опрокинута“. Если это было дѣйствительно такъ, то слѣдо-

¹⁾ Рюстовъ и Кехли.

²⁾ Tableau général de la cavalerie Greque, par M. Joly de Maizeray, pag. 66.

³⁾ Эмболонъ—значить уголъ.

вательно, ессалийцы атаквали не эмболономъ и не въ большой колоннѣ, какъ говоритъ Рюстовъ. Намъ кажется, что замѣчаніе Мезере болѣе подходитъ къ результатамъ боя.

Мы видѣли, что первый толчекъ впередъ греческой тактикѣ дали войны съ персами. До войны съ персами греки почти не употребляли конницы на поляхъ сраженій. Послѣ битвы при Платеѣ конница появляется во всѣхъ греческихъ государствахъ. Походы Агезилая въ Малой Азіи выказали несостоятельность этой конницы и принудили его переорганизовать ее.

Отступление десяти тысячъ еще болѣе указало на важность этого рода оружія въ составѣ войскъ и на неповоротливость гоплитовъ. Вслѣдствіе этого являются пельтасты, пѣхота болѣе подвижная чѣмъ гоплиты и одинаково способная къ производству атакъ и къ дальнему бою. Таланты Ксенофонта, Агезилая и Ификрата, слѣдовательно, снова двигаютъ впередъ военное искусство грековъ и готовятъ почву для дѣятельности Эпаминонда. Эпаминондъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ военныхъ людей Греціи, возвелъ тактику грековъ до высшей ступени, до которой она когда нибудь только достигала. Но, если мы вникнемъ глубже въ дѣло, то замѣтимъ, что Эпаминондъ усовершенствовалъ только бой тяжелой пѣхоты и прекрасно воспользовался имѣвшеюся подъ рукою конницею. Для взаимодѣйствія же обоихъ родовъ оружія онъ сдѣлалъ очень мало. Система тактики Эпаминонда можетъ обойтись безъ конницы и легкой пѣхоты. Вся суть въ разницѣ построеній пѣхоты лѣваго фланга, назначавшагося для удара, отъ праваго, имѣвшаго цѣлью демонстраціи.

Конница, какъ до Эпаминонда, такъ и при немъ оставалась побочнымъ родомъ оружія. Она могла угрожать непріятельскимъ гоплитамъ, могла сдерживать ихъ и разстроивать своими атаками, маскировать построеніе своей пѣхоты; но нигдѣ еще конница не наноситъ рѣшительнаго удара. Она не прокладываетъ слѣдующей за нею пѣхотѣ пути къ побѣдѣ: она только обезпечиваетъ, стережетъ его. „Центръ тяжести боя въ линіи гоплитовъ“¹⁾.

Слѣдовательно греческой тактикѣ оставался еще одинъ шагъ: не только различно строить фланги, сообразно ихъ назначенію, но и цѣлесообразно ихъ организовать, т. е., разные роды оружія, являющіеся составными частями фланговъ, слить въ одно цѣлое, чтобы наносить ударъ противнику совокупными усиліями пѣхоты и конницы. Это исполнить выпало на долю уже не самихъ грековъ, а ихъ учениковъ—македонянъ, при знаменитыхъ царяхъ которыхъ Филиппъ и, въ особенности, Александръ греческая тактика и все военное искусство ихъ достигло своего апогея.

¹⁾ Голицынъ. Всеобщая Военная Исторія.

Глава 3-я.

Македонія. Кавалерія при Филиппѣ и Александрѣ. Гетеры. Легкая конница. Димахосы. Численность, организація и строй конницы. Воспитаніе всадниковъ. Заботы Филиппа объ улучшеніи породы лошадей. Свѣденія о ремонтированіи македонской конницы. Снаряженіе. Употребленіе кавалеріи въ бою, въ войнахъ Александра Македонскаго. Сраженія при Граникѣ и Гавгамелахъ. Употребленіе кавалеріи на театрѣ дѣйствій.

Македонія по внутреннему строю весьма сходствовала съ Фессаліею. Македонское дворянство, какъ фессалійское, отличалось воинственностью и храбростью, но оно не имѣло, подобно послѣднему, крѣпостныхъ. Македонскіе поселяне были свободными землевладѣльцами, охотно соединявшимися съ дворянствомъ для достиженія взаимныхъ выгодъ. Отношеніе царя къ дворянству были отношеніями равнаго къ равнымъ, соединенными съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Онъ собственно былъ главою военной аристократіи и пользовался властію только тогда, когда обладалъ военными дарованіями, т. е., умѣлъ присвоить себѣ диктаторскую власть полководца и воспользоваться для своихъ цѣлей преданными ему наемниками. Постоянныя смятенія, о которыхъ говоритъ исторія Македоніи, доказываютъ, что цари, стремившіеся къ неограниченной власти, встрѣчали противодѣйствіе въ націи и должны были бороться съ претендентами на престолъ. Въ престолонаслѣдіи не было никакого порядка. Каждый царь, при вступленіи на престолъ, долженъ былъ вновь покорять страну, а потому и не имѣлъ времени упрочить имъ устроенное. Вслѣдствіе всего этого сильный и воинственный македонскій народъ, гордый своею національностью, не разъ подчинялся другимъ народамъ. Такимъ образомъ частыя внутреннія несогласія, происходившія отъ политическаго устройства страны, ослабляли и разъединяли силы народа.

Филиппъ Македонскій, вступивъ на престолъ и переорганизовавъ внутренній строй страны, рѣшился создать національную армію, чтобы отдѣлаться отъ наемниковъ, которые въ большинствѣ случаевъ были главными виновниками или, по крайней мѣрѣ, содѣйствителями во всѣхъ смутахъ, терзавшихъ Македонію. Для этой цѣли Филиппъ въ народѣ нашелъ превосходный матеріаль. Филиппъ съумѣлъ приблизить къ себѣ македонское дворянство и создать изъ него кавалерію, которая впослѣдствіи не уступала фессалійцамъ.

Ограниченныя свѣденія о военномъ устройствѣ Александра Македонскаго и еще болѣе Филиппа затемняются множествомъ разнообразныхъ взглядовъ послѣдующихъ писателей. При разборѣ этого вопроса необходимо: во первыхъ, дѣлать различіе между войсками первыхъ временъ Филиппа и Александра и тѣми войсками, съ которыми Александръ совершилъ свои послѣдніе походы; во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что у Александра, кромѣ македонянъ, были значительные контингенты грековъ, сосѣднихъ варваровъ и другихъ союзниковъ и наемниковъ; въ

третьихъ, войска сражавшіяся съ римлянами уже значительно отличались отъ войскъ Александра.

Прежде всего Филиппъ сформировалъ тяжелую пѣхоту и незначительное количество конницы на манеръ греческой. Но частыя сношенія съ Фессаліей показали ему всѣ недостатки созданной конницы и заставили искать союза съ фессалійцами. Впослѣдствіи онъ совсѣмъ подчинилъ себѣ эту страну, пользуясь ея внутренними смутами, и съ тѣхъ поръ фессалійская конница составляетъ одну изъ лучшихъ частей арміи Филиппа и Александра. Фессалійская конница оказала важныя услуги Александру Македонскому въ его походахъ, и онъ отлично умѣлъ воспользоваться ея корыстолюбіемъ, происходившимъ отъ страсти къ наслажденіямъ и блеску. Александръ постоянно заботился о томъ, чтобы доставить случай обогатиться всѣмъ, принадлежавшимъ къ составу этого отряда, въ особенности, когда они, какъ и прочіе волонтеры, желали возвратиться домой. Онъ тогда не удерживалъ ихъ, а давалъ каждому, кромѣ его доли въ добычѣ, значительные денежные подарки, и приказывалъ отправлять ихъ въ Европу на свой счетъ. Такъ напр., на походѣ изъ Персеполя къ Экбатанѣ, отпуская ихъ домой, онъ подарилъ имъ двѣ тысячи талантовъ (около 2700000 руб. сер.). Эта щедрость побудила многихъ изъ нихъ тотчасъ же поступить снова въ службу, а богатства, привезенныя домой остальными, привлекли множество новыхъ охотниковъ служить въ македонской арміи. Впослѣдствіи, когда македонская конница гетеровъ постоянными походами и практикой приобрѣла такую же ловкость, Александръ пересталъ нуждаться въ фессалійцахъ и охотниковъ изъ нихъ сталъ ставить въ ряды македонской тяжелойвооруженной конницы. Прочія имѣющіяся свѣденія о фессалійской конницѣ уже были изложены.

Фессалійская конница вѣроятно служила образцомъ для македонской конницы. Точно также, какъ и первая, македонская кавалерія была тяжело вооружена и предназначалась для удара. Конница эта была сформирована изъ высшаго македонскаго дворянства и называлась гетерами, т. е., друзьями и товарищами царя. Для лучшаго комплектованія этой конницы, дворянство было раздѣлено на округа, изъ которыхъ каждый обязанъ былъ выставять одинъ илосъ—отъ 150 до 250 всадниковъ. Нѣкоторые изъ этихъ округовъ намъ извѣстны: Боттійскій, Амополискій, Аполлонійскій, Антемузійскій и Эгейскій. Всѣхъ ихъ было до 15, и они выставляли столько же илосовъ. Шестнадцатый илосъ образовался изъ пажей, состоявшихъ при особѣ царя. Онъ назывался агемою, имѣлъ назначеніе царскаго конвоя и игралъ роль гвардіи. Гетеры были вооружены также тяжело, какъ и фессалійцы: носили панцыри и шлемы такого же устройства, какъ и у прочихъ грековъ; но предохранительное оружіе было у нихъ дополнено набедренниками сверхъ сапогъ и наручниками. Вѣроятно и лошади ихъ имѣли предохранительное оружіе, по примѣру фессалійцевъ, но объ этомъ нигдѣ не упоминается. Нѣкоторые

Исторія коняци М. Маркова.

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ.

Вооруженные щитами должны были спѣшиться и поддерживать конницу въ пѣшемъ строю.

Во время продолжительнаго преслѣдованія Дарія къ Каспійскимъ проходамъ Александръ посадилъ 500 человекъ пѣхоты на коней, чтобы не оставлять своей конницы безъ поддержки пѣхотой. Впослѣдствіи онъ часто прибѣгалъ къ этому средству, въ особенности во время индійскаго похода: такъ напримѣръ, при дѣйствіи на Хоаспѣ.

Во всякомъ случаѣ эта пѣхота, посаженная на коней, не можетъ быть приравнена къ драгунамъ и дѣйствовать двоякимъ образомъ не могла. Слѣдовательно приходится остановиться на томъ предположеніи, что часть гетеровъ, вооруженная щитами сставляла димахосовъ подъ именемъ сариссофоровъ. Димахосъ значитъ двойной. А собственно слова димахосы, какъ названія особеннаго рода войскъ, за исключеніемъ Полліена и Діодора, мы нигдѣ не встрѣчали у древнихъ. Но Діодоръ говоритъ о димахосахъ кельтиберовъ, а не македонянъ ¹⁾.

Въ началѣ царствованія Филиппа конница была очень слаба, въ концѣ же доходила до 3000. Слѣдовательно каждый округъ выставялъ отъ 150 до 200 человекъ. Эліанъ илосомъ называетъ тактическую единицу кавалеріи македонянъ и полагаетъ ее въ 60—64 всадника. Илосомъ, какъ извѣстно, прежде всего называлось число всадниковъ, выставяемыхъ однимъ округомъ. Быть можетъ въ началѣ царствованія илосъ дѣйствительно состоялъ изъ 60 всадниковъ; но впослѣдствіи, при Александрѣ, илосы доходили до 250 коней. Если предположить, что изъ выставяемыхъ округами всадниковъ формировались и сариссофоры, нормальное число которыхъ Рюстовъ полагаетъ въ 800—1200 коней, то тактическая единица состояла среднимъ числомъ изъ 125 всадниковъ.

Числительность конницы во время Александра постепенно возрастала. Гелеспонтъ Александръ перешелъ съ 32 т. пѣхоты, 3600 всадниковъ тяжело вооруженныхъ и 900—1500 легкихъ, т. е., отъ 4500—5100 коней; весною, во время пребыванія Александра въ Гордіонѣ, прибыло къ нему 600 всадниковъ; въ Египетъ пришло 500 аракійцевъ; въ сраженіи при Гавгамелахъ на 40 т. пѣхоты было 7 т. всадниковъ. Въ 330 году силы Александра возрастаютъ до 53 т. пѣхоты и 9000 конницы, а въ 328 доходятъ до 90 т. пѣхоты и 15 т. кавалеріи ²⁾. Такое быстрое возрастаніе арміи происходило вслѣдствіе того, что Александръ сталъ ставить въ ряды македонянъ: персовъ, аракозянъ, согдіянъ, даковъ и другихъ покоренныхъ народовъ.

Но вмѣстѣ съ увеличеніемъ числительности войскъ увеличивается и тактическая единица, какъ въ кавалеріи, такъ равно и въ пѣхотѣ. Александръ, допуская персовъ въ армію, перемѣшивалъ ихъ въ радахъ съ македонянами, причемъ пер-

¹⁾ V. 33.

²⁾ Курцій насчитываетъ всю армію 125 т.

вые ряды составляли македоняне, а сзади стояли персы. Но въ легкой кавалеріи варварскіе союзники составляли отдѣльные отряды. Такъ, напримѣръ, даки въ сраженіи при Гидаспѣ, составляя особый отрядъ, находились въ войскахъ Кратера. Вслѣдствіе изложенныхъ причинъ илосъ въ конницѣ дошелъ до 250 коней, сдѣлался неповоротливымъ, и Александръ раздѣлилъ его на два лоха.

Въ началѣ конница гетеровъ вся состояла подъ общимъ начальствомъ Филотаса. Но послѣ смерти его предводительство ею было раздѣлено между Клитомъ и Эфестіономъ изъ опасенія, чтобы начальникъ гетеровъ не приобрѣлъ слишкомъ много власти. Послѣ же убійства Клита гетеры были раздѣлены на 5 частей: агема и 4 гиппархіи. Каждая гиппархія состояла изъ 500 всадниковъ, дѣлилась на 2 илоса; а каждый илосъ на 2 лоха, по 125 коней.

Хотя общимъ начальникомъ конницы гетеровъ (хиліархомъ) съ этихъ поръ считался Эфестіонъ, но этотъ титулъ принадлежалъ ему только номинально, какъ почетный санъ: ¹⁾ съ началомъ степныхъ походовъ вся армія раздѣляется на небольшіе отряды изъ пѣхоты и конницы, и Эфестіону ни разу не удалось быть во главѣ всѣхъ гетеровъ. Наконецъ съ этихъ поръ на первый планъ выступаютъ сариссофоры и легкая конница, гетеры употребляются рѣдко и большею частью оставляются гарнизономъ въ завоеванныхъ городахъ.

Арріанъ говоритъ, что Филиппъ Македонскій строилъ свою кавалерію угломъ, или клиномъ подобно еракійцамъ. Александръ напротивъ предпочиталъ прямоугольники въ 4 шеренги и никогда не строилъ ее болѣе какъ въ 8 шеренгъ.

О воспитаніи всадниковъ мы имѣемъ весьма мало свѣденій. Филиппъ ввелъ обычай, чтобы знатнѣйшіе люди страны присылали къ нему сыновей своихъ по достиженіи ими совершеннолѣтія. Юноши эти поступали въ царскіе пажы, подавали царю коня, принимая отъ конюха; сопровождали на охоту, прислуживали въ спальнѣ и, состоя при особѣ царя, участвовали во всѣхъ походахъ и битвахъ. Рядомъ этихъ постоянныхъ упражненій пажы дѣлались превосходными наѣздниками, и изъ нихъ по возмужаніи составлялся царскій илосъ — агема, служившій разсадникомъ кавалерійскихъ начальниковъ.

Какъ особенный примѣръ ловкости этихъ юношей можно привести случай съ Гермолаемъ. Гермолай, будучи пажемъ Александра, сопровождалъ его однажды на охотѣ за вепремъ. Александръ настойчиво преслѣдовалъ звѣря, но ловкій Гермолай лишилъ его чести побѣды: увлекшись пыломъ преслѣдованія, онъ обскакалъ Александра и убилъ вепря.

Во время перваго своего пребыванія въ Персидѣ, Александръ приказалъ выбрать 30 т. персидскихъ мальчиковъ, обучить ихъ греческому языку и мекедон-

¹⁾ Droysen, Geschichte der Nachfolger Alexanders des Grosser. Arrien. Anab. VII 1. 4. 10.

скому строю. Мальчики эти были представлены Александру по возвращеніи его изъ Индіи, маршировали въ его присутствіи, и онъ назвалъ ихъ своими эпиганами. Хотя, кажется мальчики эти были подготовлены въ пѣхоту, но рядомъ съ этимъ Арріанъ замѣчаетъ, что тутъ же Александръ сформировалъ пятую гишпархію конныхъ гетеровъ, допустивъ персовъ даже въ агему и вооруживъ ихъ по македонскому образцу, вмѣсто дротиковъ, копиями.

Отпуская изъ Персиды 10 т. самыхъ старѣйшихъ ветерановъ домой, Александръ оставилъ у себя ихъ сыновей прижитыхъ отъ персіянокъ. Онъ намѣревался дать имъ македонское воспитаніе и военное обученіе и уже послѣ отправить къ отцамъ.

Филиппу Македонскому при вступленіи на престолъ предстояли большія заботы объ образованіи конницы. Александръ получилъ отъ отца готовую конницу, которая въ началѣ пополнялась приводимыми изъ Европы готовыми всадниками. Послѣ завоеванія персидскаго царства, допустивъ въ ряды македонянъ персовъ, мидянъ, даковъ и проч., онъ смѣло могъ не заботиться о предварительной подготовкѣ всадниковъ, такъ какъ варвары, поступившіе въ ряды македонской конницы, были превосходные наѣздники. Оставалось позаботиться о подготовкѣ начальниковъ, а для этой цѣли существовали нажи и агема. Вслѣдствіе этого, какъ видно изъ приведеннаго выше, Александръ преимущественно расточаетъ свои заботы для подготовки людей въ пѣхоту.

Филиппъ II, вступивъ на престолъ, нашелъ кавалерію македонянъ въ весьма печальномъ видѣ. Это заставило его обратить вниманіе на Фессалію и Фракію. Сначала онъ приобрѣлъ себѣ союзную и наемную конницу въ этихъ странахъ, а потомъ онъ обѣ страны привелъ въ полную зависимость отъ Македоніи. Страны эти оказали большое вліяніе на конницу македонянъ. По примѣру фессалійцевъ Филиппъ устроилъ гетеровъ, изъ Фракіи онъ получалъ легкую конницу и лошадей. Коневодство фракійцевъ было извѣстно еще Гомеру. Они съ древневѣйшихъ временъ употребляли лошадей для различныхъ упражненій и игръ въ честь боговъ. Но Филиппъ не довольствовался этимъ. Цари гетовъ (племя фракійцевъ), по свидѣтельству Страбона ¹⁾, обращали особенное вниманіе на коневодство, и въ ихъ табунахъ насчитывали ежегодно сотни тысячъ жеребятъ.

Юстинъ ²⁾ рассказываетъ, что скиѣскіе князья владѣли громадными табунами прекрасныхъ лошадей, въ родѣ мидійскихъ. Потому то Филиппъ, отецъ Александра Македонскаго, предпринялъ походъ противъ скиѣовъ, разбилъ ихъ при

¹⁾ Lib. XVII.

²⁾ Justin. 9. 2. 6.

устыяхъ Истера и отнял 20 т. матокъ хорошей породы, которыя были отправлены въ Македонію для улучшенія породы тамошнихъ лошадей. Неизвѣстно, къ которому времени относится это предпріятіе Филиппа. Если Юстинъ рассказываетъ про походъ 340 г. до Р. Х., то Филиппъ на обратномъ пути подвергся нападенію трибалловъ, и вся добыча, захваченная у скивовъ, была отнята ¹⁾).

Во всякомъ случаѣ заботы Филиппа объ улучшеніи породы македонскихъ лошадей подтверждаются его любовью къ этому дѣлу. Филиппъ принималъ живѣйшее участіе въ конскихъ состязаніяхъ, и говорятъ ²⁾, что въ день взятія Потидеи онъ получилъ одновременно три радостныя извѣстія: извѣстіе о рожденіи сына Александра, о побѣдѣ его коня на олимпійскихъ играхъ и о другой побѣдѣ, одержанной его полководцемъ Парменіономъ надъ иллирійцами.

Коневодство македонское сосредоточено было по преимуществу въ городѣ Пеллѣ, мѣстѣ рожденія Филиппа и Александра. Страбонъ говоритъ, что въ Пеллѣ было болѣе 30 т. кобылъ и 300 племенныхъ жеребцовъ.

Вступивъ въ Малую Азію, Александръ, по всей вѣроятности, ремонтировалъ конницу азіатскими лошадьми, тѣмъ болѣе, что еще Агезилай, во время пребыванія въ этой странѣ, имѣлъ возможность улучшить конскій составъ своей кавалеріи. Но объ этомъ нѣтъ положительныхъ данныхъ. Между тѣмъ положительно извѣстно, что послѣ сраженія при Гавгамелахъ конница гетеровъ была посажена на азіатскихъ лошадей.

Главные разсадники лошадей Персіи были въ Арменіи и Мидіи. „Мидія“, говоритъ Полибій ³⁾, „отличается преимуществами своихъ людей и лошадей; послѣдними она опередила всю Азію, поэтому и царскіе конные заводы переведены туда“. „Мидія и Арменія“, говоритъ Страбонъ, чрезвычайно богаты лошадьми. Тамъ есть страна луговъ Гишботонъ, черезъ которую проходятъ путешественники, отправляющіеся изъ Вавилона и Персиды къ Каспійскимъ воротамъ“. Во времена персовъ на ней паслось до 50 т. матокъ, принадлежавшихъ царю. Геродотъ говоритъ о породѣ низейскихъ лошадей Мидіи. По свидѣтельству новѣйшихъ ⁴⁾ открытій, Низея была страна пограничная нынѣшнему Туркестану, черезъ который производились постоянныя вторженія кочующихъ племенъ. Здѣсь въ равнинахъ до Танаиса или Яксарта ⁵⁾ странствовали кочующія племена на легкихъ и быстрыхъ коняхъ, достигавшія даже до европейскаго Танаиса, Борисеена и Истера ⁶⁾ по сѣверную сторону Каспійскаго и Чернаго морей. Это

¹⁾ Шлоссеръ въ русскомъ переводѣ т. II, стр. 135.

²⁾ Шлоссеръ т. II, стр. 105.

³⁾ Шлоссеръ т. I.

⁴⁾ Nehn. Culturpflanzen und Hausthiere.

⁵⁾ Сыръ Дарья.

⁶⁾ Донъ, Днѣпръ и Дунай.

были паряне, массагеты, даки, хоразмійцы, сарматы, скионы и др., извѣстные въ Персіи подъ общимъ названіемъ саковъ. Эти народы жили неразлучно съ своими конями. Ихъ стрѣльба изъ луковъ, быстрота, съ которою они пробѣгали громадныя пространства неоднократно описывались древними писателями съ большею или меньшею подробностью ¹⁾. Лучшею конницею въ персидскомъ войскѣ была савская. Нѣкоторыя племена служили и въ войскахъ Александра, какъ уже было замѣчено.

Арріанъ повѣствуетъ, что Александръ посѣтилъ низейское поле, на которомъ паслись кобылицы царскихъ заводовъ. Ихъ было нѣкогда, по словамъ Геродота, до ста пятидесяти тысячъ. Александръ нашель уже третью часть, а прочія были расхищены ²⁾.

Гуго ³⁾, ссылаясь на 8 книгу Арріана говоритъ, что узда, употреблявшаяся въ арміи Александра Великаго во время похода въ Индію, состояла изъ намордника невидѣланной кожи, внутренняя сторона котораго снабжена была металлическими иглами (жалами). Вѣроятно подобный намордникъ употреблялся независимо отъ удила; прочее снаряженіе ничѣмъ не отличалось отъ греческаго и состояло изъ попоны, прикрѣпляемой къ лошади трокомъ и подперсьемъ. Попоны были шерстяныя, а богатые и начальники имѣли звѣриныя шкуры. У Александра Македонскаго была тигровая шкура.

Въ походахъ Александра можно различить два періода: первый, до побѣды при Гавгамелахъ, имѣетъ характеръ эллинской тактики; второй, послѣ этого сраженія, состоитъ въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ отрядовъ, составленныхъ по преимуществу изъ легкихъ войскъ. Мы имѣли случай замѣтить, что Эпаминондъ усовершенствовалъ бой пѣхоты, прекрасно воспользовался конницею, которая была въ его распоряженіи; но мало сдѣлалъ для взаимодѣйствія обоихъ родовъ оружія. Конница при Эпаминондѣ составляетъ подобный родъ оружія. Она не прокладываетъ слѣдующей за нею пѣхотѣ пути къ побѣдѣ, но только обезпечиваетъ, стережетъ его. При Александрѣ конница выступаетъ на первый планъ: легкая пѣхота поддерживаетъ и способствуетъ ея атакамъ, а тяжелая пѣхота составляетъ какъ бы резервъ легкихъ войскъ и вводится въ бой тогда, когда уже противникъ потрясенъ ими, чтобы довершить ударъ; или служить наконецъ на случай неблагопріятнаго исхода дѣла. Замѣчательно при этомъ, что у Александра взаимодѣйствіе пѣхоты и кавалеріи доведено до возможной степени. Чтобы сломить противника на какомъ нибудь пунктѣ, Александръ никогда не употребляетъ одинъ родъ оружія не только въ большихъ сраженіяхъ, но даже въ мелкихъ летучихъ набѣ-

¹⁾ Justin 41. 3.

²⁾ Арріанъ, кн. VII, стр. 533, въ русскомъ переводѣ.

³⁾ Hugone. De militia equestri antiqua et nova.

гахъ, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ, какъ напр. осады укрѣпленныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ Александръ ввелъ въ греческую тактику то, чего ей не доставало при Эпаминондѣ.

Чтобы убѣдиться во всемъ этомъ, разберемъ наиболее замѣчательныя сраженія, данныя Александромъ, выведемъ заключеніе объ употребленіи кавалеріи въ бою, и затѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію ея дѣйствій на театрѣ войны.

Сраженіе при Граникѣ.

Позиція при Граникѣ, занятая персидской арміей, была съ фронта прикрыта упомянутою рѣкою, удобопроходимую въ бродѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но по крутости береговъ представлявшею для переправы значительныя затрудненія. Впрочемъ изъ повѣствованія Арріана ¹⁾, что нѣкоторые персидскіе всадники сходили къ самой водѣ и схватывались съ македонянами, можно заключить, что къ рѣкѣ было достаточно удобовосходимыхъ спусковъ. Правый берегъ двумя уступами спускался къ рѣкѣ, лѣвый берегъ былъ открытъ.

Персидская армія въ числѣ 40 т., подъ начальствомъ Мемнона, расположена была въ 2 линіи: первая, состоявшая изъ всей конницы, числомъ въ 20 т., касалась своимъ растянутымъ фронтомъ берега рѣки ²⁾; вторая изъ 20 т. наемной пѣхоты была расположена на верхнемъ уступѣ.

Македонская армія приближалась къ Гранику въ четырехъ колоннахъ: въ первой шли гетеры и пеонійская легкая конница, во 2-й пѣшіе стрѣлки, гипасписты и нѣсколько такъ гоплитовъ; въ 3-й остальные гоплиты, и въ 4-й ессалійская, союзная и одризская легкая конница.

Авангардъ изъ 500 человекъ легкой пѣхоты и сариссофоръ былъ высланъ впередъ подъ начальствомъ Эгелюха. Въ тылу арміи шелъ обозъ подъ прикрытіемъ еракійской пѣхоты.

Когда получены были свѣденія отъ авангарда, что персидская армія занимаетъ сильную позицію за р. Граникомъ, Александръ рѣшилъ выстроить боевой порядокъ и немедленно форсировать переправу. Парменіонъ, полководецъ опытный, совѣтовалъ отложить это дѣйствіе до слѣдующаго дня, полагая, что непріятель, слабѣйшій въ пѣхотѣ, непременно отступитъ въ теченіи ночи. Но Александръ былъ другаго мнѣнія, и для достиженія цѣли избралъ средство, которое хотя представляло большія трудности, но взаимъ того могло произвести необыкновенное вліяніе на духъ обѣихъ сторонъ и дать македонской арміи нравственный перевѣсъ во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ.

¹⁾ Арріанъ, кн. I, стр. 402 въ русскомъ переводѣ.

²⁾ Арріанъ, кн. I, стр. 402.

Войско македонянь выстроилось въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ праваго фланга: агриане и пѣшіе стрѣлки, конные гетеры, сариссофоры, пеонійцы, гипасписты, 8 таксъ тяжелой пѣхоты, одризскіе всадники, греческая союзная конница и ессалийцы. Всего въ строю у македонянь было около 24 т. тяжелой пѣхоты, 3000 гипаспистовъ и отъ 4500 до 5000 всадниковъ.

Самъ Александръ принялъ начальство надъ правымъ флангомъ, а лѣвый ввѣрилъ Парменіону.

Дѣйствія начались тѣмъ, что Александръ приказалъ Аминту съ сариссофорами, пеонійцами, однимъ илосомъ гетеровъ (Сократа) и небольшою частью гипаспистовъ двинуться въ бродъ черезъ Граникъ и напасть на лѣвый флангъ персидской конницы. Это было сдѣлано, какъ кажется, съ цѣлью привлечь все вниманіе персовъ къ этому флангу. И дѣйствительно: персы стараются помѣшать наступленію Аминта метательнымъ оружіемъ и постепенно усиливаютъ лѣвый флангъ.

Тогда Александръ во главѣ гетеровъ, имѣя по правую сторону легкую пѣхоту агрианъ, по лѣвую отрядъ гипаспистовъ, двигается впередъ; на походѣ принимаетъ влѣво, чтобы заполнить образовавшійся промежутокъ отдѣленіемъ отряда Аминта, и приказываетъ фалангѣ двинуться за нимъ уступами съ праваго фланга.

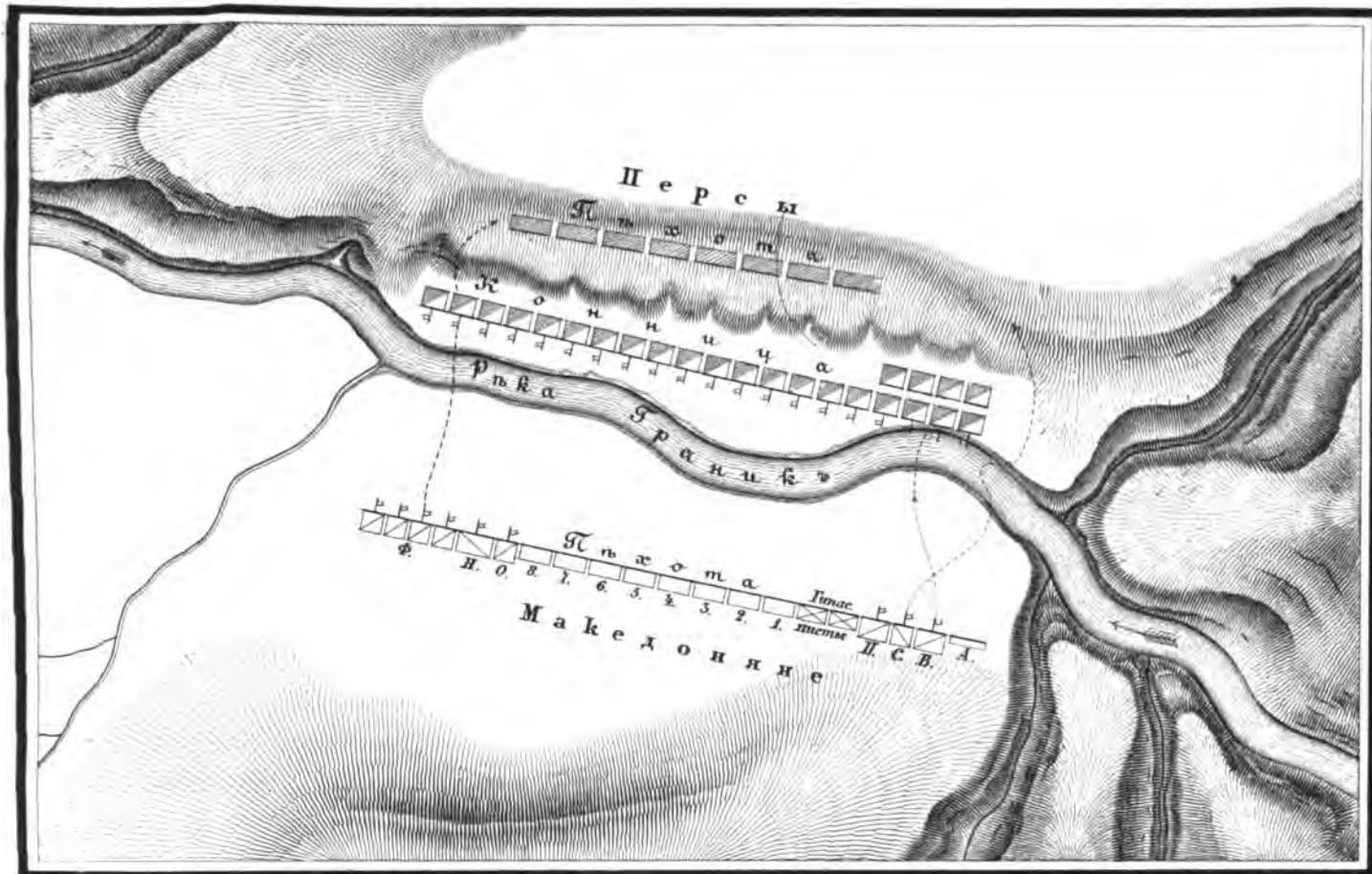
Между тѣмъ Аминтъ вступилъ въ ожесточенный бой съ персами. Персы, имѣя за собою значительное превосходство силъ, выгоду мѣстоположенія и ободряемые присутствіемъ самого главнокомандующаго Мемнона, опрокинули Аминта, и остатки отряда его обратились въ бѣгство. Александръ, присоединивъ къ себѣ остатки отряда Аминта, останавливаетъ преслѣдованіе спустившихся въ рѣку персовъ и нападаетъ, какъ говоритъ Арріанъ, на самую густоту персидской конницы.

Неудободоступность мѣстности не позволила македонской конницѣ произвести ударъ, и бой ея съ персами имѣлъ совершенный видъ пѣхотнаго боя. Плутархъ говоритъ, что въ этомъ бою приняли участіе 13 илосовъ. Если считать по Плутарху 8 илосовъ гетеровъ, можно думать, что къ Александру изъ отряда Аминта присоединилось 4 илоса сариссофоръ и 1 или 2 илоса пеонійцевъ (такъ какъ нѣкоторые насчитываютъ только 7 илосовъ гетеровъ).

Легкая пѣхота, вступивъ въ промежутки илосовъ, наноситъ сильный вредъ конницѣ персовъ и приводитъ ее въ замѣшательство. Центръ ея подается назадъ, конница македонянь врѣзывается въ образовавшійся промежутокъ и обращаетъ персидскую кавалерію, неподдержанную своею пѣхотою, въ бѣгство.

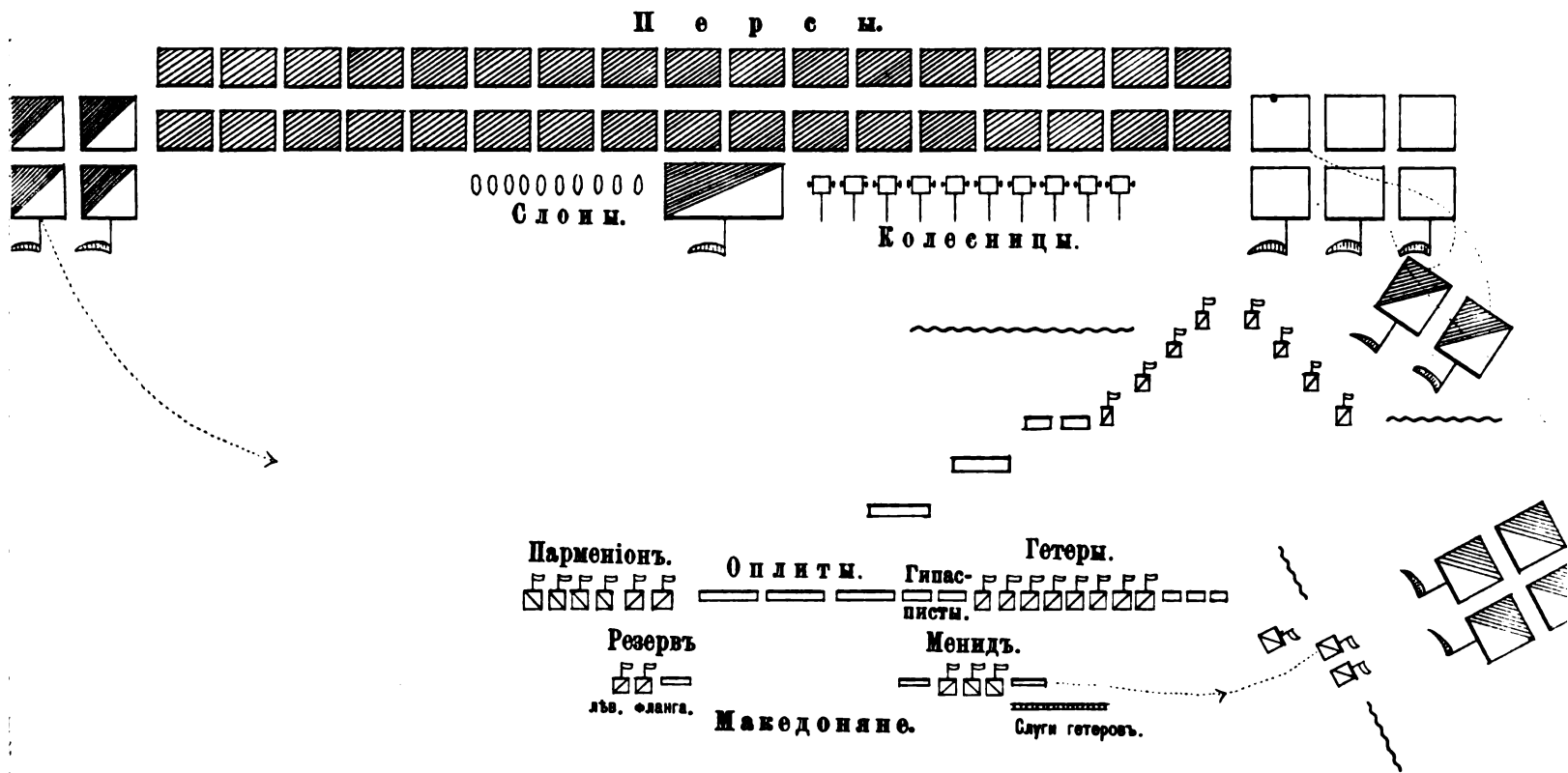
Во время этого боя тяжелая пѣхота и конница Парменіона переправились безъ особенныхъ затрудненій, или встрѣтивъ самое незначительное сопротивленіе, такъ какъ главное вниманіе персовъ сосредоточено было на лѣвомъ флангѣ. По всей вѣроятности, Парменіонъ, переправившись на правый берегъ, атаковалъ съ ессалийцами правый флангъ персидской конницы и облегчилъ дѣйствія Александру. Арріанъ говоритъ слѣдующее: „персы и ихъ лошади, поражаемые спереди

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ГРАНИКЪ

- Македоняне**
А. Армія	П. Леонійцы	О. Одрискіе осадники
В. Гетеры	Г-В. Тяжелой пѣхоты	Н. Стѣнные осадники
С. Сарисофоры		Ф. Вессалійцы

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ГАВГАМЕЛЛЪ.

**Лагерь
Македонянкъ.**

копьями, и со всѣхъ сторонъ кавалерію, безпокойные стрѣлками, вѣшавшимися въ ряды ихъ, начали отступать. Оставалось Александру порѣшить съ наемною греческою пѣхотою, которая во время боя конницы оставалась въ полномъ бездѣйствіи. Для этой цѣли Александръ остановилъ преслѣдованіе персидской конницы, выстроилъ тяжелую пѣхоту, перешедшую на правый берегъ въ одну линію, и одновременнымъ ударомъ пѣхоты съ фронта и конницы съ фланговъ опрокинулъ наемниковъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, они были частью изрублены, частью захвачены въ плѣнъ.

Персидская конница по Арріану оставила на мѣстѣ 1000, по Діодору 2000 всадниковъ, наемная пѣхота до 10 т. убитыми и 2 т. плѣнными; остальные разбѣжались.

Потери Александра, по показанію Арріана, были ничтожны, именно: 25 гетеровъ, 60 человекъ легкой конницы и 30 пѣхотинцевъ. Трудно повѣрить подобнымъ показаніямъ, если припомнить затрудненія, встрѣченныя Аминтомъ: главною причиною неудачи персовъ, конечно, было нравственное впечатлѣніе, которое произвела необычайная смѣлость Александра.

Отсутствіе энергіи въ персидскихъ войскахъ отчасти можетъ быть объяснено и тѣмъ, что Мемнонь, предводитель персовъ, былъ противъ того, чтобы вступить въ бой съ Александромъ. Онъ предлагалъ отступать въ глубь страны, обращая ее въ пустыню и лишая македонянъ средствъ къ содержанію арміи; а наступательныя дѣйствія предоставить сильному персидскому флоту. Но военный совѣтъ и Дарій Кодоманъ принудили его вступить въ бой.

Независимо отъ этого и самое расположеніе войскъ для обороны позиціи со стороны персовъ было неудачно. Если персы рѣшились защищать переходъ черезъ рѣку, имѣя въ боевой линіи конницу, то ее слѣдовало поставить такимъ образомъ, чтобы она могла производить атаку въ то время, когда македоняне взберутся на берегъ и не успѣютъ устроиться. Персы же, уперевъ фронтъ ¹⁾ въ берегъ, рассчитывали главнымъ образомъ на дѣйствіе метательнымъ оружіемъ. Слѣдовательно, конница, если припомнить свойства ея, пренебрегла въ описываемомъ случаѣ однимъ изъ главныхъ средствъ своихъ для пораженія противника, именно, ударомъ—напоромъ коней. Если мѣстность не способствовала подобному употребленію конницы, то ужъ лучше было непосредственную оборону рѣки предоставить пѣхотѣ. Кромѣ этого, пѣхота и конница персовъ не оказали во все время боя никакого взаимнаго содѣйствія. Въ то время, когда конница сражалась, пѣхота оставалась въ полномъ бездѣйствіи, а впоследствии, будучи сама лишена содѣйствія конницы, принуждена была вступить въ неровный бой съ совокупными силами македонянъ.

¹⁾ Арріанъ кн. I, стр. 402.

Александръ Македонскій искусными распоряженіями привлекъ главныя усилія персовъ на лѣвый флангъ. Мѣстность также не позволяла произвести кавалерійскую атаку и потому, рассчитывая на нравственное превосходство своихъ войскъ, онъ долженъ былъ заботиться, чтобы голова атакующей части выдержала дѣйствія метательнаго оружія конницы. Съ этою цѣлью онъ и двинулъ впереди всѣхъ отборную часть войска, именно, гетеровъ. Когда дѣло дошло до рукопашнаго боя, то главный перевѣсъ македонянамъ дало содѣйствіе легкой пѣхоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прибытіе Парменіона.

Опрокинувъ непріятельскую конницу, Александръ имѣлъ уже значительное превосходство въ силахъ и противъ одного два оружія, которыя могли быть употреблены сообразно своимъ свойствамъ, а потому успѣхъ уже былъ несомнѣненъ.

Сраженіе при Гавгамелахъ. ¹⁾

Миляхъ въ десяти къ югу отъ Ниневіи въ Тигръ впадаетъ рѣка Ликъ съ притокомъ Бумадъ. На Бумадѣ въ 10 верстахъ отъ его устья и въ 30 отъ Ниневіи лежало селеніе Гавгамелы. Отроги Армянскихъ горъ въ этомъ мѣстѣ приближаются довольно близко къ Тигру, и вслѣдствіе этого между Ниневіею и Гавгамелами образуется обширная равнина, кое гдѣ только покрытая небольшими холмами.

На этой равнинѣ Дарій расположилъ свое войско фронтомъ къ сѣверозападу.

Александръ перешелъ черезъ Тигръ въ 15-ти миляхъ выше Ниневіи, и, давъ войскамъ своимъ отдыхъ, продолжалъ наступленіе къ Гавгамеламъ. На четвертый день движенія показались персидскіе всадники. Македонскій авангардъ завязалъ съ ними небольшую стычку и захватилъ плѣнныхъ, отъ которыхъ Александръ узналъ о силахъ, расположеніи и составѣ войскъ Дарія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о мѣрахъ, принятыхъ Даріемъ для обезпеченія побѣды.

На одной изъ возвышенностей, окаймляющихъ гавгамельскую долину съ сѣвера въ 1½ мили отъ лагеря Дарія, Александръ разбилъ свой станъ и приказалъ обнести его ровомъ и валомъ. На это понадобилось 4 дня. На 5-й день между 10 и 11 часами вечера онъ выстроилъ свои войска и двинулъ ихъ къ Гавгамеламъ. Но Дарій былъ объ этомъ извѣщенъ и приготовился къ бою. Александръ въ свою очередь узналъ, что персы вырыли много скрытыхъ волчьихъ ямъ и устроили засады. Вслѣдствіе этого рѣшено было произвести рекогносцировку. Самъ Александръ съ гетереми и небольшимъ числомъ легкой пѣхоты отправился осматривать поле.

Боевой порядокъ персовъ, по свидѣтельству Аристовула, извѣстенъ изъ диспозиціи Дарія, найденной послѣ битвы на мѣстѣ лагеря персовъ: въ центрѣ сто-

¹⁾ Рюстовъ и Кехли § 10, стр. 282; Арріанъ Анаб. III. 9—15; Діод. XVII, 56—61; Плут. Алекс. 32, 33; Курцій IV. 12—16; Юстинъ XI. 13, 14; Полиенъ IV. 3, 14.

копейки М. Маркова.

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКИЙ СЪ ГЕТЕРАМИ.

Источники: Rüstof und Köchly, Weltgeschichte. Welt in Waffen, кн. Голицынъ, Hottenroth и др.

яль самъ Дарій, окруженный своимъ дворомъ и греческими наемниками, тутъ же находились персидская и индійская конница, карійцы и мардскіе лучники, далѣе направо и налѣво пѣхота въ нѣсколько линій густыми и самыми пестрыми толпами: сатакеныяне, эритрейцы, вавилоняне, уксіяне и другіе.

Передъ центромъ стояло 15 слоновъ и около 50 колесницъ съ косами; на правомъ флангѣ армянская и кашпадокская конница и 50 колесницъ; а на лѣвомъ бактрійскіе и скиѣскіе всадники (конные стрѣлки въ бронѣ) и 100 колесницъ.

Аррианъ насчитываетъ армію персовъ до 1000000 человекъ пѣхоты и 40 т. конницы. Фронтъ этой арміи занималъ около 10 верстъ. Что касается до подробностей построений конницы и пѣхоты, извѣстно только то, что оба рода оружія были построены въ глубокія массы до 30 шеренгъ и болѣе.

Сверхъ этого Дарій приказалъ выровнить мѣстность передъ арміей, чтобы дать полную возможность для дѣйствія колесницъ.

Александръ построилъ свою армію въ двѣ линіи: въ первой линіи на крайнемъ правомъ флангѣ стояли агріане и стрѣлки, дальше пѣшіе копейщики—всего не больше 1500 человекъ; къ нимъ примыкали 8 илосовъ гетеровъ—около 1800 коней, далѣе гипасписты—1500 человекъ; за тѣмъ гоплиты 24000 человекъ, а рядомъ съ ними союзная конница—600 и ѳессалійцы—1800 коней.

Лѣвымъ флангомъ командовалъ Парменіонъ. Его конвой составлялъ фарсалийскій, лучшій и сильнѣйшій илосъ изъ всей ѳессалійской конницы.

Первая линія Александра должна была идти въ атаку, не обращая вниманія ни на какія демонстраціи Дарія. Но это было возможно только въ томъ случаѣ, когда тылъ и фланги были обезпечены: съ этою цѣлью была составлена вторая линія. Она была раздѣлена на резервъ праваго и резервъ лѣваго фланговъ. Резервъ праваго фланга, бывшій въ распоряженіи самого Александра, составляли конные наемники Менида, пеонійцы, сариссофоры и агрійскіе пѣшіе стрѣлки—всего 5000 человекъ пѣхоты и 1300—1500 всадниковъ. Резервъ лѣваго фланга, Парменіона, состоялъ изъ еракійской легкой пѣхоты—1500 человекъ и легкихъ еракійскихъ и союзныхъ всадниковъ 1300—1500 коней. Кромѣ того, часть еракійской пѣхоты прикрывала обозъ.

И такъ, слѣдовательно, у Александра всего было:

	въ 1-й линіи.	во 2-й линіи.
Линейной пѣхоты и копейщиковъ	29000	9000
Стрѣлковъ	1500	1000
Тяжеловооруженной кавалеріи	4200	300
Легкой кавалеріи		2500
Всего 40500 пѣхоты и 7000 всадниковъ.		

Переступая высоты, за которыми находился лагерь Александра, правый флангъ македонянъ очутился какъ разъ противъ середины персидской арміи. Боясь быть охваченнымъ съ обоихъ фланговъ громаднымъ войскомъ Дарія, Александръ дви-

нуль свою армию въ полъ-оборота направо и затѣмъ уступами съ праваго фланга впередъ. Увидѣвъ это движеніе, ясно выразившее стремленіе бросить всю македонскую армию на лѣвый флангъ персовъ, Дарій приказалъ податься своему лѣвому флангу влѣво; а вслѣдъ затѣмъ, опасаясь, чтобы македоняне не миновали мѣста, приготовленнаго для атаки персидскихъ колесницъ, онъ посылаетъ скиѣскихъ и бактріянскихъ всадниковъ въ обхватъ праваго фланга македонянь, чтобы этой атакой замедлить ихъ наступленіе. Конница эта двинулась на рысяхъ. Александръ, продолжая, согласно первоначально задуманному плану, двигаться безостановочно впередъ, выслалъ на встрѣчу скиѣамъ и бактріянамъ конныхъ наемниковъ Менида изъ второй линіи. Скиѣны опрокинули Менида, но на помощь подоспѣли пеонійцы, подъ прикрытіемъ которыхъ Менидъ успѣлъ вновь устроить свою конницу и ввести ее въ бой. Дарій высылаетъ на помощь своимъ всадникамъ бактріянскую конницу изъ боевой линіи. Конница эта, соединившись съ скиѣами, огромною массою двинулась противъ пеонійцевъ и Менида, которые хотя, вслѣдствіе несоразмѣрнаго превосходства въ силахъ противниковъ, несутъ большія потери, но, вводя изъ строя уступами части свои послѣдовательно въ бой, удерживаютъ персидскую конницу и не позволяютъ ей броситься въ тылъ первой линіи македонянь.

Во время этого боя Александръ безостановочно двигался впередъ, и Дарій рѣшился ввести въ дѣло колесницы. Но Александръ приказываетъ агріанамъ и пѣшимъ копейщикамъ разсыпаться впереди праваго фланга и дѣйствіемъ стрѣлъ и копій остановить ихъ атаку. И, дѣйствительно, большая часть лошадей и возницъ были переранены и, хотя нѣкоторыя колесницы достигли фронта македонянь, но гипасписты и гоплиты разомкнули ряды, пропустили колесницы, и почти все онѣ попались въ руки слугъ гетеровъ за фронтомъ македонской арміи.

Пропустивъ колесницы, Александръ снова двинулся впередъ. Тогда Дарій приказалъ всей оставшейся въ линіи лѣваго фланга конницѣ (арахозяне) повернуть влѣво и вторично обогнуть правый флангъ македонянь. У Александра въ резервѣ за правымъ флангомъ оставалась только пѣхота и потому онъ рѣшился воспользоваться образовавшимся промежуткомъ между персидскою пѣхотой и конницей и произвести двойную атаку. Выстроивъ гетеровъ уступами изъ середины, Александръ четырьмя правофланговыми илосами ударилъ во флангъ арахозянь, а лѣвыми во флангъ пѣхоты. Конница арахозянь, кромѣ того, съ фронта была встрѣчена пѣхотою резерва и агрійцами, а пѣхота персидская одновременно съ фланговою атакою гетеровъ была съ фронта атакована гипаспистами при поддержкѣ правофланговыхъ таксъ гоплитовъ. Эти одновременные удары пѣхоты и конницы македонянь разомъ сломили лѣвый флангъ персовъ, и онъ обратился въ бѣгство.

Въ это время Александръ получаетъ извѣстіе о затруднительномъ положеніи Парменіона. Оставивъ пѣхоту для преслѣдованія разбитаго фланга персовъ, Александръ съ гетерами понесся на помощь Парменіону.

Въ то самое время, когда Александръ ударилъ на лѣвый флангъ Дарія, въ центрѣ македонской арміи образовался промежутокъ, вѣроятно, по той причинѣ, что Александръ вслѣдствіе атакъ конницы лѣваго фланга персовъ въ тылъ ускорилъ свое наступленіе. Гипасписты и первыя таксы фаланги не отставали, видя въ чемъ дѣло; но послѣднія таксы отстали. Въ образовавшійся промежутокъ устремились толпы конницы изъ центра персидской арміи (персы, индійцы, пареяне), проскочили между таксами и бросились грабить обозъ македонянъ.

Резервъ лѣваго фланга долженъ былъ поспѣшить на помощь къ обозу. Конница персовъ частью была изрублена во время грабежа, частью успѣла ускакать, освободивъ персидскихъ плѣнниковъ, находившихся при македонскомъ обозѣ.

Вслѣдъ за прорывомъ центра македонянъ, когда резервъ лѣваго фланга долженъ былъ выручать обозъ, Парменіонъ остался безъ всякой поддержки. Противъ ѳессалійцевъ выѣхали армянская и кашпадокская конницы праваго фланга персовъ. Конница эта, вѣроятно, давно уже получила приказаніе атаковать македонянъ, но опоздала по причинѣ большаго удаленія праваго фланга персовъ отъ македонской арміи.

Всѣ эти обстоятельства поставили Парменіона въ весьма затруднительное положеніе, и онъ послалъ дать знать Александру, что лѣвый флангъ находится въ крайней опасности. Александръ получилъ это извѣстіе, когда лѣвый флангъ персовъ былъ окончательно разбитъ, и началось преслѣдованіе. Оставивъ для этой цѣли пѣхоту, Александръ, какъ уже замѣчено, съ гетерами бросился на помощь Парменіону. На пути ему встрѣтились густыя толпы персидскихъ всадниковъ, частью отступавшія, частью спѣшившія на помощь съ праваго фланга къ лѣвому. Происходитъ жаркій бой, но гетеры опрокидываютъ эти безпорядочныя толпы, и Александръ продолжаетъ свое движеніе.

Между тѣмъ Парменіонъ успѣлъ отбить атаки армянъ и кашпадокской конницы. Какъ дѣло происходило, источники умалчиваютъ. Вѣроятно, или сами ѳессалійцы стремительною атакою опрокинули непріятеля, или на помощь подошли еракійцы и союзная греческая конница; но во всякомъ случаѣ, когда Александръ прискакалъ, Парменіонъ былъ внѣ всякой опасности. Пѣхота лѣваго фланга македонянъ перешла въ наступленіе, и Парменіонъ съ конницей двинулся впередъ.

Дарій не выждалъ столкновенія своей пѣхоты съ македонянами. Получивъ извѣстіе о пораженіи лѣваго фланга своего и видя наступленіе македонской пѣхоты съ фронта, онъ бѣжалъ съ поля сраженія. Это имѣло громадное нравственное вліяніе на персидскую армію: цѣлыя толпы стали выдѣляться изъ строя, и вскорѣ всей арміей овладѣлъ паническій страхъ; только наемные греки держались долѣе другихъ; но, охваченные со всѣхъ сторонъ, они почти всѣ были истреблены.

Предоставивъ Парменіону грабить лагерь персовъ, Александръ съ конницею немедленно началъ преслѣдованіе бѣгущихъ по направленію къ Арбелламъ. Къ вечеру онъ достигъ р. Ликъ, далъ отдыхъ своимъ всадникамъ, и послѣ полуночи снова двинулся впередъ, надѣясь настигнуть Даріа. Черезъ день послѣ сраженія Александръ достигъ города Арбель, отстоящаго отъ гавгамельскаго поля на 15 миль, захватилъ огромныя суммы денегъ, обозъ, оружіе; но Даріа не настигъ. Преслѣдованіе это стоило Александру значительныхъ потерь: изъ 1000 коней, которыхъ Александръ лишился въ эти два дня, 500 пало во время преслѣдованія.

Въ лагерь при Гавгамелахъ Парменіонъ захватилъ всѣхъ слоновъ, верблюдовъ и колесницы персовъ. Арріанъ говоритъ, что персы потеряли убитыми до 300000 человекъ, а македоняне не болѣе 1200.

Въ сраженіи при Гавгамелахъ, хотя персы имѣли громадную армію, но составъ ея былъ несравненно хуже, чѣмъ въ сраженіи въ Граникѣ. Беспорядочныя, разнородныя, недисциплинованныя полчища, сражавшіяся не вслѣдствіе національнаго чувства и совершенно необразованныя въ тактическомъ отношеніи, онѣ были построены въ глубокія массы, и потому крайне не подвижныя. Конница, построенная въ глубокія колонны, не могла воспользоваться численнымъ своимъ превосходствомъ.

Мы видѣли, что на правомъ флангѣ македонянъ незначительное количество легкой конницы, при содѣйствіи легкой пѣхоты, сдерживаетъ цѣлыя толпы скивовъ и бактріянъ; четыре илоса гетеровъ при содѣйствіи сариссофоровъ опрокидываютъ прочую конницу лѣваго фланга персовъ, между тѣмъ какъ на этомъ флангѣ находилось у нихъ не менѣе 10 т. всадниковъ.

Скивы и бактріяне были природные кавалеристы, но они были дурно управляемы и не могли выдерживать удара македонской конницы, а тѣмъ болѣе поддержанной легкою пѣхотой.

Неуспѣхъ конницы центра персовъ прямо объясняется отсутствіемъ дисциплины. Прорвавъ центръ македонской арміи, вмѣсто того, чтобы атаковать рѣшительно войска лѣваго фланга, они занялись грабежемъ обоза и были разсыяны резервомъ лѣваго фланга. Конница праваго фланга нѣсколько опоздала своею атакою. Если бы эта атака была произведена одновременно съ конницею центра, успѣхъ ея былъ бы болѣе вѣроятенъ.

И такъ въ дѣйствіяхъ персовъ видно отсутствіе единства, дисциплины и хорошихъ начальниковъ. Самъ Дарій былъ плохой военный человекъ: какъ въ сраженіи при Гавгамелахъ, такъ и въ предшествовавшемъ ему сраженіи при Иссе Дарій послѣ первой неудачи бѣжалъ, а войско персовъ, лишенное главнокомандующаго, мгновенно проникалось паническимъ страхомъ, и тогда, конечно, успѣхъ македонянъ былъ несомнѣненъ.

Въ дѣйствіяхъ Александра прежде всего бросается въ глаза построеніе арміи въ двѣ линіи, т. е., отдѣленіе части войскъ въ резервъ. Къ этому построенію Александръ прибѣгнулъ впервые, и оно вполне оправдало его распоряженія. Во вторыхъ, видно, что Александръ вполне умѣлъ оцѣнить своихъ противниковъ: при движеніи противъ лѣваго фланга онъ увѣренъ, что беспорядочныя толпы скивовъ и бактрійцевъ, захватившія ему въ тылъ, будутъ задержаны резервомъ, и безостановочно продолжаетъ наступленіе, рассчитывая, что ударъ въ лѣвый флангъ персовъ парализуетъ разомъ всѣ частныя успѣхи ихъ. И, дѣйствительно, тотчасъ по полученіи извѣстія о пораженіи лѣваго фланга, Дарій бѣжалъ и оставилъ армію на произволь судьбы.

Сборъ гетеровъ послѣ атаки лѣваго фланга персовъ для поданія помощи Парменіону показываетъ, что Александръ вполне умѣлъ управлять своей конницей; а преслѣдованіе, произведенное на протяженіи 90 верстъ въ сутки, можетъ служить свидѣтельствомъ, къ какому громадному усилію была эта конница приучена. Успѣхъ конницы Парменіона на лѣвомъ флангѣ объясняется несравненнымъ тактическимъ превосходствомъ ессалійцевъ надъ конницею армянъ и каппадокскихъ всадниковъ.

Мы не разбирали сраженія при Иссъ (Пинарѣ), предшествовавшее сраженію при Гавгамелахъ, такъ какъ оно имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, какъ и описанныя двѣ битвы, данныя Александромъ.

Во всѣхъ большихъ сраженіяхъ первыхъ четырехъ походовъ Александра боевой порядокъ почти одинъ и тотъ же: на крайнемъ правомъ флангѣ стоитъ легкая пѣхота, лѣвѣе гетеры, далѣе гипасписты, фаланги гоплитовъ, союзная конница и ессалійцы. Легкая конница опредѣленнаго мѣста не имѣетъ и назначается для демонстрацій или для прикрытія фланговъ тяжелооруженной конницы.

Дѣло начинала обыкновенно легкая пѣхота крайняго праваго фланга, рассыпаясь впереди линіи и поражая непріятеля издали.

Наступленіе производилось въ косвенномъ порядкѣ, уступами, подобно тому, какъ дѣлалъ Эпаминондъ; но замѣчательно, что у Эпаминонда наступательный флангъ лѣвый, а у Александра правый. У Эпаминонда главный ударъ наноситъ большая колонна тяжелой пѣхоты, у Александра гетеры. Когда конница гетеровъ, составляющая головные уступы, имѣя по флангамъ своимъ легкую пѣхоту, приближается къ лѣвому флангу непріятеля, послѣдній находитъ возможнымъ произвести наступленіе, сосредоточиваетъ къ этому флангу значительное количество силъ, или растягивается, чтобы обхватить флангъ македонянъ. Этотъ моментъ ловитъ Александръ и, предоставивъ легкой конницѣ и стрѣлкамъ занимать и сдерживать обшешія непріятельскія войска, производитъ съ гетерами стремительную атаку и опрокидываетъ непріятеля. Первый успѣхъ конницы сейчасъ же поддерживается

легкою пѣхотою, а тяжелая пѣхота вступаетъ въ бой, когда уже лѣвый флангъ опрокинутъ.

Многіе изъ позднѣйшихъ писателей стараются дать фалангѣ гоплитовъ въ бояхъ Александра особенно рѣшительное значеніе. Но это тщетный трудъ уже потому, что всѣ сраженія Александра имѣютъ видъ рѣшительнаго наступленія, а фаланга для этой цѣли неспособна. Если вникнуть глубже въ тактику Александра, можно замѣтить, что фаланга служитъ только для оборонительныхъ цѣлей: она удлиняетъ боевой порядокъ, прикрываетъ флангъ, угрожаетъ; но бой ея до тѣхъ поръ, пока непріятель не потрясенъ, пока онъ можетъ перейти въ наступленіе, нежелателенъ. Если же она вступаетъ въ бой, то къ этому вынуждаютъ ее особые обстоятельства. Безъ фаланги гоплитовъ наступающій флангъ не могъ бы дѣйствовать съ той увѣренностью и спокойствіемъ, которыя насъ удивляютъ. Слѣдовательно, фаланга въ арміи Александра представляла собою какъ бы главный резервъ.

За фалангою влѣво находилась всегда тяжелая конница союзниковъ и ѳессалійцы, составляя необходимую принадлежность фаланги. Подобно тому какъ бой фаланги нежелателенъ, конница лѣваго фланга не вступаетъ въ бой иначе, какъ отражая противника или окончательно довершая его пораженіе. Поэтому и конница лѣваго фланга имѣла назначеніе резерва.

И такъ, слѣдовательно, роль конницы въ битвахъ Александра первыхъ четырехъ походовъ распадается на три части: легкая конница прикрываетъ фланги тяжелой и демонстрируетъ, или высылаются впередъ для осмотра мѣстности и прикрытія фронта тяжеловооруженной конницы ¹⁾; гетеры производятъ главный ударъ, ѳессалійцы и конница лѣваго фланга играютъ роль резерва.

Но главнѣйшая, отличительная черта тактики Александра заключалась въ томъ, что ни пѣхота, ни конница не дѣйствуютъ отдѣльно, но всегда совокупными усиліями опрокидываютъ непріятеля. Этого принципа Александръ придерживался не только въ большихъ сраженіяхъ, но и въ летучихъ набѣгахъ. Исключенія весьма рѣдки. За побѣдой всегда слѣдовало самое энергическое и продолжительное преслѣдованіе. Поэтому и результатомъ сраженій было почти всегда уничтоженіе арміи противника.

Случай употребленія конницы на театрѣ дѣйствій безъ пѣхоты, во время первыхъ четырехъ походовъ Александра, весьма рѣдки, за исключеніемъ развѣдывательной службы и преслѣдованія. До покоренія Персіи Александру приходилось имѣть дѣло съ государствомъ, которое могло выставить, хотя дурно организованную, но громадную армію и особенно сильную конницей; и потому онъ долженъ былъ держать силы въ совокупности.

¹⁾ Въ сраженіи при Пинарѣ (Иссѣ) передъ конницу праваго крыла были посланы наѣдники, пеонійцы. Арріанъ, кн. II, стр. 423.

Относительно организаціи развѣдывательной службы мы имѣемъ самыя поверхностныя свѣденія; но изъ результатовъ развѣдыванія можно заключить, что оно производилось въ обширныхъ размѣрахъ. На 412 страницъ кн. I Арріанъ рассказываетъ, что, „оставивъ Фазелидъ, Александръ послалъ одну часть войска къ Пергѣ черезъ горы, гдѣ еракіяне показали ему дорогу трудную, но гораздо кратчайшую“. Слѣдовательно, еракійцы были заранѣе посланы для рекогносцировки этой дороги.

Передъ сраженіемъ при Гавгамелахъ, посланные для развѣдыванія, наѣзники открыли непріятельскую конницу и донесли Александру. ¹⁾ Вслѣдствіе этого, взявъ съ собою агему, отрядъ гетеровъ и пеонійцевъ, Александръ устремился навстрѣчу непріятелю. Персидская конница, увидѣвъ македонянъ, обратилась въ бѣгство. Но Александръ бросился преслѣдовать и захватилъ плѣнныхъ, отъ которыхъ узналъ, что Дарій находится недалеко съ огромнымъ войскомъ.

Въ гористой и пересѣченной мѣстности для развѣдыванія выслалась вмѣстѣ съ легкой конницей и легкая пѣхота. Напримѣръ, передъ сраженіемъ при Иссе арміи македонянъ предстояло проходить ущелье. Для рекогносцировки этой тѣснины, кромѣ конницы, были посланы и пѣшіе стрѣлки.

Лагерное или бивачное расположеніе войскъ опѣплялось аванпостами. Арріанъ говоритъ ²⁾, что передъ сраженіемъ при Иссе, расположивъ войска на отдыхъ, Александръ всюду разставилъ стражей.

Во время походныхъ движеній въ авангардѣ шла обыкновенно легкая конница и часть стрѣлковъ; въ среднихъ колоннахъ пѣхота; фланги прикрывала прочая кавалерія, а при обозѣ еракійская легкая пѣхота. Таковъ былъ порядокъ движенія во время похода въ Гирканию въ 330 году.

Съ покореніемъ Персіи и убійствомъ Дарія всѣ обстоятельства вдругъ измѣняются, македоняне не встрѣчаютъ больше противоборства армій, передъ ними война народная. Со всѣхъ сторонъ поднимаются противъ завоевателя варварскія племена, связанныя между собою общимъ желаніемъ отстоять независимое владѣніе своею землею и стадами. Но не въ открытомъ полѣ они ищутъ столкновенія, они бѣгутъ отъ благоустроенной арміи въ горы, чтобы оттуда непрерывно тревожить и угрожать ей.

Чтобы сломить войска, выставляемыя этими племенами, если бы онѣ вздумали оказать сопротивленіе въ открытомъ полѣ, совершенно достаточно небольшого дисциплированного отряда. Но одно пораженіе ихъ въ бою не имѣетъ никакого значенія. Необходимо самое энергическое преслѣдованіе, необходимо уничтожить или забрать въ плѣнъ всѣхъ принимавшихъ участіе въ дѣлѣ, чтобы отвращенная

¹⁾ Арріанъ, кн. III, стр. 444.

²⁾ кн. II, стр. 422.

опасность не возникла въ непродолжительномъ времени съ новою силой. Сопротивленіе необходимо сломить одновременно на значительномъ пространствѣ, разомъ въ нѣсколькихъ смежныхъ мѣстахъ.

Но, чтобы настигнуть легкаго противника и принудить его къ бою въ открытомъ полѣ при обстоятельствахъ, для него невыгодныхъ, чтобы имѣть возможность къ самому продолжительному и быстрому преслѣдованію, необходимо имѣть особенно подвижныя войска. Поэтому конница, стрѣлки и легкая пѣхота съ этихъ поръ выступаютъ на первый планъ. Тяжелая же пѣхота употребляется для прикрытія обозовъ и складовъ, при осадахъ укрѣпленныхъ мѣстъ и оставляется гарнизонами.

Военныя дѣйствія съ этихъ поръ распадаются на дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ, составленныхъ изъ конницы и легкой пѣхоты. Отряды эти въ случаяхъ особенной важности соединяются вмѣстѣ, опрокидываютъ сосредоточившагося непріятеля и снова раздѣляются на нѣсколько колоннъ для преслѣдованія.

Роль кавалеріи въ этихъ дѣйствіяхъ заключалась въ томъ, что, принявъ участіе вмѣстѣ съ легкою пѣхотою въ пораженіи противника, она посылалась для преслѣдованія и уничтожала его. Если же противникъ успѣвалъ укрыться въ какомъ нибудь укрѣпленномъ селеніи или городѣ, конница македонянь окружала это мѣсто и блокировала его до прибытія пѣхоты. Такимъ образомъ Александръ употреблялъ конницу во время военныхъ дѣйствій въ Согдіянь и Бактріянь, гдѣ приходилось ему постоянно осаждать селенія; и въ то время, когда пѣхота производила осадныя работы, кавалерія высылалась для блокады другихъ пунктовъ, противъ которыхъ Александръ ¹⁾ имѣлъ въ виду въ послѣдствіи обратиться.

Дѣйствія въ Индіи, выключая сраженіе при Гидаспѣ, имѣютъ тотъ же характеръ, но, такъ какъ конница во время преслѣдованія могла быть задержана значительнымъ непріятельскимъ отрядомъ при помощи мѣстныхъ закрытій, трудно доступныхъ для кавалеріи, то Александръ вмѣстѣ съ конницею сталъ посылать для преслѣдованія и небольшія пѣхотныя части, посаженныя на коней. Въ послѣдствіи же Александръ въ подобныхъ случаяхъ сталъ спѣшивать конницу, именно часть гетеровъ, которая была вооружена, вѣроятно, для этой цѣли, щитами. Примѣръ подобнаго употребленія гетеровъ мы находимъ во время похода противъ тавлантиевъ, какъ объ этомъ уже было упомянуто.

Какъ примѣръ, особенно характеризующій военныя дѣйствія Александра послѣ покоренія Персіи, можно привести дѣло при Аригеѣ ²⁾ (327 г. до Р. Х.).

¹⁾ Арріанъ, кн. IV, стр. 463.

²⁾ Арріанъ, кн. IV стр. 479.

При открытій военныхъ дѣйствій на Индѣ, Александръ оставилъ на южномъ берегу рѣки Кофенъ боковой отрядъ подъ командою Эфестіона. Самъ же съ двумя гишархіями гетеровъ, всѣми конными и пѣшими стрѣлками, гипаспистами и тяжелою пѣхотою (35 т. пѣхоты и 5 т. всадниковъ) перешелъ черезъ рѣку и пошелъ къ р. Хоаспу противъ аспіянъ. Послѣ незначительныхъ стычекъ, онъ овладѣлъ городомъ Андракомъ, оставилъ здѣсь Кратера съ тяжелою пѣхотой, за исключеніемъ таксы Кена, и двинулся съ остальными войсками далѣе. Аспіяне бросились въ горы. Тогда Александръ сажаетъ 800 человекъ пѣхоты на коней и, выславъ впередъ конницу Птолемея, преслѣдуетъ варваровъ. Птоломей настигаетъ ихъ, принуждаетъ вступить въ бой; а подоспѣвшій Александръ спѣшиваетъ пѣхоту, поддерживаетъ ея Птолемея и разбиваетъ непріятеля.

При дальнѣйшемъ преслѣдованіи Александръ доходитъ до выжженного и брошеннаго города Аригея, приказываетъ прибывшему Кратеру выстроить вновь этотъ городъ и заселить его инвалидами.

Затѣмъ снова, оставивъ въ лагерѣ тяжелую пѣхоту, онъ раздѣляетъ войска на три колонны: Леонать получаетъ легкую пѣхоту, Птоломей часть гипаспистовъ, стрѣлковъ и половину конницы гетеровъ; самъ Александръ, занимая между ними середину оставляетъ при себѣ прочихъ гипаспистовъ, пѣшихъ и конныхъ стрѣлковъ и другую половину гетеровъ. Между тѣмъ варвары, сосредоточивъ свои силы и надѣясь на свой численный перевѣсъ, выходятъ изъ горъ. Но Александръ безъ труда опрокидываетъ выступившую противъ него толпу; а подоспѣвшіе Леонать и Птоломей, не смотря на мѣстные затрудненія, разбиваютъ фланговыя колонны аспіянъ, и все снова обращается въ бѣгство. Александръ посылаетъ конницу преслѣдовать и захватываетъ до 20 т. плѣнныхъ.

Говоря объ употребленіи македонской конницы на театрѣ военныхъ дѣйствій, нельзя не удивляться ея необыкновенной выносливости. Выдержавъ, на примѣръ, битву при Иссѣ, или Гавгамелахъ, въ которыхъ главная роль принадлежала конницѣ, она послѣ перваго сраженія преслѣдовала бѣгущихъ персовъ до ночи, а послѣ втораго цѣлыя сутки, пройдя во время этого преслѣдованія около ста верстъ.

Къ этому необходимо прибавить еще то, что гетеры ночью передъ Гавгамельскимъ сраженіемъ производили рекогносцировку и, во вторыхъ, что они составляли тяжелооруженную кавалерію и были способны къ такимъ усиліямъ.

Но самымъ энергическимъ, ожесточеннымъ преслѣдованіемъ, съ которымъ не многія изъ подобныхъ дѣйствій послѣдующихъ временъ существованія рода человѣческаго могутъ быть сравнены, была погоня Александра за бѣгущимъ Даріемъ къ Каспійскимъ воротамъ и далѣе. Сначала онъ шелъ со всѣмъ войскомъ; въ двѣнадцатый день ¹⁾ пути отъ Экбатаны достигъ Каспійскихъ воротъ (240 верстъ).

¹⁾ Арріанъ, кн. III, стр. 453.

Тутъ онъ далъ войскамъ отдыхъ, но, узнавъ, что сатрапъ Бессъ схватилъ Даріа и держитъ его какъ плѣнника, Александръ ускорилъ свой походъ и, взявъ съ собою гетеровъ, легкую конницу и отборную пѣхоту, поручилъ Кратеру начальство надъ прочимъ войскомъ и велѣлъ ему медленно слѣдовать за собою.

Александръ шелъ всю ночь и остановился уже въ полдень другаго дня. Выступивъ снова въ путь вечеромъ, онъ на разсвѣтѣ узналъ, что Бессъ увлекъ Даріа съ собою на колесницѣ, командуетъ остатками войска, и что прочіе вельможи персидскіе имѣютъ намѣреніе, если Александръ будетъ преслѣдовать ихъ, выдать Даріа и тѣмъ снискать его милость; въ противномъ же случаѣ собрать сколько можно болѣе войскъ, раздѣлить между собою государство и защищать другъ друга. Это извѣстіе одушевило новымъ мужествомъ Александра: не смотря на усталость войскъ своихъ отъ такого долгаго похода, онъ шелъ всю ночь, и на другой день въ полдень достигъ одного мѣстечка, гдѣ бѣжавшіе останавливались наканунѣ. Здѣсь онъ узналъ, что варвары должны были идти ночью, и что можно перерѣзать дорогу имъ, принявъ кратчайшій путь, на которомъ однако нѣтъ воды. Не смотря на это, Александръ велѣлъ вести себя. Пѣхота не могла слѣдовать за конницей и потому пятьсотъ всадниковъ уступили лошадей своихъ такому же числу лучшихъ пѣхотныхъ воиновъ, которые сѣли на лошадей, не перемѣняя оружія. Пѣхота пошла по дорогѣ, принятой бѣжавшими. Александръ отправился вечеромъ, по увѣренію Арріана ²⁾ во весь опоръ, и на разсвѣтѣ настигъ варваровъ, бѣжавшихъ уже въ полномъ безпорядкѣ. Между тѣмъ Бессъ и его соумышленники влекли еще Даріа. Увидѣвъ же приближеніе Александра, они умертвили его и, бросивъ на дорогѣ, бѣжали съ шестью стами всадниковъ.

Такимъ образомъ впродолженіи четырехъ дней подъ рядъ Александръ находился въ пути отъ 12 до 16 часовъ. Если считать по 4 версты въ часъ, то придется отъ 48 до 64 версты въ день, а конница послѣдній переходъ въ добавокъ къ этому еще прошла, если не карьеромъ, какъ говоритъ Арріанъ, то вѣроятно, на рысяхъ. Переходы эти, какъ можно было замѣтить, Александръ производилъ ночью, вѣроятно, по причинѣ жаркихъ дней.

¹⁾ Кн. III, стр. 454.

Глава 4-я.

Теоретическій писатель Ксенофонтъ. Его Трактатъ о кавалеріи.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Ксенофонтъ написалъ нѣсколько крупныхъ военно-историческихъ сочиненій, въ которыхъ впервые изложилъ основныя идеи военнаго искусства.

Сочиненія эти, и въ особенности лучшее изъ нихъ Анабазисъ ¹⁾, тотчасъ же повліяли на греческую тактику, указали на необходимость облегчить пѣхоту, на важное значеніе въ составѣ армій конницы и на многіе недостатки относительно употребленія пѣхоты и кавалеріи въ бою. Но, независимо отъ этихъ большихъ сочиненій, сознавая ошибочность веденія конницы въ Аѣинахъ и взглядъ на этотъ родъ оружія, Ксенофонтъ написалъ небольшое специальное сочиненіе, относящееся до кавалеріи, въ которомъ съ полнымъ знаніемъ мастера разобралъ эти вопросы. Трактатъ его о кавалеріи состоитъ изъ двухъ частей: „о командованіи кавалеріей“ и „о верховой ѣздѣ“. Первая содержитъ въ себѣ совѣты начальнику конницы относительно веденія своей части въ мирное время и нѣкоторыя тактическія сноровки и указанія для употребленія этого оружія на войнѣ.

Въ этомъ сочиненіи Ксенофонтъ прежде всего обращаетъ вниманіе на комплектованіе кавалерійской части, указывая способы держать свою часть въ комплектѣ. Служба въ конницѣ требовала, какъ извѣстно, значительныхъ расходовъ, между тѣмъ богатѣйшіе граждане, среди тогдашняго нравственнаго упадка, всѣми силами уклонялись отъ службы; и много надо было ловкости со стороны начальниковъ конницы, чтобы доводить свои части до требуемой закономъ нормы.

Затѣмъ онъ указываетъ на содержаніе лошадей, на необходимость достаточнаго корма, если желаютъ, чтобы лошадь способна была къ трудамъ, и на приученіе лошадей ходить по пересѣченной мѣстности. Далѣе онъ переходитъ къ обученію всадниковъ. „Чтобы научить людей сохранять надлежащую посадку“, говоритъ Ксенофонтъ, „надо предложить имъ упражняться въ полѣ; а чтобы научить ихъ атаковать, нужно для упражненій всякій разъ избирать новую мѣстность.“ Послѣ этого онъ совѣтуетъ переходить къ обученію метать копьѣ.

Зная любовь аѣинянъ ко всему прекрасному, изящному, Ксенофонтъ требуетъ отъ конницы блеска, какъ одного изъ средствъ привлечь гражданъ къ службѣ въ этомъ родѣ оружія. Начальники, какъ въ вооруженіи, такъ въ качествахъ коней и, особенно, въ лихости должны служить примѣромъ. Но, какъ бы все это ни было хорошо, если нѣтъ дисциплины, ни качество коней, ни тщательное обученіе, ни блескъ не принесутъ пользы; и потому Ксенофонтъ требуетъ, чтобы начальникъ

¹⁾ Описаніе отступленія 10 тысячъ.

конницы старался вселить въ всадникахъ убѣжденіе въ ея необходимости и объяснить всѣ выгоды, сопряженныя съ соблюденіемъ закона и невыгоды отъ его неисполненія.

Переходя къ строямъ и эволюціямъ, Ксенофонтъ указываетъ порядокъ размѣщенія людей въ строю: головными въ каждомъ ряду должны быть старѣйшіе и ревностнѣйшіе къ службѣ всадники, такихъ же слѣдуетъ ставить и въ замкѣ. Въ рядахъ каждый впереди стоящій человекъ выбираетъ себѣ товарища, который становится непосредственно за нимъ. При подобномъ порядкѣ, полагаетъ Ксенофонтъ, люди охотнѣе пойдутъ въ дѣло. Но при этомъ необходимо, чтобы каждому всаднику заранѣе было указано определенное мѣсто, въ избѣжаніе безпорядковъ.

Часть должна быть обучена различнымъ построеніямъ для передвиженій и прохожденія тѣсинъ.

Третья глава заключаетъ въ себѣ указанія начальнику конницы относительно устройства парадовъ, съ цѣлью увеличить великолѣпіе празднествъ, такъ какъ это составляло въ Аѣинахъ прямую обязанность конницы. Здѣсь замѣчательно то, что въ числѣ атакъ, которыя Ксенофонтъ предлагаетъ произвести въ разныхъ направленіяхъ послѣ окончанія процессіи, конница, раздѣлившись на двѣ части, должна была произвести три сквозныхъ. „Это“, говоритъ Ксенофонтъ, „будетъ и ново и воинственно“.

Далѣе слѣдуютъ совѣты относительно сбереженія лошадей и мѣръ предосторожности во время похода и въ особенности на пересѣченной мѣстности; относительно лазутчиковъ, перебѣжчиковъ, и различныя военныя хитрости для нечаянныхъ нападений и засадъ. Ко всему этому онъ дѣлаетъ предостереженіе, чтобы начальникъ никогда не упускалъ изъ виду мѣру силъ своей части и обладалъ глазомѣромъ, что пріобрѣтается мирными упражненіями.

„Начальникъ“, продолжаетъ Ксенофонтъ, „долженъ пользоваться расположеніемъ подчиненныхъ и увѣренностью ихъ въ его познаніяхъ и дарованіяхъ. Это пріобрѣтается заботливостью о нихъ во всѣхъ отношеніяхъ и собственнымъ примѣромъ въ военныхъ упражненіяхъ. Сверхъ всего этого, начальникъ конницы долженъ обладать слѣдующими качествами: благоразуміемъ, смѣлостью и неутомимою дѣятельностью“. „Только при подобныхъ качествахъ начальника конницы“, говоритъ Ксенофонтъ, „можно рассчитывать на скольконибудь утѣшительный результатъ войны, если бы аѣинянамъ пришлось посадить свои силы на суда, какъ при вторженіи лакедемонянъ въ союзъ со всею Греціею, и ограничиться охраненіемъ стѣнъ, а защиту территоріи предоставить одной конницѣ“. Тутъ Ксенофонтъ снова даетъ совѣты, какъ дѣйствовать конницѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ: безпрерывно тревожить противника, снимать его посты, нападать на отдѣляющіеся небольшіе отряды, избѣгать встрѣчи съ сильнѣйшими, появляться въ тылу противника—

однимъ словомъ совѣтуетъ все то, что предпринимаютъ кавалерійскіе отряды при партизанскихъ дѣйствіяхъ. Не упускаетъ онъ при этомъ напомнить о пользѣ имѣть всегда что нибудь въ резервѣ. Но подобныя дѣйствія возможны только въ томъ случаѣ, если люди ловки, находчивы, а лошади до того обучены и втянуты въ работу, что съ легкостью переносятъ труды военнаго времени. Всадники, привычные брать рвы, преодолевать всѣ препятствія, подниматься и спускаться съ крутостей, въ отношеніи къ всадникамъ къ этому непривычнымъ находятся въ такомъ же положеніи, какъ птицы къ другимъ животнымъ или, какъ наставникъ фехтующійся съ школьникомъ.

Вторая часть, наставленія въ верховой ѣздѣ, содержитъ въ себѣ все то, что, по мнѣнію Ксенофонта, долженъ знать каждый всадникъ.

Прежде всего идетъ наружный осмотръ лошади. Главное вниманіе обращаетъ онъ на ноги и копыта, такъ какъ, при всѣхъ прочихъ достоинствахъ лошади, если ноги нехороши, она для военной службы не годится.

Затѣмъ грудь, шея, голова, ротъ, спина и прочія части лошади. Ксенофонтъ разбираетъ лошадь въ двухъ отношеніяхъ: въ отношеніи выносливости и въ отношеніи годности подъ верхъ. Нельзя не отдать должной справедливости Ксенофонту, который, не будучи знакомъ ни съ анатоміею, ни съ физиологіею, такъ глубоко понималъ дѣло. Всѣ его замѣчанія на этотъ счетъ и въ настоящее время остаются въ полной силѣ.

Относительно устройства конюшенъ, обращенія съ лошадыю и уборки совѣты Ксенофонта почти ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ требованій. Разница состоитъ только въ томъ, что лошади грековъ не ковались, и потому Ксенофонтъ, во первыхъ, запрещаетъ, мыть копыто, говоря, что сырость размягчаетъ его; во вторыхъ, совѣтуетъ, „давъ полу конюшни легкой склонъ во избѣжаніе мокроты, выложить его неутрамбованнымъ булыжникомъ въ рамкахъ: подобная мостовая укрѣпляетъ рогъ и стрѣлку, а мелкіе камни, ворочаясь подъ копытомъ, приучаютъ къ движенію по каменистой мѣстности. Совѣты относительно покупки выѣзженнаго коня направлены къ тому, чтобы всадники обращали вниманіе на боевую годность его: силу, покорность волѣ ѣздока, кротость, поворотливость, легкость; а главное, совѣтуетъ избѣгать пугливыхъ и щекотливыхъ, и такихъ, которыми постоянно всадникъ долженъ заниматься.

Ѣзда грековъ тѣмъ разнилась главнымъ образомъ отъ современной, что они не знали стремянъ. Ксенофонтъ относительно посадки даетъ слѣдующія правила: „всадникъ долженъ сидѣть на конѣ такъ, какъ бы онъ стоялъ съ разставленными ногами. При такой посадкѣ онъ крѣпче будетъ держаться ляшками, а прямое положеніе даетъ болѣе силы и удобства для метанія копья. Отъ колѣна нога должна висѣть свободно, иначе, если эта часть ноги будетъ натянута и толкнется о какой нибудь

предметъ, то разстроитъ всю посадку. Всадникъ долженъ стараться смягчить, на сколько возможно, поясницу и верхнюю часть корпуса. При этомъ онъ будетъ имѣть большую свободу дѣйствій и не такъ легко упадетъ, получивъ толчекъ въ одиночномъ бою.— „Во время движенія всадникъ долженъ верхнюю часть корпуса наклонить впередъ. При крутой остановкѣ корпусъ слѣдуетъ отклонить назадъ, чтобы уменьшить силу толчка. Прыгая черезъ рвы или при поднятіи на гору, полезно браться за гриву, чтобы дѣйствіемъ повода не затруднить движеніе. Чтобы приучить всадника ѣздить на всякой мѣстности съ возможною быстротой и владѣть оружіемъ, лучшимъ средствомъ можетъ служить охота. Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ ея нѣтъ, хорошо пускать всадниковъ, вооруженныхъ копьями съ тупыми наконечниками или рапирами въ догонку другъ за другомъ. Если они спибутся, то должны стараться выбить противника изъ сѣдла“.

О выѣздкѣ лошадей Ксенофонтъ подробно не распространяется. Первоначальная задача берейтора вовсе упущена, но изъ правилъ его для управленія лошадью можно заключить, что выѣздка велась къ поднятію переда лошади, чтобы придать ей красивый видъ и заставить ее больше идти на задъ, подобно тому, какъ и теперь это дѣлается. Но Ксенофонтъ при этомъ обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы лошадь гнулась хорошо въ ребрахъ.

Объ аллюрахъ Ксенофонтъ также не распространяется. Можно замѣтить, что въ то время ѣздили шагомъ, рысью, галопомъ и карьеромъ. Начинать всякое движеніе онъ совѣтуетъ шагомъ и затѣмъ уже увеличивать аллюръ. „Самый красивый галопъ“, говоритъ онъ, „съ лѣвой ноги“. Чтобы поднять лошадь въ галопъ, должно ловить мгновеніе, когда лошадь на рыси поставитъ правую переднюю ногу; въ этомъ положеніи лѣвая нога свободна, и, если дотронуться древкомъ копыя, лошадь пойдетъ галопомъ. Перемѣну ногъ на галопъ Ксенофонтъ одобряетъ, такъ какъ это приучаетъ лошадь къ поворотамъ и уравниваетъ чувствительность беззубаго края.

Далѣе слѣдуетъ описаніе уздечекъ: мягкой и строгой. Правила управленія лошадью при помощи уздечки ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ.

Ко всему этому Ксенофонтъ прибавляетъ: „Симонъ ¹⁾ правъ, говоря, что лошадь силою ничему не выучишь“. „Человѣкъ учитъ человѣка словомъ, даромъ боговъ; лошадь слова не пойметъ: только, лаская за исполненіе и наказывая за сопротивленіе, можно заставить ее исполнять наши требованія. Это главное правило, общій выводъ изъ всего, что можно сказать о ѣздѣ“.

¹⁾ Симонъ Аѳинскій первый написалъ правила верховой ѣзды. Онѣ до насъ не дошли.

Въ заключеніе Ксенофонтъ говоритъ о вооруженіи, одеждѣ всадниковъ и о метаніи копій. Обо всемъ этомъ уже было упомянуто при описаніи устройства греческой конницы.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что Ксенофонтъ въ первой части трактата о кавалеріи является начальникомъ съ большимъ пониманіемъ дѣла и чрезвычайно опытнымъ; во второй части „о ѣздѣ“, служащей дополненіемъ къ первой, ловкимъ ѣздокомъ и знаткомъ лошади, въ обоихъ хорошимъ патріотомъ. Извѣстно, что послѣ побѣды Конона при Книдѣ (394 г. до Р. Х.) восторжествовало въ Аѳинахъ демократическое правленіе со всеѣми своими недостатками. Съ исчезновеніемъ патріархальныхъ нравовъ и обычаевъ народъ утратилъ дѣльность и энергію, предпочиталъ посылать въ бой наемныя полчища, самъ же развлекался празднествами и театрами. Юношество высшихъ и богатѣйшихъ сословій, утративъ рыцарскій духъ отцевъ, проводило время за азартными играми, пиршествами и попойками въ обществѣ гетеръ. Поэтому неудивительно, что, въ случаѣ нужды, молодежь старалась уклониться отъ службы въ конницѣ, и пополненіе рядовъ ея представляло не мало затрудненій. Если же нѣкоторые и добивались мѣста гиппарха или филарха, то только для того, чтобы блеснуть конемъ и богатымъ снаряженіемъ на различныхъ торжествахъ ¹⁾, не думая о прочихъ обязанностяхъ кавалерійскаго начальника. Въ этомъ, быть можетъ, и заключалась причина того, что Ксенофонтъ отправилъ двухъ сыновей своихъ для воспитанія въ Спарту, чтобы, по словамъ Плутарха, изучить высшую науку „повелѣвать и повиноваться“.

Неудивительно послѣ того, что у Ксенофонта, подъ вліяніемъ патріотизма, зародилась мысль воспользоваться страстью аѳинскаго юношества къ верховой ѣздѣ и охотѣ и направить ее на пользу отечества. Говоря о многосложныхъ задачахъ и большой отвѣтственности начальника конницы, онъ не забываетъ напомнить о блестящей роли его на народныхъ праздникахъ, и что полного блеска можно достигнуть только тогда, когда кони и всадники, подчиненные ему, вполне обучены и знаютъ свое дѣло.

Изложенные совѣты и правила Ксенофонта до сихъ поръ имѣютъ свое полное значеніе. Сказанное имъ стоитъ сравнить не только съ современными взглядами на дѣло, но и съ обычаями естественныхъ кавалерій, и мы найдемъ безчисленныя съ ними соотношенія, достойныя вниманія. Чего требуетъ отъ конницы Ксенофонтъ? Прежде всего выносливости, способности къ трудамъ; по этому онъ совѣтуетъ обращать особенное вниманіе на заблаговременную подготовку къ этому кавалеріи и на кормъ лошадей, 2) Для приученія конницы стремительно атаковать,

¹⁾ Мѣста гиппарховъ, филарховъ, и стратеговъ, какъ извѣстно, раздавались по выбору народа, доставляя всему роду выбранныхъ особенную знатность и давая полный просторъ наружному блеску и тщеславію.

для мирныхъ ученій всякій разъ избирать новую мѣстность; 3) дисциплины; 4) обученія различнымъ построениямъ и некоторой сноровки при размѣщеніи въ строю людей. Изъ сказаннаго въ этомъ пунктѣ можно заключить, что современная Ксенофонту конница далеко была до регулярной и представляла довольно нестройную толпу, разъ если каждому всаднику не было указано постояннаго въ строю мѣста. 5) Обученія односторонней и сквозной атакамъ. Намъ уже извѣстно, что греческая конница атаквала весьма рѣдко, а старалась разстроить противника, бросая въ него копья или стрѣлы, и потому то Ксенофонтъ особенно налегаетъ на приученіе къ атакамъ. 6) Качества требуемыя отъ начальника: всюду примѣръ, заботливость о подчиненныхъ и коняхъ для пріобрѣтенія довѣрія, благо-разуміе, смѣлость и неутомимая дѣятельность. 7) Тактическіе совѣты для дѣйствія конницы въ бою и сноровки въ партизанскихъ набѣгахъ, совѣтъ никогда не дѣйствовать безъ резерва показываютъ громадную опытность Ксенофонта и пониманіе свойствъ этого оружія.

Въ концѣ этого отдѣла онъ снова возвращается къ первому пункту, какъ бы напоминая, что для исполненія изложенныхъ его совѣтовъ необходима выносливость конницѣ, заблаговременная подготовка и приученіе къ трудамъ.

Трактатъ „о ѣздѣ“, какъ дополненіе къ первой части, тѣсно съ нею связанъ. Во всѣхъ наставленіяхъ слышится ловкій наѣздникъ: всѣ указанія, правила и совѣты, имъ даваемые, такъ вѣрны, естественны и цѣлесообразны, что сохранили свое полное примѣненіе даже въ настоящее время, по истеченіи болѣе 2000 лѣтъ, за исключеніемъ только того, что измѣнено послѣдующими изобрѣтеніями: сѣдломъ, мундштукомъ, ковкою. Давно ли еще были въ ходу курць—галопъ и сдержанная рысь, какъ бы для сохраненія лошадей и стройности движенія, а забыто было, что вся сила конницы заключается въ быстротѣ движеній; между тѣмъ какъ Ксенофонтъ прямо говоритъ: „какой толкъ, если вмѣсто смѣлаго движенія впередъ, всадники топчутся на мѣстѣ и еле плетутся за вождемъ? Можно ли сравнить это бездушное движеніе съ развязною, смѣлою, могучею поступью коня?“ Давно ли существовала въ нынѣшней конницѣ въ высшей степени принужденная посадка, съ оттягиваніемъ ногъ назадъ въ видѣ буквы S и каблуковъ внизъ до судорогъ въ ногѣ? Возможно ли эту посадку сохранить въ походѣ и возможна ли она въ бою?

Если цѣлью этого сочиненія было только дать необходимое начальнику, то тѣсная рамка его вполне оправдывается. Но приходится сожалѣть, что Ксенофонтъ прошел молчаніемъ задачу берейтора, потому что, не смотря на этотъ пробѣлъ, сочиненіе это имѣетъ, какъ теорія ѣзды, неопровержимое достоинство. Впрочемъ Ксенофонтъ въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ, что онъ пропустилъ этотъ отдѣлъ, такъ какъ онъ писалъ для богатѣйшаго сословія всадниковъ, которые всегда будутъ имѣть средства пріобрѣсти выѣзженную лошадь или заплатить за ея выѣздку. Разумѣется это не вполне его оправдываетъ, потому что, кто готовится въ началь-

ники конницы, тотъ долженъ умѣть научить своихъ подчиненныхъ всему и знать все, относящееся до кавалерійской службы, а слѣдовательно и выѣзду.

Достойно удивленія точное знаніе строенія лошади, ея дѣльность и красоту; въ особенности если принять въ расчетъ неудовлетворительность тогдашней анатоміи. Это только можетъ явиться результатомъ долготѣняго и многосторонняго опыта и горячей любви къ дѣлу.

Г л а в а 5-я.

Римляне. Главный родъ оружія въ составѣ римскихъ армій—пѣхота. Сословіе всадниковъ. Наборъ кавалеріи. Содержаніе. Смотры цензоровъ. Союзная конница. Снаряженіе и вооруженіе первой римской кавалеріи. Турма—тактическая единица. Мѣсто кавалеріи въ боевомъ порядкѣ арміи. Замѣчаніе о первоначальной римской конницѣ.

„Большей части своихъ побѣдъ“, говоритъ Зедделеръ, „римляне обязаны своей превосходной пѣхотѣ.“ И, дѣйствительно, римская кавалерія никогда не достигала той высоты, на которой стояла ихъ пѣхота и не могла сравниться ни съ конницами сосѣднихъ народовъ, нумидянъ, германцевъ, галловъ, иберійцевъ, ни даже съ греческою, не говоря уже о кавалеріи Александра Македонскаго.

Римляне, подобно тому, какъ и мы въ настоящее время, считали пѣхоту главнѣйшимъ родомъ оружія и охотнѣе служили въ пѣхотѣ, предоставляя службу въ кавалеріи по большей части союзникамъ. Тацитъ говоритъ, что сила германцевъ лежитъ въ ихъ пѣхотѣ, точно такъ какъ у грековъ и римлянъ. „Республика“, говоритъ Вегецій ¹⁾ „болѣе нуждается въ пѣхотѣ, нежели въ конницѣ, потому что она вездѣ можетъ быть полезна: на морѣ и на сушѣ, на ровной мѣстности и на гористой, въ открытомъ полѣ и въ городѣ.“

Первыя войны Ромула были ведены безъ конницы. Невыгоды этого обстоятельства не могли не обнаружиться, и вслѣдствіе этого, говоритъ Діонисій, ²⁾ „по установленію сената Ромуль выбралъ 300 человекъ ³⁾ изъ лучшихъ семействъ сильнаго тѣлосложенія и приказалъ имъ драться съ коня тамъ, гдѣ мѣстность будетъ этому благопріятствовать.“

Ромуль раздѣлилъ всѣхъ жителей Рима на 3 трибы. Каждая триба должна была выставить 1000 человекъ пѣхоты и 100 конныхъ. Отъ этой конницы необходимо отличать „seleaes“ (быстрый, скорый), составлявшихъ также въ числѣ 300 тѣлохранителей царя.

¹⁾ Lib II, cap I.

²⁾ Lib II Antiq. cap. II.

³⁾ Полибій говоритъ 200.

Нума уничтожилъ этихъ тѣлохранителей, причисливъ ихъ къ жрецамъ. Но Туллъ Гостилий, взявъ ихъ, сформировалъ 10 турмъ изъ побѣжденныхъ албанцевъ и снова увеличилъ кавалерію до 600 всадниковъ.

Послѣ этого количество конницы въ Римѣ постоянно увеличивалось, и при Сервіѣ Туллиѣ дошло до 2400. Это постепенное увеличеніе конницы при царяхъ было строго согласовано съ возрастаніемъ народонаселенія въ государствѣ.

Мы знаемъ, что у грековъ существовали всадники или рыцари, которые первоначально имѣли назначеніемъ служить и составлять конницу. Впослѣдствіи они уклонились отъ этой службы и, обладая значительными средствами, образовали особенное привилегированное сословіе.

Тоже самое случилось и въ Римѣ. Всадники занимали мѣсто между сенатомъ и народомъ и съ самаго начала Рима составляли особенное сословіе, пользовавшееся большимъ почетомъ. По свидѣтельству Діонисія, тѣлохранители Ромула (*celeres*) выбирались изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ семействъ. Тарквиній Прискъ назначилъ всадникамъ наравнѣ съ жрецами во время представленій въ циркѣ особыя мѣста. Сервій Туллій, раздѣливъ все населеніе Рима на классы, причислилъ всадниковъ къ первому классу—патриціямъ; а Брутъ, ¹⁾ по изгнаніи царей, допустилъ всадниковъ въ сенатъ, и съ этихъ поръ всадники стали занимать правительственныя мѣста. Сулла во время своего диктаторства лишилъ ихъ этого права, но во время консульства Помпея (683 по основ. Рима.) право это было имъ возвращено.

Къ преимуществамъ сословія всадниковъ относилось право получать въ колоніяхъ вдвое больше земли, нежели пѣхотинцы. Кромѣ того, имѣя на откупѣ всѣ государственные доходы, они пріобрѣтали огромныя богатства, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивалось ихъ особенное вліяніе и вѣсь въ Римѣ.

Знаками отличія всадниковъ были: 1) *Augusticlavium*, которымъ они отличались отъ сенаторовъ; 2) *phalera*—особая сбруя лошади; 3) золотое кольцо; 4) *trebea*—бѣлая одежда съ красными полосами для ѣзды верхомъ ²⁾.

Въ первыя времена Рима, т. е., во времена царей и республики изъ сословія всадниковъ составлялась извѣстная часть кавалеріи подъ названіемъ *legionarii*. Каждый римскій гражданинъ, желая отбывать службу въ конницѣ, долженъ былъ имѣть цензъ всадниковъ (*sensus equestris*), т. е., 100000 *as* или 2000 гульденовъ состоянія. Цензъ этотъ въ 686 году по основаніи Рима былъ увеличенъ въ 10 разъ. Кромѣ того, необходимымъ условіемъ при этомъ ставили хорошее происхожденіе и незапятнанную нравственность.

Если гражданинъ удовлетворялъ всѣмъ этимъ условіямъ, то цензоры принимали его въ число всадниковъ и выдавали ему отъ государства коня (*equum pub-*

¹⁾ Во время Гракховъ.

²⁾ *Nast*, стр. 96, S 106. Діон. 6.

licum). ¹⁾ Но кромѣ этого, всадники имѣли и своихъ собственныхъ лошадей. Въ послѣднее время республики всадники начали уклоняться отъ службы въ конницѣ. Ливій ²⁾ рассказываетъ, что Сципіонъ изъ числа сильнѣйшихъ пѣхотныхъ солдатъ хотѣлъ сформировать 300 всадниковъ. Но для того, чтобы пріобрѣсти для нихъ лошадей и оружіе, онъ потребовалъ 300 богатѣйшихъ юношей на коняхъ и въ полномъ вооруженіи, подавая видъ, что намѣренъ ихъ взять съ собой въ Карфагенъ. Когда юноши явились къ нему, крайне печальные, онъ объявилъ, что освободить ихъ отъ экспедиціи, если они уступятъ лошадей своихъ и оружіе его солдатамъ. Предложеніе Сципіона немедленно было принято.

Мѣра Марія, допустившаго въ легіоны людей низшаго класса и дарованіе союзникамъ права римскаго гражданства, окончательно оттолкнула всадниковъ отъ службы. Обладая громадными богатствами и занимая высшія правительственныя должности, они начали считать службу въ легіонарной конницѣ для себя унижительною. Этимъ объясняется то обстоятельство, что легіонная конница послѣдующихъ временъ состояла изъ чужихъ народностей, набираемыхъ по найму въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ легіоны имѣли свое мѣстопробываніе.

Удаляясь отъ службы въ конницѣ, всадники вмѣстѣ съ тѣмъ отдалялись и отъ народа, котораго до того они были вѣнцомъ: сословіе мало по малу обратилось въ достоинство (*dignitas*) и сдѣлалось наследственнымъ.

Прежде, какъ замѣчено, всадникомъ могъ быть только тотъ, кто, удовлетворяя цензу, получалъ отъ цензоровъ общественнаго коня и обязывался служить въ конницѣ; съ этихъ же поръ явились всадники по происхожденію, и служба перестала быть отличіемъ всадника.

Императоры римскіе за вѣрную боевую службу нерѣдко возводили въ достоинство всадниковъ и этимъ самымъ избавляли отъ военной службы. Въ этотъ періодъ всадники служили только въ конницѣ преторіанской гвардіи или тѣлохранителей императора. Эту конницу необходимо отличать отъ легіонной, какъ будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ.

Въ назначенный для набора войска день на капитоліи выставлялось знамя, и герольды провозглашали о томъ всенародно. Всѣ совершеннолѣтніе граждане собирались по трибамъ на Марсовомъ полѣ. Каждая триба представляла по очереди назначеннымъ къ тому трибунамъ (штабъ-офицерамъ) четыре рекрута, сколько можно равныхъ лѣтами, ростомъ и силою. Трибуны 1-го легіона избирали одного рекрута, остальные три рекрута попадали по выборамъ во 2-й, 3-й и 4-й легіоны. Изъ слѣдующихъ четырехъ рекрутъ право выбора предоставлялось трибунамъ 2-го легіона, затѣмъ 3-го, 4-го и т. д. Поэтому составъ людей былъ почти одинаковъ

¹⁾ Livius 1. 43.

²⁾ Lib. XXIX.

во всѣхъ легіонахъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ войска набирались поспѣшно и безъ особаго разбора. Такимъ образомъ въ первое время легіоны комплектовались пѣхотою.

При Сервіѣ Туллиѣ впервые былъ произведенъ осмотръ молодыхъ людей по трибамъ. Этотъ осмотръ состоялъ въ распредѣленіи по классамъ и состоянію для назначенія на службу въ кавалерію. Съ тѣхъ поръ такого рода осмотръ производился черезъ каждыя пять лѣтъ и получилъ названіе „Census Servianus“; но впослѣдствіи его стали производить каждый годъ и наконецъ два раза въ годъ. ¹⁾ На этихъ смотрахъ цензоры, принимая во вниманіе вышеупомянутыя условія для службы въ конницѣ, дѣлали цензъ, выдавали выбранному общественнаго коня и обязывали такимъ образомъ служить въ кавалеріи. Когда всадники стали уклоняться отъ службы, конницу пришлось комплектовать изъ другихъ классовъ вмѣстѣ съ пѣхотою. Но такъ какъ римляне мало придавали конницѣ значенія, то сначала и мало обращали на этотъ вопросъ вниманія. Это видно изъ того, что при наборѣ войскъ право выбора принадлежало прежде всего трибунамъ, и только оставшимися людьми могли распоряжаться цензоры для комплектованія кавалеріи.

Со временъ Сципіона Африканскаго взглядъ на кавалерію совершенно измѣнился. Ее стали комплектовать лучшими людьми, предоставивъ цензорамъ первое мѣсто при выборѣ людей. Хотя служба въ конницѣ и прежде считалась почетною, но почетъ этотъ исходилъ изъ того, что право служить въ конницѣ принадлежало привилегированному классу. Теперь же въ кавалерію допускаются только люди, отличающіеся нравственностью, заслугами и храбростью; такъ что нерѣдко въ видѣ отличія за особенную храбрость переводили изъ пѣхоты въ конницу.

„Благоденствіе республики, „говоритъ Гуго ²⁾“, требовало, чтобы молодые солдаты были не только отличнаго тѣлосложенія, но чтобы отличались и своею нравственностью.“ На нравственность обращали вниманіе не только при выборѣ молодыхъ солдатъ, но и впослѣдствіи на каждомъ испытаніи и провѣркѣ, производившихся цензорами.

Относительно набора Вегецій говоритъ: ³⁾ „необходимо сохранить старое обыкновеніе брать на службу юношество по достиженіи совершеннолѣтія потому, что юноши воспріимчивѣе“.... „Прежде обращали большое вниманіе на ростъ солдата, назначая наибольшихъ фланговыми всадниками или въ первую когорту.... Но въ настоящее время должно обращать вниманіе больше на силу, нежели на ростъ людей.... Юноша, предназначающійся для службы въ кавалеріи, долженъ обладать смѣлымъ взглядомъ, носить голову высоко, долженъ имѣть широкую грудь

¹⁾ Livius, lib. IV, cap. 8. 24.

²⁾ De militia equestri antiqua et nova, глава III.

³⁾ Lib. I, cap. IV, § VII.

и плечи; кромѣ того длинныя, сильныя руки, небольшой животъ, непринужденность въ движеніяхъ, ляшки и икры не должны быть отягощены мясомъ. При этихъ условіяхъ нечего жалѣть о недостаткѣ роста: полезнаѣ имѣть сильныхъ солдатъ, чѣмъ рослыхъ.“¹⁾ Что подобный взглядъ на выборъ людей существовалъ во времена республики, видно изъ того, что цензоръ Катонъ дѣлалъ выговоръ каждому толстому солдату, какъ человѣку составлявшему бремя государству, и признавалъ неспособнымъ служить въ конницѣ²⁾.

Римляне первоначально обязаны были служить въ дѣйствующемъ войскѣ отъ 17-ти до 45-ти лѣтъ. Впослѣдствіи сроки службы были значительно сокращены. Полибій³⁾ говоритъ, что каждый римлянинъ долженъ былъ прослужить 10 лѣтъ въ конницѣ или 16 лѣтъ въ пѣхотѣ.

Въ началѣ каждый всадникъ долженъ былъ приобрѣтать коня, снаряженіе и вооруженіе на свой счетъ; впослѣдствіи же римляне сдѣлались, какъ говоритъ Гуго, нѣсколько щедрѣе относительно своей кавалеріи. Нѣкоторые всадники получали лошадей на счетъ казны. Назначались богатыя наслѣдницы (вдовы и сироты), изъ которыхъ каждая должна была доставлять годовыя деньги на содержаніе лошади⁴⁾ или всадника⁵⁾.

Но еще до осады Веи введенъ былъ обычай, что въ конницѣ могъ служить только тотъ, кто получилъ отъ цензора общественнаго коня. Это подтверждается слѣдующимъ фактомъ. Во время осады Веи римскіе всадники предложили правительству служить на своихъ лошадяхъ. Въ благодарность за это, по словамъ Ливія,⁶⁾ сенатъ назначилъ имъ жалованье. Ливій говоритъ, что всадники для покупки лошадей получали „dena millia aeris“ (200 florin) и, кромѣ того, bina millia aeris (40 fl.) въ годъ на содержаніе лошадей.⁷⁾ Полибій говоритъ,⁸⁾ что каждый всадникъ получалъ ежедневно одну драхму. Впослѣдствіи при императорахъ жалованье было значительно увеличено.

Всадникъ, его конь и оружіе подвергались осмотру. Намъ извѣстно, что у аеинянъ это исполнялось архонтами; у римлянъ сначала царями, потомъ консулами и наконецъ цензорами, исключительно для этой цѣли избиравшимися.

¹⁾ Lib. I, cap. IV.

²⁾ Das Kriegswesen der Römer, Ottenberger, prag. 1, 24. Vegetius, lib. 1, cap. 6.

³⁾ Bibliothèque militaire. Polybe, trad. de Dom. Thuiller. pag. 625.

⁴⁾ Gaj. Justit. 4. 27.

⁵⁾ Livius, lib. 1. 43. 9.

⁶⁾ Lib. 5. 7.

⁷⁾ Nast, стр. 12 § 22.

⁸⁾ Lib. VI.

Въ древнѣйшія времена, при первыхъ царяхъ, каждый всадникъ подвергался только одиночному осмотру. Затѣмъ были введены смотры, имѣвшіе цѣлью различныя испытанія, которыя состояли въ публичной ѣздѣ верхомъ и торжественномъ прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ мимо цензора. Всего, кажется, было четыре рода смотровъ, включая сюда и *sensus Servianus*.

Всадники состояли подъ непосредственнымъ надзоромъ цензоровъ, передъ которыми они должны были оправдываться, въ случаѣ какого либо обвиненія; кромѣ того, они должны были ежегодно являться на смотръ, какъ выше упомянуто, съ своими конями, снаряженіемъ и оружіемъ. Здѣсь цензоры разбирали поведеніе каждаго всадника и отбирали у виновныхъ коней, лишая ихъ этимъ чести служить въ кавалеріи. Этотъ смотръ назывался „*equitum transvectio* или *provatio*.“ Ливій называетъ его нѣсколько разъ „*censuram tristem*“ и говорить, что этотъ смотръ произведенъ былъ въ первый разъ въ 449 году по основаніи Рима.

Обычай требовать всадниковъ къ одиночному осмотру (*equitum transvectio*) существовалъ и при императорахъ.

О смотрахъ третьяго и четвертаго рода, имѣвшихъ цѣлью различныя испытанія, трудно сказать что нибудь достовѣрное. Извѣстно только, что прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ мимо цензора ввелъ Квинтъ Фабій Рулліанъ Максимъ. Сначала смотръ этотъ производился 15-го іюля, а потомъ, независимо отъ этого, еще и 15-го марта. Плутархъ въ біографіи Помпея описываетъ смотръ слѣдующимъ образомъ: „Помпей представилъ народу восхитительное зрѣлище, когда давалъ отчетъ о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ. У римлянъ существовалъ обычай, по которому всадники, окончивъ свою военную службу, приводили коней своихъ на форумъ цензорамъ и публично сообщали имъ слѣдующее: въ какихъ походахъ каждый принималъ участіе, подъ чьимъ начальствомъ служилъ и какимъ образомъ освобожденъ отъ военной службы въ далекихъ краяхъ. Почестъ или позоръ выпадали на долю каждаго, сообразно его заслугамъ.“

Во время смотра, который производили всадникамъ цензоры Гелій и Лентуль. Помпей въ полныхъ консульскихъ знакахъ отличія, и ведя собственноручно своего коня, явился на форумъ. Приказавъ ликторамъ очистить себѣ дорогу, онъ подвелъ коня своего къ трибуналу. Удивленіе и восторгъ народа, и почести, возданныя цензорами, были непомѣрны. „Спрашиваю тебя, Помпей Великій (*Pompeius Magnus*), обратился старшій изъ цензоровъ, выполнилъ ли ты боевую службу такъ, какъ требуютъ законы?“ „Я все исполнилъ, отвѣтилъ громко Помпей, будучи самъ главнокомандующимъ“.

Римляне въ первые три столѣтія, по основаніи ихъ столицы, не имѣли другихъ войскъ, кромѣ собственно римскихъ потому, что рѣдко имѣли союзниковъ; покореннымъ же народамъ обыкновенно давали право римскаго гражданства, переселяя знатнѣйшія семейства въ Римъ, и замѣняя ихъ бѣдными римлянами (*coloniae*).

civitates, municipaliae). Посредствомъ этихъ мѣръ потеря въ людяхъ, причиненная войною, вознаграждалась, и побѣдители сливались, такъ сказать, въ одинъ народъ съ побѣжденными. Эта была одна изъ главнѣйшихъ причинъ прочной основы римскаго могущества.

Въ послѣдующія времена покоренные римлянами народы раздѣлены были на два рода: на союзные (socii), которымъ побѣдители оставляли прежніе законы и образъ правленія, и на подданные (dedititii), которые управлялись римскими наместниками. Изъ числа первыхъ набирались союзные легіоны (socii), имѣвшіе одинаковое устройство съ римскими, а вторые составляли войска вспомогательныя (auxiliares), которыя сохраняли прежнія свои тактическія правила, но состояли подъ начальствомъ римскихъ офицеровъ.

Во время набора легіоновъ въ Римѣ, подобный же, но менѣе сложный наборъ производился у союзниковъ, которыхъ консулы извѣщали о числѣ требуемыхъ войскъ и о сборномъ мѣстѣ арміи. Союзники обязаны были выставять вдвое, а иногда и втрое болѣе кавалеріи противъ самихъ римлянъ.

Конница союзниковъ имѣла нѣсколько подраздѣленій: 1) легіонная, въ которую выбирались люди по цензу, подобно тому, какъ и у римлянъ; 2) изъ нихъ отбиралась третья часть лучшихъ всадниковъ, которые назывались extraordinarii, и состояла въ непосредственномъ распоряженіи главнокомандующаго; 3) пятая часть экстраординарныхъ составляли тѣлохранителей вождя и назывались ablecti ¹⁾.

Поэтому постановленію лучше и знатнѣйшіе воины союзниковъ, находясь безпрестанно въ виду полководца, служили резервомъ арміи и залогомъ вѣрности своихъ соотечественниковъ.

Число и сила дружинъ, набираемыхъ у подвластныхъ народовъ, опредѣлялись обстоятельствами; но онѣ не входили въ составъ самой арміи, а образовали всегда отдѣльные отряды.

Кавалерія ихъ, подъ названіемъ конницы крыльевъ (alarii) и вспомогательной (auxiliares), большею частью располагалась на флангахъ арміи, употреблялась преимущественно передъ легіонной для развѣдывательной службы, преслѣдованія, и вообще играла роль легкой кавалеріи.

Со временъ Пуническихъ войнъ въ войскахъ римлянъ появляется наемная конница, именно: нумидійцы, галлы, въ послѣдующія времена республики и имперіи—различныя племена германцевъ и пр., которыя составляли конницу крыльевъ, въ то время какъ римляне выставляли легіонную конницу. Явились новыя подраздѣленія кавалеріи и самый составъ войскъ измѣнился въ ущербъ пѣхотѣ.

Говоря о римской кавалеріи, считаемъ не лишнимъ упомянуть о велитахъ, легкой римской пѣхотѣ, такъ какъ часть ея составляла съ кавалеріей нѣчто не-

¹⁾ При римскихъ вождяхъ состояли и пѣшіе extraordinarii и ablecti.

раздѣльное. Велиты, говоритъ Оттенбергеръ ¹⁾ впервые были сформированы во время войны, въ которую Флавій Флаккъ осаждалъ Капуу (542 г. до основ. Рима). Незначительное количество римской конницы не могло противустоять частымъ вылазкамъ непріятельской кавалеріи, а потому центуріонъ Невій выбралъ самыхъ легкихъ и быстрыхъ солдатъ, вооружилъ ихъ семью короткими и кривыми стрѣлами, далъ имъ нѣкоторое предохранительное вооруженіе и обучилъ быстро вскакивать на крупы коней всадниковъ и быстро съ нихъ соскакивать. Вслѣдствіе этого они получили возможность принимать участіе въ схваткахъ конницы, соскакивая съ круповъ и поражая стрѣлами непріятельскихъ коней ²⁾. Ливій говоритъ, что каждый велитъ былъ вооруженъ семью дротиками. „Когда удостовѣрились, продолжаетъ Оттенбергеръ,“ что ежедневными упражненіями велиты достигли известной ловкости, римскую кавалерію двинули противъ конницы кампанцевъ, построенной между лагеремъ и городской стѣною. Приблизясь къ непріятелю на разстояніе, удобное для метанія дротиковъ, римляне остановили лошадей и дали велитамъ соскочить. Вдругъ изъ рядовъ конницы выступила пѣхота и обсыпала непріятельскихъ всадниковъ дротиками. Новизна и неожиданность этого маневра распространила ужасъ въ рядахъ кампанцевъ: они бросились назадъ, и римская кавалерія преслѣдовала ихъ до городскихъ воротъ.... Съ тѣхъ поръ рѣшено было постоянно имѣть въ легіонахъ велитовъ“.

Формированіе велитовъ Оттенбергеръ относитъ къ 542 году по основаніи Рима, т. е. къ 211 до Р. Х., между тѣмъ, какъ положительно известно, что въ сраженіи при Тичино, въ 218 до Р. Х., велиты участвовали вмѣстѣ съ римской кавалеріей.

Польза велитовъ рельефно выказалась во второй половинѣ пунической войны и въ особенности въ сраженіи при Замѣ (202 г. до Р. Х.).

Римляне, подобно тому какъ и греки, въ началѣ сѣдель не знали. Вмѣсто сѣдель у нихъ были покрывала, прикрѣплявшіяся къ лошади посредствомъ трокровъ. „Иногда всадники,“ говоритъ Беренджеръ ³⁾, „этими троками привязывали къ лошади и себя.“

Ни одинъ изъ древнихъ римскихъ и греческихъ писателей не упоминаетъ о стременахъ. Точно такъ же не встрѣчается изображеній стремянь ни на одномъ памятникѣ или статуѣ. Римляне, точно также какъ и греки, садились на коней гимнастическими прыжками или при помощи другаго человѣка, какъ свидѣлствуютъ Юлій По-

¹⁾ Das Kriegswesen der Römer. Prag. 1824, стр. 60.

²⁾ Lib. 26. 4.

³⁾ Lib II, cap. VI.

лукусь, Волатеранъ и Вепецій. ¹⁾ Монфоконь говоритъ, что до тѣхъ поръ, пока неизвѣстны были сѣдла, неизвѣстны были и стремена.

Предохранительнаго оружія на лошадяхъ не было. Гуго говоритъ ²⁾, что у римлянъ были тяжело и легковооруженные всадники, но вооруженіе на коней не распространялось. Уздечка, какъ свидѣлствуютъ древніе римскіе памятники и Монфоконь, была совершенно сходна съ греческою и имѣла желѣзное удило и буголовье изъ сыромятной кожи.

До осады г. Веи у римлянъ не было постоянныхъ войскъ. Римляне, подобно грекамъ, тогда служили только до окончанія похода, или до наступленія осени и потомъ возвращались къ домашнимъ и сельскимъ своимъ занятіямъ; потому они рѣдко могли довершить пораженіе непріятели, или совершенно усмирить завоеванныя страны. Вслѣдствіе подобныхъ порядковъ каждый римлянинъ являлся въ собственной одеждѣ и съ своимъ оружіемъ; такъ что разнообразіе и въ томъ, и въ другомъ было большое.

Война римлянъ съ вейентинцами измѣнила это положеніе дѣлъ, и дала поводъ къ общему перевороту въ дѣйствіяхъ внѣшней политики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ разнымъ перемѣнамъ въ военномъ искусствѣ римлянъ. Желаніе покорить богатый и могущественный городъ Веи, стремившійся, подобно Риму, къ приобрѣтенію владычества надъ Среднею Италіею, мужественная оборона его жителей, продолжавшаяся десять лѣтъ и отвращеніе римскихъ гражданъ отъ службы въ столь долговременной войнѣ мало по малу принудили сенатъ выдавать воинамъ жалованье, продовольствіе и оружіе. Слѣдствіемъ этого было прекращеніе въ легіонахъ различія въ вооруженіи и одеждѣ. Строй и тактика были усовершенствованы. Правительство, не имѣя уже необходимости преждевременно распускать войско, могло приступить къ важнѣйшимъ внѣшнимъ предпріятіямъ.

Одежда римскаго войска состояла въ туникѣ, на подобіе шерстяной рубахи, недоходящей до колѣнъ и опоясанной широкиимъ ремнемъ (*singulum*), на которомъ висѣлъ съ лѣвой стороны мечъ; въ епанчѣ (*sagum*); въ кожаныхъ штанахъ и короткихъ сапогахъ или сандаляхъ (*caligae, ocreae*). Зимой воины носили также плащи съ воротниками (*lascena*). „Всадники древняго Рима,“ говоритъ Гуго, „предохранительнаго оружія не имѣли, шли въ дѣло въ обыкновенной своей одеждѣ и потому подвергались большой опасности; но, чтобы удобнѣе и легче вскакивать на коней, оноясывали себя повязкой ³⁾ или кушакомъ.“ „Вѣроятно,“ продолжаетъ Гуго, „у нихъ было что нибудь въ родѣ фартука, проходившаго между ляшками съ заду на передъ“. Говоря о предохранительномъ оружіи, Гуго, вѣроятно, имѣлъ въ виду только прикрытіе

¹⁾ Berenger стр. 82.

²⁾ De militia equestri antiqua et nova.

³⁾ Demilitia equestri..., глава IV.

груди и спины, потому что, по Полибію ¹⁾, римскіе всадники были вооружены щитомъ и копьемъ. Но кромѣ этого, въ четвертой главѣ своей книги Гуго упоминаетъ о легкомъ предохранительномъ вооруженіи, которое дѣлалось изъ льна, дерева, губки, веревокъ, шерсти, кожи, страусовыхъ кожъ, легкой бронзы, тонкаго желѣза, покрытаго листовымъ золотомъ. Бронзы, желѣза и прочихъ металловъ какъ видно изъ другихъ источниковъ, въ конницѣ для предохранительнаго вооруженія не употребляли, но положительно извѣстно, что, напримѣръ, самнитяне покрывали грудь губкою ²⁾.

Щиты были изъ бычачьей кожи, натянутой на деревянные рамы и „очень походили на тѣ овальные пироги, которые употребляются при жертвоприношеніяхъ“. Но подобнаго рода щитъ не даетъ никакой защиты, потому что онъ весьма не проченъ и размокаетъ отъ дождя.

Первоначально всѣ легкія войска римлянъ не носили никакого головного убора и были въ бою съ непокрытою головою. Но впоследствии, съ какого именно времени трудно опредѣлить, вѣроятно, со временъ войнъ съ Пирромъ, конница начала предохранять голову. Головной уборъ состоялъ въ легкомъ шлемѣ изъ листоваго полированного желѣза съ черными и красными перьями.

Копья римской конницы были плохи—тонки и гибки (*tranlant*). „Ихъ нельзя было,“ говоритъ Полибій, „метать вѣрно, и очень много ихъ ломалось во время движенія раньше сшибки съ неприятелемъ. Копья были деревянные съ желѣзнымъ остріемъ безъ оковки на нижнемъ концѣ.“ Это также Полибій относитъ къ дурной сторонѣ копья, такъ какъ, „если отскочить передній конецъ, копье дѣлается безполезнымъ“.

По этимъ причинамъ римляне начинаютъ перенимать вооруженіе отъ грековъ. „и дѣйствительно,“ говоритъ Полибій, „ихъ прочными и негибкими копьями наносится ударъ вѣрный и сильный; кромѣ того, они могутъ служить и другимъ концомъ, который также окованъ, какъ и передній. Тоже самое можно сказать и о щитахъ.“

Римская кавалерія строилась по турмамъ. Турма была вдвое меньше греческой филы и первоначальнаго илоса, именно заключала въ себѣ, какъ говоритъ Настъ ³⁾, 33 всадника, по Вегецію 32 или 34 ⁴⁾.

Каждая турма имѣла трехъ декуріоновъ (офицеровъ) и дѣлилась на 3 декуріи. Знатнѣйшій между декуріонами командовалъ турмою, остальные два заступали его мѣсто во время отсутствія и начальствовали декуріями. Въ каждой декуріи выбирался субдекурій—замыкающій.

¹⁾ Lib. VI.

²⁾ Livius. IX.

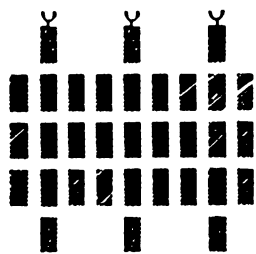
³⁾ Nast. Roemische Kriegsalterthuemer. Halle 1782. стр. 10. § 112.

⁴⁾ Lib. 2 с. 14.

„Древніе,“ говоритъ Гуго, „не опредѣляли точно интервала между отдѣльными всадниками“. Но Эллианъ требуетъ, чтобы всадникъ отъ всадника находился на разстояніи длины лошади. Судя по этому, можно предположить, что у римлянъ нормальный строй былъ разомкнутый и повороты производились въ одинъ конь. Гуго изъ Эллиана приводитъ слѣдующее: „декуріею называется 8, 12, 16 человекъ, состоящихъ подъ однимъ начальникомъ. Начальникомъ назначается лучший въ каждой декуріи. Декуріи становятся одна возлѣ другой. Впереди всѣхъ декуріоны, а занима ихъ декуріи.“

„Нѣтъ положительныхъ данныхъ“, говоритъ Настъ, ¹⁾ „чтобы судить о глубинѣ построения конницы. При турмѣ въ 30 человекъ, можно ее строить троякимъ образомъ: 1) 10 человекъ по фронту и 3 въ глубину; 2) 6 человекъ по фронту и 5 въ глубину, и 3) 5—по фронту и 6 въ глубину“. Разматривая наивыгоднѣйшее построение, должно склониться къ предположенію, что римляне строились первымъ способомъ, т. е., 10 всадниковъ по фронту и 3 въ глубину. Если принять во вниманіе сказанное Эллианомъ, что впереди стояли декуріоны, а за ними декуріи по порядку номеровъ, и что въ каждой декуріи былъ замыкающій, то наиболѣе подходящее построение при 33 всадникахъ будетъ слѣдующее:

Турма.

Но Полибій ²⁾ и Варронъ ³⁾ считаютъ турму въ 32 человека, а Вегецій въ 34 человека. Во времена Юлія Цезаря въ турмѣ было большею частью по 32 коня; впоследствии турмы римскія все увеличивались, такъ что Амміанъ ⁴⁾ говоритъ о двухъ турмахъ, въ которыхъ вмѣстѣ насчитывалось до 700 всадниковъ. Слѣдовательно число ихъ доходило въ турмѣ 350.

Повороты всѣ производились въ одинъ конь. Если нужно было проходить узкое мѣсто, то декуріи слѣдовали одна за другой, и потомъ заднія пристраивались къ переднимъ. Кромѣ того, производились такія же вздваиванія, какъ и у грековъ.

Чтобы сдѣлать сравненіе первоначальной турмы съ греческою тактическою единицею филою или илосомъ, необходимо обратить вниманіе на способъ боя римской кавалеріи въ эпоху времени до пуническихъ и греческихъ войнъ. Мы знаемъ, что римская кавалерія была вооружена легкими копьями. Для метанія этихъ копій самымъ удобнымъ строемъ былъ разсыпной, въ которомъ римская кавалерія, подобно первой греческой, подступала обыкновенно къ противнику, начинала бросать копья, и, когда противникъ былъ достаточно разстроенъ, выхватывала свои короткіе мечи и завязывала рукопашный бой. По-

¹⁾ § 115.

²⁾ Lib. IV.

³⁾ Varro, lib IV } смысла Гуго. De militia equestri.

⁴⁾ Ammianus. Lib 18. Смысла Гуго.

нятно, что эта атака происходила на самомъ близкомъ разстояніи; объ ударѣ и рѣчи быть не могло, и доказательствомъ этому служить то, что, если противникъ былъ стоекъ, римскіе всадники соскакивали съ коней и дрались пѣшкой.

Изъ этого видно, что нормальный строй турмы служилъ только для первоначальнаго построенія и маневрированія на полѣ сраженія, передъ вступленіемъ же въ бой онъ обращался въ разсыпной. При такомъ назначеніи величина и форма строя были цѣлесообразны: турма была поворотлива и допускала весьма быстрое построение разсыпнаго строя въ любую сторону. Илосъ, при его ббольшей глубинѣ и массѣ коней, былъ менѣе поворотливъ. Онъ занималъ по фронту почти столько же, сколько нынѣшній эскадронъ, но значительно превышалъ его глубину. Вслѣдствіе этого и командованіе илосомъ было труднѣе. Но зато турма вслѣдствіе потери быстро обращалась въ горсть людей, и, разсѣянная подобными мелкими кучками при напорѣ непріятельской конницы, могла оказать лишь самое слабое сопротивленіе. Вообще для производства атаки илосъ имѣлъ, по нашему мнѣнію, преимущество, не вслѣдствіе, конечно, своей глубины, но вслѣдствіе большой массы всадниковъ, которые во время атаки могли заполнить промежутки въ переднихъ шеренгахъ, и строй получалъ значительную густоту. Наконецъ кавалерія, построенная по турмамъ, менѣе способна была къ единому натиску по причинѣ множества начальниковъ мелкихъ частей, находящихся въ строю на довольно значительныхъ промежуткахъ.

Турмы строились на интервалахъ равныхъ длинѣ фронта турмы ¹⁾ и располагались по флангамъ боеваго порядка пѣхоты своего легіона. Если въ арміи было нѣсколько легіоновъ, то конница отъ нихъ иногда отдѣлялась. Легіонная кавалерія въ этомъ случаѣ или непосредственно примыкала къ флангамъ пѣхоты, или располагалась во второй линіи. Въ первомъ случаѣ конница вспомогательная становилась рядомъ съ легіонной на крайнихъ флангахъ, во второмъ вспомогательная въ первой линіи наравнѣ съ пѣхотой, а легіонная кавалерія за нею, какъ видно изъ чертежа № 2.

Экстраординарная конница и аблекты составляли особые резервы.

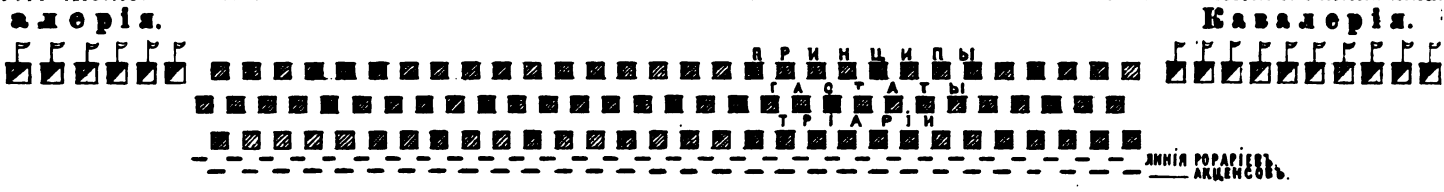
Боевой порядокъ пѣхоты римляне первоначально заимствовали отъ грековъ и строились въ одну линію фалангою; но, воюя въ гористой мѣстности съ горными племенами, нашли его неудобнымъ и со временъ войны съ вейентинцами, какъ говорятъ, диктаторъ Камиллъ ввелъ боевой порядокъ по центуріямъ квинкунціальный—въ пять линій.

Въ первой линіи строились принципы (опытные воины), во второй гастаты (молодые солдаты), въ третьей триаріи (ветераны); четвертую и пятую линіи составляли изъ легкихъ войскъ съ луками и пращами подъ именемъ рораріевъ и акценсовъ. Каждая линія легіона дѣлилась на 15 центурій изъ 64 человекъ. Сверхъ

¹⁾ Nast. стр. 326 и многіе другіе источники.

того къ легиону придавалось 10 турмъ конницы (300 всадниковъ), подъ названіемъ „крыла“ (ala). Такимъ образомъ сила легиона простиралась до 5100 человекъ.

2-й Легионъ. № 2. 1-й Легионъ.

Консульская армія.

До Сципіона Африканскаго римляне мало обращали вниманія на свою кавалерію, и потому она была и малочисленна, и плоха. Вначалѣ на одинъ легионъ пѣхоты (3000 человекъ) безъ легкихъ войскъ положено было имѣть 10 турмъ, т. е. 300 всадниковъ. Когда легионъ былъ увеличенъ до 4200 человекъ, число кавалеріи осталось тоже самое и увеличено было до 400 всадниковъ уже тогда, когда число пѣхоты въ легионѣ возрасло до 5000 ¹⁾. „Во время второй Пунической войны“, говоритъ Полибій ²⁾ „римляне набираютъ 4 легиона, каждый около 4000 человекъ пѣхоты и 200 конницы.“ Въ сраженіи при Каннахъ у римлянъ на 80000 пѣхоты было 7200 всадниковъ. Изъ этого видно, что, какъ сила легионовъ, такъ и численное отношеніе кавалеріи къ пѣхотѣ, не были постоянны, и до Сципіона Африканскаго конница составляла въ большинствѣ случаевъ менѣе чѣмъ $\frac{1}{10}$ часть пѣхоты.

Принимая во вниманіе многочисленныя назначенія конницы въ составѣ войскъ и особенное ея значеніе при отсутствіи огнестрѣльнаго оружія, такая слабость въ этомъ оружіи у римлянъ кажется странною.

Нѣкоторые это объясняютъ гористымъ мѣстоположеніемъ Италіи и недостаткомъ въ лошадяхъ. Къ этому можно прибавить, что и войны вначалѣ приходилось имъ вести съ народами слабыми въ конницѣ. „Быть можетъ“, говоритъ Настъ, ³⁾ „римляне полагали, что исходъ сраженія зависитъ главнымъ образомъ отъ дѣйствій пѣхоты; быть можетъ, они желали избѣгнуть расходовъ и другихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ содержаніемъ многочисленной кавалеріи?“ Но главной причины надо искать въ государственномъ устройствѣ Рима.

¹⁾ Livius, lib. X. 7.
²⁾ Bibliothèque militaire. Polybe, trad. de Dom. Thuiller, pag 502.
³⁾ Стр. 106, § 121.

Мы уже говорили, что всадники набирались изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ семействъ, 18-ти послѣднихъ центурій 1-го класса. Число достаточныхъ семействъ не увеличивалось такъ скоро, чтобы выставять опредѣленную часть конницы въ легионахъ, въ особенности когда римляне стали выставять въ полѣ арміи въ нѣсколькихъ легионовъ. Правительство требовало, чтобы всадники являлись на службу первоначально съ своими конями и оружіемъ, и отстраняло себя отъ всякихъ съ своей стороны пожертвованій въ пользу кавалеріи. Понятно, что, если представлялась возможность избавиться отъ дорогой и хлопотливой службы, то всадники не медлили этимъ воспользоваться. Незначительное содержаніе, назначенное правительствомъ во время осады Веи, не могло прельстить, и всадники, обладавъ значительными богатствами, приобрѣли громадный вѣсъ въ Римѣ, заняли важнѣйшія правительственныя мѣста и мало по малу совершенно отстранили себя отъ службы.

И такъ всадники нашли возможность уклоняться отъ службы, бѣдные классы не имѣли средствъ служить въ кавалеріи, правительство скупилось. Вотъ, какъ намъ кажется, главнѣйшія причины малочисленности первой римской кавалеріи. Независимо отъ уклоненія римскихъ гражданъ отъ службы въ кавалеріи и невниманія правительства къ этому роду оружія, конница римлянъ была плоха и по слѣдующимъ причинамъ.

1) Способъ боя не требовалъ особенной крѣпости сидѣнья всадниковъ въ сѣдлѣ, не требовалъ стройности эволюцій и движеній турмъ. Каждый всадникъ имѣлъ значительный просторъ и не стѣснялъ товарищей.

2) Вслѣдствіе этого отъ всадниковъ первоначально требовалась только одиночная ѣзда. Каждый изъ нихъ обязанъ былъ являться на смотръ цензоровъ, показать своего коня, свое оружіе и себя на конѣ; тщательное же обученіе частей и различныя испытанія были введены впоследствии.

3) Римскіе всадники плохо ѣздили. Это видно изъ того, что они привязывали себя къ сѣдлу ¹⁾; въ бою же предпочитали спѣшиваться, не довѣряя крѣпости своей посадки. Этотъ обычай вошелъ въ такое обыкновеніе, что конь служилъ всаднику не какъ оружіе, а какъ средство для скорѣйшаго, передвиженія, и, чтобы отъучить конницу отъ этой привычки, пришлось употреблять строгія мѣры.

4) Наконецъ можно прибавить къ этому, что хорошимъ кавалеристомъ можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ склонность къ этому оружію, чье честолюбіе задѣвается этою службой, или, наконецъ, чье существованіе отъ нея зависитъ.

Честолюбіе римскихъ всадниковъ находило гораздо болѣе удовлетворенія въ различныхъ государственныхъ должностяхъ и вліяніи на дѣло государства, въ особенности же съ тѣхъ поръ, какъ пришлось за недостаткомъ людей, удовлетвори-

¹⁾ Berenger. Die Geschichte der Reiter, стр. 75.

Котора копица М. Маркова.

А Н Н И В А Л Ъ.

ющихъ цевзу всадниковъ, ставить въ ряды конницы людей низшихъ классовъ. Всадники начали считать для себя униженіемъ стоять рядомъ съ плебеями. Въ ничтожномъ вознагражденіи, выдаваемомъ правительствомъ, всадники также, конечно, не нуждались. Поэтому знаменитый Сципіонъ Африканскій избѣгалъ формировать кавалерію изъ сословія всадниковъ, а бралъ людей изъ низшихъ сословій, которые бы зависѣли отъ службы.

По всеѣмъ этимъ причинамъ можно замѣтить, что римская кавалерія была весьма плоха; такою она явилась въ 1-й и 2-й Пуническихъ войнахъ, и римляне жестоко поплатились за свое невниманіе къ этому роду оружія.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію употребленія кареагенской кавалеріи во время Пуническихъ войнъ, которая подъ предводительствомъ Аннибала совершила чудеса на итальянской территоріи и заставила римлянъ обратить, наконецъ, вниманіе на этотъ родъ войскъ.

Г л а в а 6-я.

Кавалерія Аннибала. Иберійцы (испанцы), галлы. Легкая нумидійская конница и тарентинцы. Искусство Аннибала пользоваться кавалеріею въ бою. Бой при Тессино. Сраженія при Требин и Каннахъ. Употребленіе кавалеріи на театрѣ дѣйствій.

Кареагенскія войска, состоя большею частью изъ наемниковъ, были устроены полководцемъ Ксантиппомъ. Ксантиппъ, спартанецъ, пришелъ въ Кареагенъ съ дружиною грековъ и, будучи назначенъ главнокомандующимъ, обучилъ кареагенскія войска по греческому образцу. Но сами кареагеняне составляли незначительную часть войска, въ составъ котораго, кромѣ нихъ, входили греки, ливійцы, испанцы (иберійцы), галлы и нумидійцы.

Изъ греческихъ войскъ, служившихъ по найму, въ особенности замѣчательны кефалоняне, дававшіе кареагенянамъ прекрасную конницу.

„Кефалоняне“, говоритъ Страбонъ ¹⁾, „до такой степени превосходили все народы своею отличною конницею, что всякая война, въ которой они принимали участіе, оканчивалась въ ихъ пользу, такъ что обратилось въ поговорку: повершить или покончить кефалоняниномъ“. Ливій ²⁾ пишетъ, что въ Пуническомъ войскѣ лучшіе всадники были кефалоняне.

Ливійцы организованы были по образцу греческому и составляли лучшую пѣхоту Аннибала. Испанцы, со времени второй Пунической войны взятые въ ряды

¹⁾ Strabo, XIV.

²⁾ Livius, XXVI, cap. XXXVIII.

Аннибаломъ, выставляли часть пѣхоты и часть конницы. Пѣхота, вѣроятно, была устроена по примѣру грековъ, хотя объ этомъ нигдѣ не упоминается и хотя, судя по характеру дѣйствій, во время Лузитанской и Нумантинской войнъ, испанцы были превосходною легкою пѣхотою и дѣйствовали гверильясами ¹⁾. Конница же ихъ имѣла устройство одинаковое съ галльской конницею. Всадники вооружены были копьями, двумя мечами и имѣли круглыя кожаные щиты, шлемы и кирасы металлическія. „Кельтиберы“, говоритъ Діодоръ Сицилійскій ²⁾, вооруженные двумя мечами, одержавъ въ бою верхъ конными, соскакиваютъ съ коней и продолжаютъ бой пѣшими.

Страбонъ говоритъ ³⁾, что иберійцы сидѣли по два на одномъ конѣ, одинъ дрался пѣшкомъ другой съ коня. Это указываетъ на то, что иберійцы брали иногда съ собою легкую пѣхоту подобно тому, какъ римская кавалерія велитовъ.

Испанская конница сидѣла на испанскихъ лошадяхъ, которыхъ въ тѣ времена попадалось въ странѣ очень много, даже и въ дикомъ видѣ ⁴⁾.

Галлы составляли тяжеловооруженную кавалерію Аннибала. Страбонъ ⁵⁾ говоритъ, что всѣ вообще галлы народъ воинственный, но они больше кавалеристы, чѣмъ похотинцы; племя же тревиры, по свидѣтельству Цезаря, превосходитъ конницею своею всѣ прочія племена. Въ Галліи, говоритъ Страбонъ ⁶⁾, есть два класса людей, имѣющихъ вѣсь и значеніе: друиды и рыцари (дворяне), чернь занимаетъ мѣсто рабовъ. Друиды исполняютъ богослуженіе, а рыцари занимаются войною. Каждый изъ нихъ, смотря по положенію, окружаетъ себя бѣльшимъ или меньшимъ числомъ слугъ. Онъ же говоритъ, что галлы имѣли прекрасныхъ лошадей и платили за нихъ огромныя деньги.

О вооруженіи галловъ Полибій пишетъ, что латы и щиты ихъ были слишкомъ легки, а длинныя сабли, главное оружіе этого народа, такъ тонки, что сгибались и становились негодными къ употребленію, по нанесеніи ими нѣсколькихъ ударовъ.

Въ организаціи конницы галловъ, говоритъ Зедделеръ ⁷⁾, можно отыскать первые признаки рыцарства. Она составлялась изъ дворянъ и ихъ щитоносцевъ (сольдуровъ). Эти послѣдніе были юноши, также благороднаго происхожденія, которые, поступивъ на службу къ дворянамъ для изученія правилъ военнаго искусства, участвовали не только въ воинскихъ дѣйствіяхъ, но также во всѣхъ почестяхъ и

¹⁾ Зедделеръ, стр. 91.

²⁾ Lib. V cap. 9 и 5. 33.

³⁾ Strabo, 3. 4. 18.

⁴⁾ Strabo, 3, 4, 15.

⁵⁾ Lib. IV.

⁶⁾ Lib. VI.

⁷⁾ Исторія Воен. Искусства древнихъ народовъ.

кожицы Н. Маркова.

КЕЛЬТЫБЕРЫ (испанцы).

Источники: Welt in Waffen, Шлоссеръ и др. описанія.

Исторія козаци М. Маркова.

Г А Л Л Ъ.
СНИМОКЪ СЪ БРОНЗОВАГО ВЮСТА.
Источники: Hottenroth и Кругозеръ.

забавахъ своихъ повелителей и долженствовали вмѣстѣ съ ними побѣдить или погибнуть. Въ строю дворяне составляли первую, сольдуры, находясь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, вторую шеренгу.

Разсказывая о нашествіи Бренна, Павзаній ¹⁾ говоритъ: „кромѣ 60000 кавалеріи, было еще особыхъ 1200 всадниковъ. За каждымъ изъ этихъ послѣднихъ слѣдовали двое конныхъ слугъ, хорошо знакомыхъ съ искусствомъ ѣзды. Когда ихъ господа были въ бою, они стояли въ послѣдней линіи въ постоянной готовности подвести коня, если конь подъ господиномъ былъ убитъ, или вынести его самого изъ схватки, если онъ былъ раненъ; а въ случаѣ, если господинъ былъ убитъ, слуга становился на его мѣсто.

Если первый слуга былъ убитъ, то становился второй.

Первое нападеніе галловъ, сопровождавшееся крикомъ и звукомъ множества роговъ, было стремительно и грозно; но, будучи отбиты, они теряли бодрость и легко разстроивались, и потому Фабій выразился ²⁾, что первые бои галловъ были болѣе, чѣмъ бои мужчинъ, послѣдніе менѣе, чѣмъ женщинъ. Это объясняется непостоянствомъ характера галловъ, чрезмѣрною горячностью, быстро переходящею въ малодушіе.

Легкую и лучшую кавалерію Аннибала составляли нумидійцы, наводившіе однимъ своимъ появленіемъ ужасъ на римлянъ. „Ничего не можетъ быть презрительнѣе нумидійца на первый взглядъ“, говоритъ Титъ Ливій ³⁾. „Кони и люди малы и худы, всадники грязны, неопрятны, безъ предохранительнаго оружія съ нѣсколькими дротиками въ рукахъ; лошади безъ узды, даже скачутъ некрасиво съ вытянутыми шеями и головами. Но онѣ были чрезвычайно быстры и поворотливы“.

Описывая одинъ налетъ нумидійцевъ, Титъ Ливій говоритъ ⁴⁾: „въ числѣ союзныхъ войскъ консула было 800 нумидійцевъ. Начальникъ ихъ обѣщалъ консулу сдѣлать нападеніе въ какую угодно сторону и просилъ только указать, гдѣ больше непріятельскихъ силъ, намѣреваясь броситься на нихъ и зажечь крыши. Консулъ одобрилъ намѣреніе и обѣщалъ большую награду“. „Пренебреженіе, вызванное ихъ (нумидійцевъ) появленіемъ, они преднамѣренно увеличивали, падая съ лошадей и выставляя себя на посмѣшище. Поэтому непріятельскіе посты наконецъ сѣли и положили оружіе. Нумидійцы, между тѣмъ, подѣзжали все ближе, дѣлая видъ, что ихъ лошади заносятъ, и стараясь ихъ поворотить назадъ. Но вдругъ всѣ даютъ шпоры (?) лошадямъ, прорываютъ цѣпь аванпостовъ, летятъ къ ближайшему селенію и предаются все огню и мечу“.

¹⁾ Pausanius, lib. X.

²⁾ Strabo, Geogr. Lib. IV.

³⁾ Livius, lib. 35. 11.

⁴⁾ Lib XXXV, смысла Hugo. De militia equestri.

Нумидійцы не имѣли себѣ равныхъ въ малой войнѣ: засады, нечаянныя нападенія, набѣги составляли ихъ отличный способъ дѣйствій. Обезпечивая свою армію отъ нечаянныхъ нападеній, нумидійская конница непрерывно тревожила непріятеля; являясь неожиданно, нападала вдругъ съ разныхъ сторонъ; сражаясь малыми отрядами и въ разсыпную, исчезала въ случаѣ неудачи; угрожала флангамъ и сообщеніямъ и преслѣдовала противника во время отступленія, не давая ему отдыха.

„Между нумидійцами“ говоритъ Титъ Ливій ¹⁾, были всадники, ходившіе въ бой о дву—конь и мѣнявшіе ихъ во время боя.

Ни въ одномъ источникѣ не упоминается объ организаціи кавалеріи нумидійцевъ, хотя сомнѣнія быть не можетъ, чтобы масса всадниковъ въ 800 — 1000 и больше коней не имѣла подраздѣленій на мелкія части. Тоже самое надо сказать объ испанской и галльской конницахъ, всадники которыхъ, разставленные на болѣе или менѣе значительныя разстоянія, ходили въ атаку цѣлыми линіями; но для эволюцій, вѣроятно, дѣлились на части. На это указываетъ дѣленіе наемной или вспомогательной кавалеріи римлянъ при императорахъ, состоявшихъ часто изъ тѣхъ же галльскихъ или германскихъ народовъ и строившихся группами по 100, 200 и 500 коней въ каждой.

Въ боевомъ порядкѣ кавалеріи Аннибаль въ центрѣ, обыкновенно, ставилъ испанцевъ и галловъ; а нумидійцы располагались на флангахъ и, сидя на болѣе легкихъ лошадяхъ, во время атаки опережали центръ и наносили удары непріятелю во флангъ и тылъ. Гуго говоритъ ²⁾: „хотя Аннибаль дрался построеными, боевыми линіями, но нумидійцы всегда опережали ихъ“.

Атаки свои нумидійцы, вѣроятно, производили кучами или роями, на подобіе еракійцевъ. Трудно повѣрить словамъ Тита Ливія, что нумидійцы ѣздили безъ уздечки, управляя конемъ посредствомъ хлыстика. Можетъ быть передъ производствомъ атаки они иногда снимали уздечки, чтобы стремительнѣе врѣзаться въ ряды противника; но это указываетъ во всякомъ случаѣ на то, что нумидійцы при своихъ атакахъ считали главнымъ оружіемъ коня подобно тому, какъ мы увидимъ впоследствии, кавалерія Фридриха, который оружію кавалеріи не придавалъ никакого значенія, помимо коня.

Что обычай снимать узду или поводья при атакѣ существовалъ у нѣкоторыхъ народовъ, служить доказательствомъ то, что даже римская кавалерія въ этому иногда прибѣгала, вѣроятно, изъ подражанія нумидійцамъ. Настъ ³⁾, описывая способъ атаки римской кавалеріи, говоритъ: „Если непріятель строилъ клинъ (cuneus),

¹⁾ Lib. 23. 29.

²⁾ De militia equestri, гл. III, ссылка на Ливія, lib. XXII.

³⁾ Nast. Roemische Kriegsalterthuemer. Halle. 1782. § 118.

Н У М И Д І Е Ц Ъ.

Источники: Полибій, Титъ Ливій, Нуго и др.

то при атакѣ для увеличенія силы удара отдавали конямъ поводъ, даже снимали поводья совсѣмъ для того, чтобы всадники не могли сдерживать лошадей“.

Кромѣ нумидійцевъ, въ войскахъ Аннибала легкую конницу составляли тарентинцы, какъ увѣряетъ Гуго ¹⁾, ссылаясь на Тита Ливія ²⁾. О способахъ боя тарентинцевъ мы уже говорили, описывая конницу грековъ. Если, дѣйствительно, тарентинцы были у Аннибала, то, вѣроятно, послѣ сраженія при Каннахъ, когда онъ набиралъ и комплектовалъ войска свои въ южной Италиі.

Главное достоинство кавалеріи Аннибала заключалось въ томъ, что она вся состояла изъ привычныхъ съ малолѣтства къ коню и потому отлично ѣздившихъ всадниковъ.

Въ общемъ боевомъ порядкѣ своихъ войскъ кавалерію Аннибалъ ставилъ по преимуществу по флангамъ, а пѣхоту въ центрѣ.

Чтобы вѣрнѣе оцѣнить по достоинству умѣніе Аннибала пользоваться кавалеріей, постараемся разобрать походъ его изъ Испаніи въ Италию въ началѣ 2-й Пунической войны и нѣсколько данныхъ имъ римлянамъ сраженій.

Походъ этотъ представляетъ безпримѣрное явленіе въ исторіи. Зная препятствія, которыя должны были преодолѣвать при движеніи черезъ Альпы въ новѣйшее время Суворовъ и Бонапарте, невозможно объяснить успѣхъ предпріятія Аннибала. Кромѣ многочисленныхъ мѣстныхъ препятствій и отсутствія картъ, Аннибалу приходилось встрѣчать постоянно враждебныя дѣйствія варварскихъ племенъ, по землямъ которыхъ онъ проходилъ.

Переправясь черезъ р. Эбро съ 82 т. пѣхоты и 12 т. кавалеріи, онъ покорилъ многіе народы, обитавшіе на сѣверѣ Испаніи, что стоило ему большихъ потерь. Затѣмъ, оставивъ Гасдрубала съ 15 тысячами для обезпеченія Испаніи, и для охраны пиринейскихъ проходовъ Ганнона съ 11 тысячами, двинулся далѣе.

Походъ черезъ Галлію представляетъ рядъ стычекъ легкой кавалеріи Аннибала съ галлами, съ которыми хотя Аннибалъ и успѣлъ сблизиться и заключилъ союзъ; но непостоянные и недовѣрчивые галлы нѣтъ—нѣтъ да и устроятъ какую нибудь засаду, и, вслѣдствіе описанныхъ затрудненій, къ берегамъ Роны Аннибалъ пришелъ только съ 38 т. пѣхоты и 8 т. конницы.

Съ началомъ 2-й Пунической войны римляне сформировали три арміи и отправили одну въ верхнюю Италию, другую (Сципіона) на корабляхъ въ Испанію и третью (Семпронія) въ Сицилію.

Публій Сципіонъ, приплывъ къ Массиліи (Марсель) и узнавъ о приближеніи Аннибала, высадился съ войскомъ и двинулся навстрѣчу ему для воспрепятствованія переправѣ черезъ Рону.

¹⁾ De militia equestri.

²⁾ Ottenberger. Das Kriegswesen der Römer. Prag. 1824 стр. 104.

Получивъ извѣстіе о высадкѣ Сципіона, Аннибаль выслалъ противъ него 500 нумидійцевъ, а самъ подъ прикрытіемъ этого отряда ускорилъ движеніе и обогналъ римлянъ на три дня пути. Гнаться за нимъ римлянамъ было невозможно, и потому Сципіонъ посадилъ войска на суда и поспѣшилъ въ верхнюю Италію, чтобы вмѣстѣ съ расположеннымъ тамъ отрядомъ напасть на кареагенянъ, какъ только они спустятся съ Альпъ.

Прибывъ къ берегамъ Роны, Аннибаль рѣшился близъ Рокемора переправиться на лѣвый берегъ; но галлы, не смотря на союзъ, собрались на противоположномъ берегу для задержанія кареагенской арміи. Аннибаль отрядилъ вверхъ по теченію легкую кавалерію (нумидійцевъ), которая переправилась на тотъ берегъ вышла во флангъ и тылъ галламъ, и заставила ихъ очистить переправу.

Аннибаль торопился вторженіемъ въ верхнюю Италію, чтобы поднять противъ римлянъ ненадежныя племена галловъ. Съ неимоверными трудностями отъ голода, холода, недостатка путей и отъ нападенія враждебныхъ галльскихъ племенъ совершилъ онъ переходъ черезъ Альпы, и, сдѣлавъ въ мѣсяцъ 215 верстъ, явился въ верхней Италіи.

Потери были громадны: изъ всей арміи у Аннибала осталось 26 т. пѣхоты, 6 т. конницы и 12 слоновъ изъ 37.

Извѣстіе о вторженіи кареагенянъ въ верхнюю Италію, только что покоренную римлянами, произвело въ Римѣ ужасъ. Всѣмъ полководцамъ посланы были приказанія вернуться въ Италію; но Аннибаль, спустившись съ горъ, занялся покореніемъ галловъ, чтобы обезпечить свой тылъ; а затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ Аннибаломъ преимущественно вслѣдствіе удачныхъ дѣйствій его кавалеріи.

Сципіонъ, вернувшійся въ Италію, продвинулся съ своею арміею для встрѣчи съ Аннибаломъ и расположился на р. Требій.

Сраженіе при Тессино.

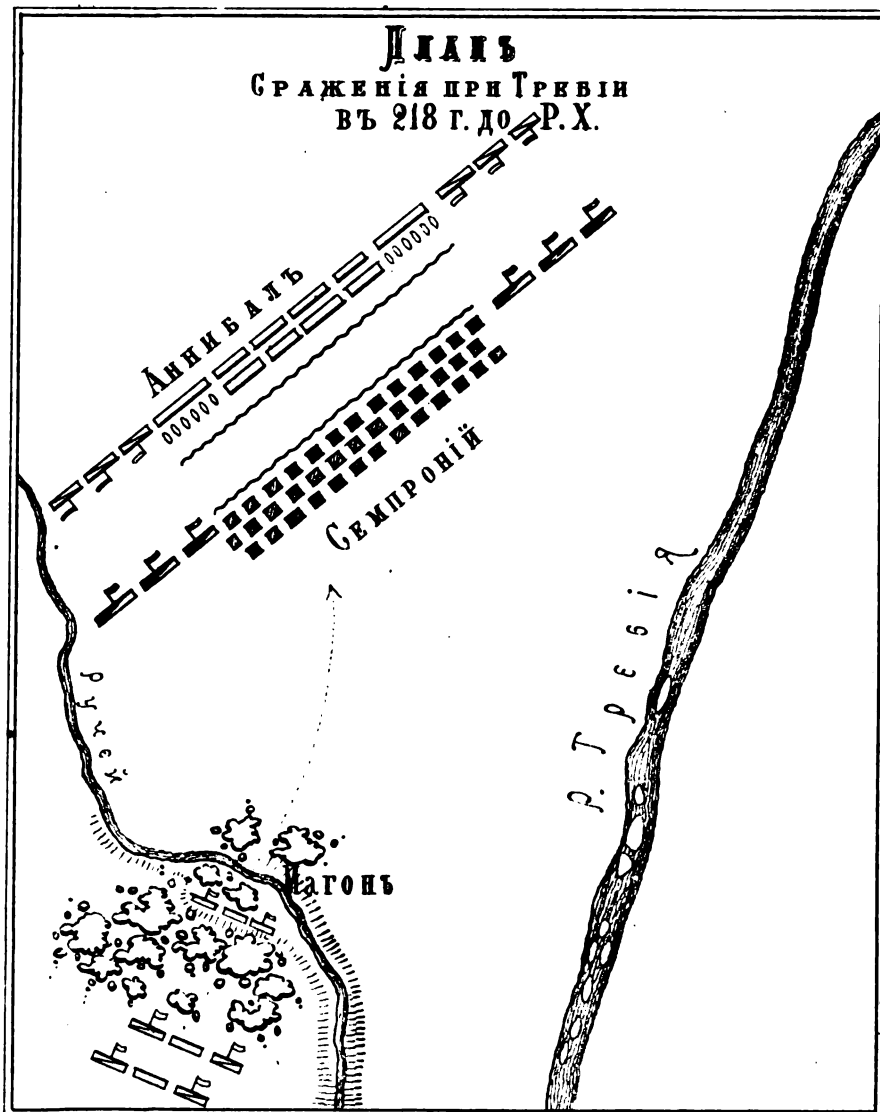
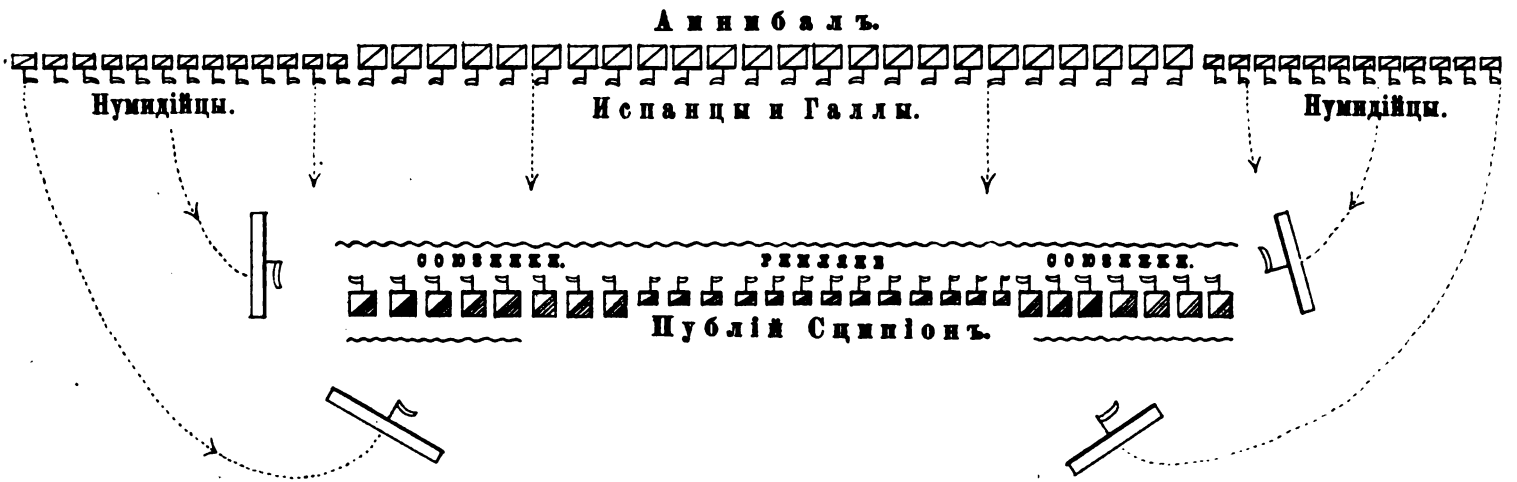
Первое дѣло, происходившее между кареагенянами и римлянами, было чисто кавалерійское. „Объ арміи“ говоритъ Полибій ¹⁾, „наступали другъ на друга вдоль р. Тессино, по берегу, ближайшему къ альпамъ,—римляне, имѣя рѣку слѣва, кареагеняне—справа. На другой день фуражиры противниковъ дали знать о наступленіи непріятеля, и объ арміи стали лагеремъ“.

На третій день Публій Сципіонъ со всею своею конницею (2 т.) ²⁾ и легкою пѣхотою (5 т.) вышелъ изъ лагеря, чтобы вблизи разсмотрѣть лагерь противника,

¹⁾ Bibliothèque militaire. Polybe, trad. de Dom. Thuiller. pag. 477—478.

²⁾ У Сципіона была римская конница и часть конницы союзныхъ галловъ.

ПЛАНЪ БОЯ ПРИ ТЕССИНО ВЪ 218 г. до Р. Х.

число и роды войскъ, и встрѣтилъ Аннибала, вышедшаго съ тѣмъ же намѣреніемъ съ одною только своею кавалеріею (около 6 т. всадниковъ).

Замѣтивъ по поднявшейся пыли приближеніе противника, обѣ стороны построились въ боевой порядокъ. Публий Сципіонъ, имѣя въ первой линіи велитовъ и галльскую конницу, а во второй римскую конницу и союзную, двинулся впередъ.

Аннибалъ наступалъ, имѣя въ центрѣ отборную испанскую и галльскую кавалерію, а на флангахъ нумидійцевъ, предназначенныхъ для охвата фланговъ противника.

Бой былъ общимъ желаніемъ обоихъ полководцевъ, и потому атака не замедлила. При первомъ же ударѣ легкая пѣхота римлянъ, не успѣвъ метнуть копья, испуганная конницею карфагенянъ, отступила въ интервалы турмъ. Затѣмъ послѣдовала атака испанской и галльской кавалеріи Аннибала, и завязалась жаркая схватка. Долгое время бой поддерживался равными силами съ той и другой стороны. Многіе всадники спѣшились, такъ что бой былъ пѣшій и конный. Мы знаемъ, что римская конница часто прибѣгала въ бою къ спѣшиванію; спѣшивались иногда и испанцы. Въ это время нумидійцы обскакиваютъ фланги римлянъ и атакуютъ съ тыла легкую пѣхоту, опрокидываютъ ее, бросаются въ тылъ конницѣ и рѣшаютъ бой. Часть римской кавалеріи, которую сильно стѣснили и смѣшали велиты, обращается въ бѣгство, другая собирается около консула.

Сципіонъ, самъ раненый, успѣлъ переправиться черезъ р. По и велѣлъ разобрать мостъ. Аннибалъ, разбивъ конницу, ожидалъ наступленія римской пѣхоты; замѣтивъ, что Сципіонъ снимаетъ лагерь, двинулся къ мосту, но былъ задержанъ, такъ какъ римляне успѣли снять большую часть настилки съ моста.

Для преслѣдованія Сципіона посланы были нумидійцы, которые, проходя чрезъ оставленный римлянами лагерь у Плаценціи (Шаценца), остановились, чтобы обыскать и зажечь его. „Это обстоятельство“, говоритъ Полибій ¹⁾ „спасло римлянъ, которые успѣли перейти Требію, не будучи никѣмъ обезпокоиваемы“.

Сраженіе при Требѣи.

Между тѣмъ прибылъ Семпроній и присоединилъ свою армію къ арміи Сципіона. Пылкій консулъ жаждалъ сразиться съ Аннибаломъ, но удерживался только совѣтами Сципіона. Замѣтивъ это, Аннибалъ началъ употреблять все мѣры, чтобы вызвать Семпронія на бой, такъ какъ мѣстность, на которую отступили римляне, была неудобна для дѣйствій кавалеріи, и это ему удалось.

Давъ людямъ поужинать, Аннибалъ приказалъ брату своему Магону выбрать лучшихъ и храбрѣйшихъ 1000 пѣхотинцевъ и 1000 кавалеристовъ и съ ними отправиться для устройства засады въ глубокомъ оврагѣ, поросшемъ густымъ ку-

¹⁾ Стр. 479. Bibliothèque militaire. Liskenne et Sauvan.

старникомъ, чтобы въ указанный моментъ ударить римлянамъ въ тылъ. На разсвѣтъ слѣдующаго дня Аннибаль послалъ нумидійцевъ черезъ Требію вызвать римлянъ на бой, при этомъ имѣлъ въ виду помѣшать римлянамъ подкрѣпить себя пищею, а своимъ людямъ приказалъ поѣсть и приготовить оружіе и коней къ бою. Увидавъ нумидійцевъ, Семпроній поднялъ свою кавалерію, приказалъ ей атаковать нумидійцевъ и въ подкрѣпленіе ей послалъ 6000 легкой пѣхоты; а вслѣдъ затѣмъ и всю армію сталъ переправлять черезъ Требію.

„Это было“, говоритъ Полибій ¹⁾, „зимой, шель снѣгъ, и былъ сильный холодъ. Выступивъ изъ лагеря бодро и съ полнымъ желаніемъ помѣряться съ кареагенянами, римляне отъ холода и голода скоро ослабѣли и, перейдя въ бродъ рѣку, вышли на равнину, удобную для дѣйствія конницы, чего только и нужно было Аннибалу“.

Аннибаль, имѣя впереди балеарскихъ пращниковъ ²⁾, также выступилъ впередъ, продвинулся на одну милю и выстроилъ армію въ боевой порядокъ. Въ центрѣ расположилась пѣхота, по флангамъ кавалерія, а впереди промежутковъ между пѣхотою и конницею слоны (20000 пѣхоты и 10000 кавалеріи). Семпроній отозвалъ свою кавалерію, бесполезно тратившую свои усилія противъ ловкихъ нумидійцевъ, и также развернулъ свои войска (36000 пѣхоты и 4000 кавалеріи) въ три линіи, съ велитами впереди и конницею по флангамъ.

Сраженіе началось боемъ легкой пѣхоты, и балеарскіе пращники имѣли перевѣсъ надъ римскими велитами; но Аннибаль отозвалъ ихъ за слоновъ, велиты также отступили въ промежутки гастатовъ ³⁾, и тяжелая пѣхота съ обѣихъ сторонъ начала сходиться. Едва произошло столкновеніе, какъ кареагенская конница съ такою стремительностью ударила на кавалерію римлянъ, что однимъ ударомъ опрокинула ее и обратила въ бѣгство ⁴⁾.

На открытыя фланги римской пѣхоты нашла легкая пѣхота кареагенянъ и конница и препятствовали имъ поддерживать пѣхоту центра, которая имѣла успѣхъ и оттѣснила кареагенскую пѣхоту. Римляне долго отражали всѣ нападенія, пока наконецъ Магонъ вышелъ изъ засады и атаковалъ легіоны, дравшіеся въ центрѣ. Фланги римлянъ были опрокинуты въ рѣку, третья и вторая линія, охваченныя съ тыла и фланговъ также были опрокинуты, и началась страшная

¹⁾ Стр. 481.

²⁾ Легкая пѣхота.

³⁾ Гастаты (молодые солдаты) составляли въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ римлянъ первую линію пѣхоты и строились по манипуламъ (120 человѣкъ), съ равными фронту промежутками. Во второй линіи строились принципы (бывалые) такимъ же порядкомъ; въ третьей триаріи (ветераны) манипулами же, въ 60 человѣкъ каждая.

⁴⁾ Полибій, стр. 480.

рѣзня: 26 тысячъ было изрублено и потоплено карфагенянами или взято въ плѣнъ. Изъ первой же линіи римлянъ, имѣвшей въ центрѣ успѣхъ, 10 тысячъ пѣхоты пробились и ушли подъ начальствомъ Сципіона къ Плаценціи.

Изъ разбора сраженія видно, что главный успѣхъ принадлежитъ конницѣ. Разгадавъ характеръ Семпронія, Аннибалъ вызвалъ его на мѣстность, способствующую дѣйствіямъ конницы, а особенно задуманной засадѣ.

Нумидійцы, подступивъ къ лагерю римлянъ, втянули въ бой римскую конницу, которую поддерживала пѣхота; сами ловко увернулись и навели римскую армию на Аннибала, который заблаговременно выступилъ впередъ. На успѣхъ центра своихъ войскъ онъ не рассчитывалъ, напротивъ воспользовался успѣхомъ римлянъ, чтобы сжать ихъ съ фланговъ. Тяжеловооруженная кавалерія, опрокинувъ римскую при помощи нумидійцевъ и легкой пѣхоты, привела въ безпорядокъ вторую и третью линіи, а ударъ Магона изъ засады совершенно ихъ сломилъ.

Сраженіе при Каннахъ.

Но самая блестящая побѣда карфагенской кавалеріи надъ римлянами была при Каннахъ за 216 лѣтъ до Р. Х. Римскія войска были расположены въ двухъ лагеряхъ по обѣ стороны р. Ауфиды и численностью простирались до 90000 (80000 пѣхоты и 7200 конницы) ¹⁾.

Карфагеняне также стояли въ укрѣпленномъ лагерѣ на правомъ берегу р. Ауфиды, близъ развалинъ замка Каннъ, и имѣли 40000 пѣхоты и 10000 конницы. Чтобы вызвать на бой римлянъ, дѣйствовавшихъ, послѣ нѣсколькихъ претерпѣнныхъ отъ карфагенянъ поражений, весьма осторожно, Аннибалъ выслалъ нумидійцевъ за р. Ауфиду тревожить войска малаго римскаго лагеря и препятствовать имъ водить лошадей къ Ауфиду на водопой. Нумидійцы не только исполнили это, но даже приблизились къ самому лагерю и дерзко нападали на стражей и часовыхъ.

Римскія войска и самъ Варронъ, одинъ изъ главнокомандующихъ ²⁾, были выведены изъ терпѣнія; и потому Варронъ, будучи очереднымъ главнокомандующимъ, рѣшился на слѣдующій день вступить съ Аннибаломъ въ бой.

Съ разсвѣтомъ онъ приказалъ выступить изъ обоихъ лагерей и строилъ войска большаго лагеря по мѣрѣ того, какъ они переходили рѣку, а войска малаго лагеря пристраивалъ къ нимъ. Пѣхота расположилась по манипуламъ ³⁾ въ три

¹⁾ По Полибію 80 тысячъ пѣхоты и нѣсколько больше 6 тысячъ кавалеріи. Голицынъ во Всеобщ. Военной исторіи ч. III, стр. 83—84 говоритъ, что въ кавалеріи праваго фланга было 2400 всадниковъ, а на лѣвомъ 4800.

²⁾ Ихъ было двое: Теренцій Варронъ и Павелъ Эмилиій, которые командовали арміею черезъ день по очереди.

³⁾ 10 человекъ по фронту и 16 въ глубину.

линіи. На крайнемъ правомъ флангѣ, примкнувъ къ рѣкѣ, расположилась римская конница; на лѣвомъ флангѣ арміи стала конница союзниковъ. Фронтъ римлянъ, обращенный къ югу, прикрыли вызванные впередъ велиты и легкія войска.

Въ то же время Аннибалъ приказалъ пращникамъ и легкимъ своимъ войскамъ перейти Ауфидъ, и подъ прикрытіемъ ихъ перевелъ прочія войска и поставилъ на лѣвомъ флангѣ галльскую и испанскую кавалерію въ двѣ лініи (²/₃ въ первой и ¹/₃ во второй, всего 8 тысячъ); въ центрѣ пѣхоту въ одну лінію позади пращниковъ и легкой пѣхоты; на правомъ флангѣ 2000 нумидійцевъ. Пѣхота выстроилась отдѣленіями въ 1000 человекъ каждое. Среднія отдѣленія были составлены изъ галловъ и испанцевъ, а боковыя изъ африканской, лучшей пѣхоты.

Бой начали легкія войска безъ явнаго перевѣса какой нибудь стороны, но съ одинаковымъ упорствомъ. Когда всѣ войска выстроились, Аннибалъ приказалъ Гасдрубалу съ кавалеріей лѣваго фланга атаковать римскую конницу. Схватка съ обѣихъ сторонъ произошла жестокая. „Римляне“, говоритъ Полибій ¹⁾, „дрались съ ожесточеніемъ, какъ варвары; сойдясь съ противникомъ, они соскочили съ коней и бились пѣшкой“. „Это“, говоритъ Голицынъ, ²⁾ „подало Аннибалу поводъ сказать, что—по немъ это было все равно, какъ если бы ему выдали этихъ всадниковъ, связанными по рукамъ и по ногамъ“. „Большая часть римлянъ“, говоритъ Полибій, „осталась на мѣстѣ, да иначе и быть не могло, такъ какъ пѣшему отъ коннаго не уйти; остатокъ былъ преслѣдуемъ и безпощадно изрубленъ. Павелъ Эмилиій, тяжело раненный, съ трудомъ спасся и, заранѣе предвидя участь римлянъ, сталъ во главѣ пѣхоты; а Гасдрубалъ, разгромивъ кавалерію праваго фланга римлянъ, понесся съ своею конницею позади ³⁾ лініи римской пѣхоты въ тылъ союзной римской конницѣ лѣваго фланга. Нумидійцы, почти одновременно съ конницею Гасдрубала двинувшіеся впередъ противъ союзной кавалеріи римлянъ, не имѣли успѣха, но непрерывными атаками заняли союзниковъ и помѣшали имъ подать помощь своей пѣхотѣ“.

Легкая пѣхота, прекративъ перестрѣлку съ обѣихъ сторонъ, отступила за тяжелую. Аннибалъ двинулъ испанцевъ и галловъ уступами изъ середины.

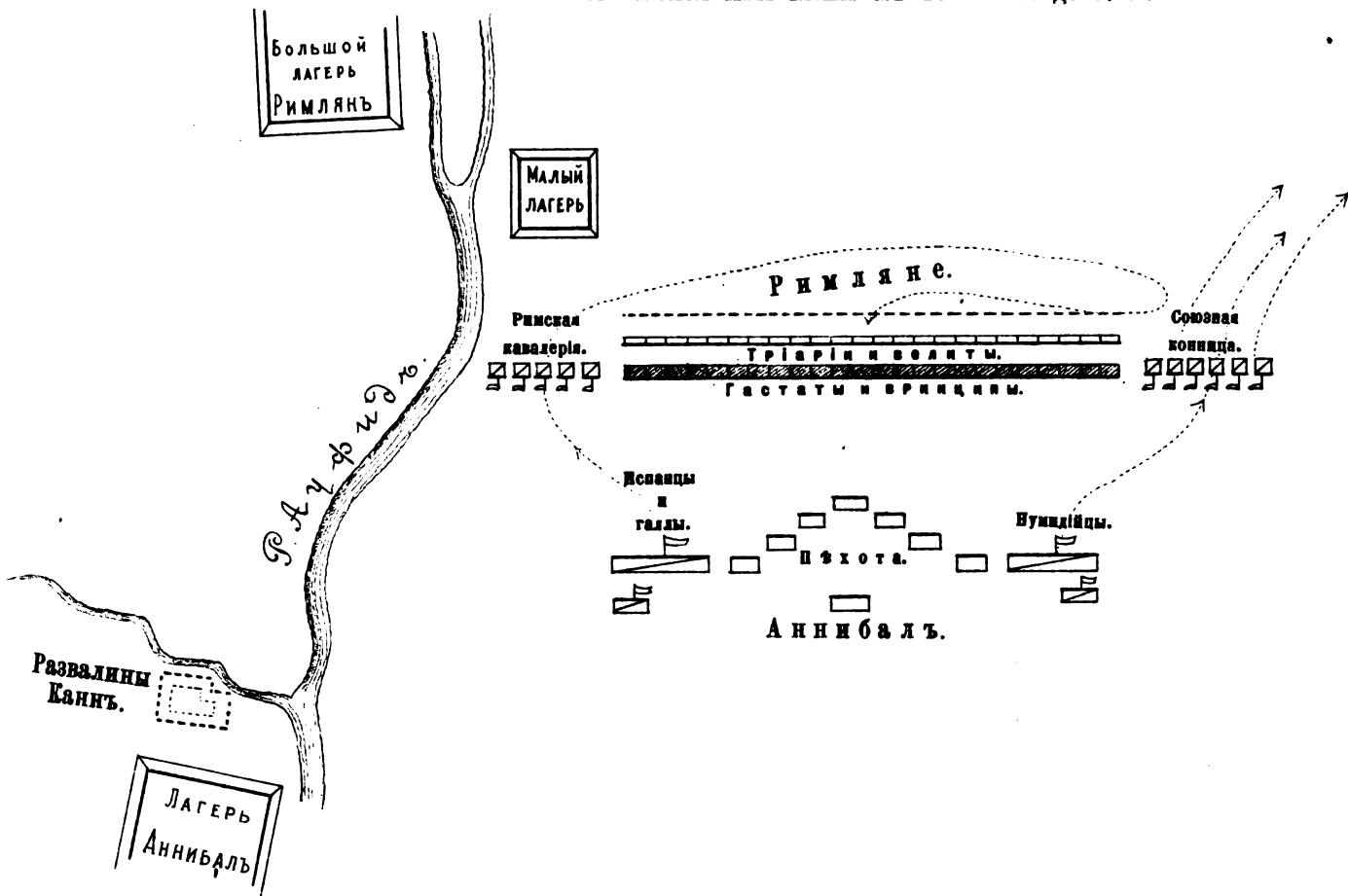
У римлянъ вторая лінія (принципы) вступила въ промежутки первой лініи (гастатовъ), и фронтъ образовался сплошной; легкая пѣхота, ставшая въ промежутки триаріевъ, образовала съ ними вторую лінію, которая послѣдовала за первой въ атаку. Вскорѣ середина 1-й лініи встрѣтила передніе уступы пѣхоты Аннибала. Испанская и галльская пѣхота, храбрая, но хуже римской вооруженная, сначала выдержала ударъ, но потомъ принуждена была уступить напору рим-

¹⁾ Стр. 505.

²⁾ Всеобщ. Воен. Исторія Голицына, томъ III, стр. 86.

³⁾ Тамъ же.

П Л А Н Ъ
СРАЖЕНИЯ ПРИ БАННАХЪ ВЪ 216 г. до Р. Х.

лянь, которые, преслѣдуя тѣмъ стремительнѣе, чѣмъ уступы непріятеля были ближе, въ свою очередь втиснулись въ строй кареагенянь клиномъ. Триаріи съ велитами надвинулись на принциповъ и гастатовъ, и всѣ легіоны пѣхоты начали скучиваться къ серединѣ и терять ряды. Аннибаль приказалъ легкой пѣхотѣ, составившей вторую линію поддержать испанцевъ и галловъ въ центрѣ, а африканцамъ, своей закаленной пѣхотѣ и недавно вооруженной Аннибаломъ по образцу римлянъ, атаковать скученную къ серединѣ римскую пѣхоту въ оба фланга.

Гасдрубаль, проскакавъ въ тылъ союзной римской кавалеріи, атакованной съ фронта нумидійцами, обратилъ ее въ бѣгство вмѣстѣ съ главнокомандующимъ Варрономъ и послалъ нумидійцевъ для преслѣдованія, а самъ съ испанцами и галлами обратился въ тылъ римской пѣхотѣ.

Полибій говоритъ ¹⁾, что „Гасдрубаль сдѣлалъ тутъ распоряженіе, доказывающее его умъ и ловкость: имѣя подъ рукою много нумидійцевъ и зная, что лучшее ихъ примѣненіе состоитъ въ преслѣдованіи, Гасдрубаль это дѣло имъ и поручилъ, а испанцевъ и галловъ повелъ въ атаку для поддержанія атаки африканской пѣхоты.

Между тѣмъ римская пѣхота, выдвинувшись впередъ клиномъ и сгруппировавшись къ серединѣ, пришла въ разстройство и была атакована въ оба фланга африканскою пѣхотою. Тщетно Павелъ Эмилиій старался возстановить порядокъ. Не дождавшись бѣдственнаго конца для римлянъ, онъ палъ смертью героя въ первыхъ рядахъ. Наконецъ подошелъ Гасдрубаль, врѣзался въ тылъ римлянъ и въ промежутки африканской пѣхоты. Такимъ образомъ келемволонъ (клепци) замкнулся со всѣхъ сторонъ, и началось настоящее побоище. Сжатые со всѣхъ сторонъ, римляне мѣшали другъ другу защищаться и бросили оружіе. Не смотря на это, остервенѣлые галлы, испанцы и африканцы продолжали безпощадно рубить римлянъ, и кольцо или кругъ, въ которомъ были стиснуты римляне, по мѣрѣ истребленія, все уменьшалось и уменьшалось до тѣхъ поръ, пока некого было рубить.

Изъ числа сражавшихся римлянъ спаслось только 70 римскихъ и 300 союзныхъ всадниковъ. Но Варронъ оставилъ въ большомъ лагерѣ два легіона для разграбленія лагеря Аннибала. Легіоны эти на другой день сдались на условія денежнаго выкупа.

Изъ разбора сраженія видно, что первая и самая важная неудача римлянъ произошла на ихъ правомъ флангѣ, гдѣ кавалерія ихъ, вопреки основнымъ свойствамъ оружія, на ровномъ мѣстѣ и въ виду превосходящаго числительностью противника спѣшилась. Причиною этому было неудовлетворительное состояніе римской конницы; всадники плохо ѣздили, чувствовали себя гораздо тверже на своихъ ногахъ, чѣмъ на

¹⁾ Стр. 505.

конѣ. Спѣшиваніе при столкновеніи съ непріателемъ въ римской кавалеріи вошло въ такую привычку, что нужно было, какъ мы выше замѣчали, прибѣгать къ стрѣжайшимъ мѣрамъ, чтобы отъучить отъ этого обыкновенія.

Бездѣйствіе кавалеріи лѣваго фланга, какъ кажется, произошло отъ бездарности самого Варрона, который взялъ на себя непосредственное начальствованіе конницею лѣваго фланга и былъ храбръ, какъ говоритъ Голицынъ ¹⁾, только до боя.

Что же касается неудачи превосходной римской пѣхоты, то и тутъ прежде всего виноватъ Варронъ, построившій принциповъ въ промежуткахъ триаріевъ, т. е. обратившій прерывчатый боевой порядокъ въ непрерывную линію—фалангу, и отнялъ у римлянъ способность къ наступательнымъ дѣйствіямъ и быстрому маневрированію. Линія триаріевъ съ велитами, не ожидая атаки съ тылу и не имѣя возможности поддержать сплошной строй растатовъ и принциповъ, невольно послѣдовала за ними въ отверстіе клина, рассчитывая поддержать прорывъ центра кареагенянъ. Но этого то только и хотѣлось Аннибалу.

Дѣйствія кавалеріи Аннибала образцово. Разгадавъ невѣжество Варрона и зная слабыя стороны римлянъ, онъ сосредоточиваетъ большую часть кавалеріи на лѣвомъ флангѣ противъ плохой римской конницы, чтобы сломить ее силой, такъ какъ фланги римской кавалеріи были прикрыты рѣкою и пѣхотою. Здѣсь онъ рассчитывалъ на вѣрный успѣхъ, но зная свойства кавалеріи, часть ея на всякій случай поставилъ въ резервъ.

На правомъ флангѣ поставлены были также съ резервомъ нумидійцы, на ловкость которыхъ Аннибалъ надѣялся и, хотя въ источникахъ ясно не говорится, но надо полагать, что атака Гасдрубала произведена значительно раньше, чѣмъ двинулись впередъ нумидійцы. На это наводитъ то, что фланги обѣихъ армій, и римской, и кареагенской, ближайшіе къ р. Ауфиду, были раньше построены. Своими непрерывными атаками нумидійцы успѣли удержать союзную конницу до прибытія Гасдрубала, хотя она была болѣе чѣмъ вдвое сильнѣе.

Гасдрубалъ, разгромивши правый флангъ, бросается на помощь лѣвому, бѣетъ его съ тылу, посылаетъ легкую конницу для преслѣдованія, а съ тяжеловооруженною, не теряя времени, опять идетъ на помощь пѣхотѣ; пользуясь своимъ положеніемъ, врѣзывается въ тылъ и фланги римлянамъ и довершаетъ побѣду. Всюду видна быстрота, энергія, находчивость.

Походъ изъ Испаніи черезъ Галлію въ Италію, переходъ черезъ Альпы и Клузійскія болота, рядъ блистательныхъ побѣдъ при Тессино, Требѣи, Тразименскомъ озерѣ, Каннахъ выказали, какъ геній Аннибала, такъ и громадное превосходство его кавалеріи надъ римской. Разбирая вообще дѣйствія Аннибала, мы

¹⁾ Всеобщ. Воен. Исторія. Томъ III, стр. 86.

видимъ, что большей части успѣховъ своихъ онъ обязанъ кавалеріи. Пѣхота, хотя въ непрерывныхъ походахъ и бояхъ закалилась и была не хуже римской, но дѣйствія ея всегда имѣли пассивный характеръ. Главная причина этому, разумѣется,—построеніе ея фалангою, на основаніи греческой тактики, неспособною къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Только геній Аннибала могъ извлекать изъ нея при подобныхъ обстоятельствахъ пользу. Но въ большинствѣ случаевъ пѣхота только сдерживаетъ противника, подготавливаетъ успѣхъ, а бьетъ кавалерія. Тяжеловооруженная кавалерія атакуетъ обыкновенно съ фронта, а легкая заскакиваетъ въ тылъ или устраиваетъ засаду.

Кромѣ того, въ дѣйствіяхъ Аннибала въ тактическомъ отношеніи мы находимъ искусство пользоваться мѣстностью для скрытія своихъ намѣреній и для демонстрацій. Большая часть побѣдъ одержана Аннибаломъ вслѣдствіе нечаянныхъ нападеній или засадъ, какъ побѣда при Требии и при Тразименскомъ озерѣ.

Не менѣе того и на театрѣ войны Аннибалъ весьма искусно пользуется кавалеріей. Легкая кавалерія его прикрываетъ движеніе арміи, развѣдываетъ, демонстрируетъ (переправа у Рокемора), фуражируетъ, вызываетъ противника на бой, неотступно беспокоитъ его на отдыхѣ и въ походѣ, разоряетъ въ случаѣ надобности край, а послѣ удачнаго боя преслѣдуютъ.

Какъ примѣръ прикрытія арміи кавалеріей, можно привести переправу черезъ Рону. Узнавъ о прибытіи римской арміи подъ начальствомъ Сципіона къ Массилии (Марсель) и желая избѣжать боя, Аннибалъ высылаетъ нумидійцевъ противъ Сципіона, подъ прикрытіемъ этого боковаго авангарда совершаетъ переправу и опережаетъ римлянъ на три перехода.

Въ 212 году, желая взять Тарентъ, занятый римскимъ гарнизономъ, Аннибалъ приблизился къ нему на 15 верстъ съ такими предосторожностями, что это казалось только обыкновеннымъ наступленіемъ передовыхъ легкихъ войскъ. Онъ взялъ съ собою 10 тысячъ отборныхъ войскъ пѣхоты и конницы, а впередъ версты на 4 выслалъ 80 нумидійцевъ съ приказаніемъ разсыпаться по полямъ, задерживать или убивать всѣхъ встрѣчныхъ сельскихъ жителей, чтобы тѣмъ прикрыть движеніе своего отряда. Начальникъ римскаго гарнизона въ Тарентѣ, принявъ нумидійцевъ за обыкновенныхъ фуражировъ, выслалъ противъ нихъ для развѣдыванія небольшую часть войскъ, которая донесли, что армія Аннибала не перемѣнила своего расположенія. Ночью же Аннибалъ скрытно приблизился къ Таренту и при помощи жителей вошелъ въ городъ, обманувъ такимъ образомъ римскій гарнизонъ при помощи конницы нумидійцевъ.

Сторожевая служба, рекогносцировки, малая война были на столько развиты въ арміи Аннибала, что ничего подобнаго ни у римлянъ, ни у другихъ народовъ мы не встрѣчаемъ. Доказательствомъ тому, что Аннибалъ получалъ вѣрныя свѣденія о мѣстности и непріятелѣ, служитъ его засада при озерѣ Тразименскомъ. Рим-

ляне, отступивъ изъ Верхней Итали въ Этрурію, знали только одинъ удобнѣйшій путь изъ Лигуріи, именно черезъ Бононію и Мутину къ Аррецію. На этомъ пути, въ мѣстности гористой и пересѣченной, они могли задерживать Аннибала своей пѣхотой на каждомъ шагѣ. Кромѣ того, Аннибалъ зналъ, что Сервилій, находившійся въ Римѣ, долженъ былъ вскорѣ прибыть съ двумя легіонами въ Арминію и напасть на него съ тыла, еслибы онъ двинулся на Фламинію къ Аррецію.

По этой причинѣ Аннибалъ произвелъ рекогносцировки и узналъ, что изъ Лигуріи въ Этрурію есть другой путь черезъ Парму и Апуа, берегомъ моря и вверхъ по правому берегу р. Арно, болѣе близкій, но весьма трудный по причинѣ разливовъ этой рѣки, образовавшихъ болота.

Карфагенская армія двигалась 4 дня и 3 ночи по сплошнымъ болотамъ, залитымъ водою; препятствія, которыя приходилось преодолевать, были громадны; самъ Аннибалъ, говорятъ, въ этомъ походѣ лишился глаза; но цѣль движенія была достигнута: Аннибалъ обошелъ римскую армію Фламинія и устроилъ ей неслыханную до того засаду со всеми своими войсками. Римляне никакъ не ожидали присутствія Аннибала и втянулись въ дефиле между озеромъ и горами, не принявъ предосторожностей. Аннибалъ заперъ выходы кавалеріей, на скатахъ горъ расположилъ пѣхоту и совершенно истребилъ римскую армію.

О вызовахъ противника наѣздниками нумидійцевъ на бой мы говорили неоднократно. Своими смѣлыми до дерзости набѣгами они раздражали римлянъ до крайности и заставляли выходить изъ своихъ укрѣпленныхъ лагерей въ открытое поле, что и нужно было Аннибалу для дѣйствій его кавалеріи и фалангъ пѣхоты, какъ это случилось при Требіи и при Каннахъ. „Часто подобное поддразниваніе“, говоритъ Гуго, ¹⁾ „вело къ большимъ сраженіямъ, такъ напримѣръ, ужасное побоище при Каннахъ началось легкою стычкою нумидійскихъ всадниковъ съ людьми, посланными римлянами за водой“. Далѣе Ливій говоритъ: ²⁾ „Аннибалъ приказалъ нумидійцамъ подъѣзжать къ воротамъ лагеря и метаніемъ своихъ копій вызывать римлянъ на бой“. Конница часто нападала на людей, ходившихъ за водой, провіантомъ, дровами или фуражемъ, приводила ихъ въ безпорядокъ и забирали весьма часто плѣнныхъ. ³⁾

Для сообщеній между частями армій въ походахъ и остановкахъ въ большинствѣ случаевъ употреблялись нумидійцы. Мы знаемъ примѣръ удивительной передачи пакета отъ жителей Капуи Аннибалу. Капуа была осаждена римскими войсками подъ начачальствомъ Аппія Клавдія и Фульвія Флакка, которые возве-

¹⁾ De militia equestri antiqua et nova, lib. X.

²⁾ Lib. XI.

³⁾ Hugo, тамъ же.

ли циркумъ и контръ-валаціонныя линіи и тщательно укрѣпились на всемъ про- странствѣ. Стѣсненные жители Капуи хотѣли просить помощи у Аннибала, и „одинъ нумидіецъ,“ говоритъ Голицынъ, ¹⁾ „успѣлъ пробраться сквозь линіи и привести Аннибалу письмо отъ капуанцевъ съ просьбой о помощи“.

Когда Гасдрубаль прибылъ изъ Испаніи въ Верхнюю Италію, то для увѣдомленія о своемъ движеніи и направленіи выслалъ 4-хъ галльскихъ и 2-хъ нумидійскихъ всадниковъ отыскать Аннибала. „Къ удивленію“ говоритъ Голицынъ, ²⁾ „всадники эти благополучно проѣхали черезъ всю Италію до самой Апуліи“. Хотя эти всадники, вслѣдствіе ошибки въ дорогѣ къ Метапонту, случайно попались въ руки римлянъ, но это указываетъ на способъ употребленія кавалеріи, практиковавшійся въ карфагенскихъ войскахъ.

Нѣкоторые военные писатели упрекаютъ Аннибала, что, разбивъ непріятеля, онъ рѣдко преслѣдовалъ его съ такою настойчивостью, какъ дѣлывалъ это Александръ Македонскій, и даже приводятъ слова Магарбала, ³⁾ будто бы сказанныя Аннибалу послѣ побѣды при Каннахъ: „Ты умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоваться своими побѣдами“. Чтобы опровергнуть это, припомнимъ распоряженія Аннибала послѣ разобранныхъ нами его побѣдъ: при Требии посланные для преслѣдованія нумидійцы увлеклись грабежемъ лагеря; при Каннахъ некого было преслѣдовать; послѣ же разгрома при Тразименскомъ озерѣ преслѣдованіе произведено было блистательнымъ образомъ. Изъ 40 тысячъ римской арміи 30000 погибло въ бою, потонувшими и съ отчаянія умертвившими самихъ себя; 10 тысячъ человекъ успѣли кое-какъ разсѣяться по разнымъ дорогамъ и бѣжать въ Римъ, а около 6-ти тысячъ, бывшихъ въ головѣ колонны, пробиться на гору и отступить къ Перузій. Но Аннибаль послалъ за ними Магарбала съ тяжелой конницей, за которою отправилъ испанцевъ съ легкой конницей, и на слѣдующее утро эти 6 тысячъ римскихъ войскъ положили оружіе.

Вообще Аннибаль при всякой обстановкѣ умѣлъ извлечь изъ кавалеріи своей наибольшую пользу, „чрезвычайно заботился о ней“, говоритъ Голицынъ, ⁴⁾ „и ее берегъ“. Римскія войска, при слабости своей кавалеріи, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда одерживали верхъ надъ карфагенянами, не могли извлечь изъ этого возможной пользы для себя; точно также они съ трудомъ могли собирать продовольствіе и фуражъ, потому что непріятельская кавалерія рыскала кругомъ ихъ по всемъ направленіямъ. Примѣрная храбрость пѣхоты не могла оградить ихъ отъ потерь, и въ каждомъ дѣлѣ, даже и послѣ успѣха, существованіе ихъ находилось въ большой опасности.

¹⁾ Всеобщ. В. Исторія Т. III, стр. 143.

²⁾ Тамъ же, стр. 176.

³⁾ Предводитель конницы Аннибала.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 237.

Глава 7-я.

Вліяніе пуническихъ и греческихъ войнъ на увеличеніе конницы въ составъ армій. Введеніе предохранительнаго вооруженія и закривленной сабли. Снаряженіе кавалеріи. Свѣденія о ковкѣ и ремонтірованіи. Обученіе римской конницы.

Римляне, по преимуществу народъ воинственный, никогда не пренебрегали и всегда были готовы заимствовать у другихъ народовъ, даже необразованныхъ, то, что находили въ военныхъ учрежденіяхъ практически полезнымъ и достойнымъ подражанія. Первое столкновеніе римлянъ съ греками—съ Пирромъ и затѣмъ въ 1-й Пунической войнѣ съ сицилійскими греками и съ карфагенянами, строившимися и сражавшимися по греческой системѣ, выказали римлянамъ превосходство ихъ собственной пѣхоты и прерывчатаго боеваго порядка легіона, по манипуламъ и когортамъ, надъ греческою тактикою и непрерывнымъ боевымъ порядкомъ въ формѣ фаланги. Въ упомянутыя войны всѣ тактическія движенія и дѣйствія легіона были просты, несложны, немногочисленны, почти опредѣлительны на каждый случай; а когда обстоятельства выходили изъ ряду обыкновенныхъ, предводители римскихъ армій самолично, по внушенію собственной опытности и дарованій, принимали сообразныя съ тѣмъ мѣры, чему способствовали прерывчатость боеваго порядка и превосходное состояніе пѣхоты. Но съ первыхъ же столкновеній съ Пирромъ, въ арміи котораго была превосходная ессалійская конница и легкіе еракійцы, выказалась несостоятельность римской кавалеріи; несостоятельность и слабость ея еще больше выказалась въ войнахъ съ сицилійскими греками и особенно карфагенянами, въ рядахъ которыхъ были знаменитыя конницы кефалонянъ, нумидійцы и тарентинцы. Однако римляне первоначально этого не сознавали или скупились, такъ какъ конница стоила правительству дорого. Считаая пѣхоту главнымъ родомъ оружія, они на нее сосредоточивали все вниманіе, лучше ее вооружали и обращали вниманіе на обученіе; а внутренній порядокъ въ государствѣ въ большинствѣ случаевъ способствовалъ одолѣнію враговъ Рима.

Во второй Пунической войнѣ противъ римлянъ явился великій полководецъ Аннибаль, который рядомъ погромовъ уничтожилъ одну за другою нѣсколько ихъ армій, не смотря на превосходство пѣхоты и прерывчатаго боеваго порядка надъ фалангою. Но въ большинствѣ сраженій, данныхъ римлянамъ, Аннибаль былъ сильнѣе въ кавалеріи; кавалерія его качествами превосходила римскую, и ею то—кавалеріею, какъ было неоднократно замѣчено, Аннибаль и громилъ римлянъ.

Жестокій опытъ поражений отъ Аннибала пробудилъ наконецъ римлянъ и обратилъ ихъ вниманіе на необходимость увеличить количество кавалеріи въ составъ своихъ армій и улучшить ея качества. Пользуясь невыгоднымъ положеніемъ Аннибала послѣ Каннскаго сраженія, когда онъ, не получая ни-

какой помощи отъ кареагенскаго правительства ни людьми, ни деньгами, принужденъ былъ набирать и содержать свои арміи на счетъ Италіи, они успѣли увеличить свою конницу на первыхъ порахъ наймомъ, перезвали на свою сторону большинство галловъ и нумидійцевъ; а послѣ взятія Новаго Кареагена и испанцы (кельтиберы) перешли на сторону римлянъ, такъ что на разныхъ театрахъ войны у нихъ дѣйствуетъ до 20 тысячъ конницы. Мы замѣчаемъ, какъ театромъ войны мало по малу овладѣваютъ римляне, стѣсняють Аннибала, конница ихъ начинаетъ препятствовать кареагенянамъ фуражировать и хозяйничать въ Италіи, и наконецъ римляне переносятъ войну въ Африку.

Съ тѣхъ поръ отношеніе числительности кавалеріи къ пѣхотѣ въ римскихъ арміяхъ увеличивается. Въ началѣ, какъ мы уже говорили, это отношеніе было $\frac{1}{10}$, потомъ, когда легионъ былъ увеличенъ до 5 тысячъ— $\frac{1}{12}$ и $\frac{1}{13}$; во время 2-й Пунической войны, по Полибію, $\frac{1}{20}$; въ сраженіи при Каннахъ на 80 тысячъ пѣхоты 7200 всадниковъ; въ сраженіи при Замѣ, въ концѣ 2-й Пунической войны, на 42 тысячи пѣхоты 6700 конницы, т. е. болѣе $\frac{1}{6}$; во время междоусобныхъ войнъ (между 133—30 г. до Р. X.) отношеніе было обыкновенно $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{7}$ ¹⁾; въ сраженіи при Фарсалѣ у Помпея на 47 тысячъ пѣхоты было 7 тысячъ конницы.

Увеличивая численность кавалеріи, римляне наконецъ обратили вниманіе и на улучшеніе качествъ своей, собственно римской, конницы. Улучшеніе коснулось прежде всего вооруженія. Послѣ войны съ Пирромъ впервые въ римской конницѣ является предохранительное вооруженіе, а потомъ постепенно мѣняется все оружіе. „Конница римская“, говоритъ князь Голицынъ ²⁾, „до самой 2-й Пунической войны включительно, была вооружена менѣе и хуже, нежели пѣхота“. „Въ настоящее время“, пишетъ Полибій ³⁾, повѣствуя о 2-й Пунической войнѣ, „оружіе римлянъ тоже что у грековъ: копьа прочны и окованы съ двухъ концевъ. Оба конца могутъ быть употребляемы въ дѣло, да и щитамъ дали болѣшую прочность и крѣпость.

Всадникамъ даны были шлемы (cassis), панцыри или латы, прикрывавшіе туловище, (logica, cataphracta) ⁴⁾, овальные щиты (elyreus), наожники и сапоги. Изъ нападательнаго оружія кавалерія имѣла, кромѣ копій, саблю и кинжалъ.

Копья или копье было коническое длиною въ 10—11 футовъ, снабженное по концамъ желѣзными наконечниками для того, чтобы всадникъ, сломавъ одинъ конецъ, могъ дѣйствовать другимъ. Впрочемъ копьа употреблялись только при первомъ ударѣ, затѣмъ ихъ бросали и брались за сабли.

¹⁾ Голицынъ, томъ 3, стр. 283.

²⁾ Всеобщ. Воен. Исторія, 7. 2, стр. 99.

³⁾ Bibliothèque militaire. Polybe, trad. de Dom. Thuiller, pag. 628. *Nast. Römische Kriegsalterthümer.* Halle. 1782, стр. 103, § 117.

⁴⁾ Слово cataphracta обозначаетъ полный панцырь, который прикрывалъ туловище спереди, сзади, а равно и руки. *Nast.* Тамъ же.

Сабля была главнымъ оружіемъ конницы и имѣла назначеніе по преимуществу рубить.

Кинжалъ употреблялся уже въ самой свалкѣ, чтобы доканать противника сътаго съ лошади.

Швебель замѣчаетъ по Полибію ¹⁾, что испанцы, вооруженные кинжалами, принудили римлянъ вооружить свою пѣхоту короткою саблею, удобною для укола. Сабля эта называлась испанскою саблею и подробно описана у Полибія въ своемъ мѣстѣ. По свидѣтельству Іосифа, римляне носили короткую саблю для укола съ правой стороны, длинную же саблю, или вѣрнѣе мечъ, удобный для укола и удара съ лѣвой стороны. Сабли эти, или вѣрнѣе мечи, имѣли кривизну, были сдѣланы прочно и отлично точились; „и уже въ 1-й Македонской войнѣ“, говоритъ князь Голицынъ ²⁾, „вооруженная такимъ образомъ римская конница не только сравнялась съ македонскою и греческою, но даже превзошла ихъ въ дѣйствиі бѣлымъ оружіемъ.

Снаряженіе римской кавалеріи въ описываемое время состояло изъ двухъ попонъ, нижней и верхней, изъ сукна, кожи или мѣха, укрѣпленныхъ подпругой, нагрудникомъ и подхвостникомъ. Нижняя попона была длиннѣе и шире, иногда съ бахромой по краямъ, а верхняя короче и уже съ вырѣзными (фестонами) нижними краями. Обѣ попоны скрѣплялись одна съ другою лентами, или пуговицами, или ремнями. Нагрудникъ и подхвостникъ имѣли металлическія бляхи въ видѣ кистей, цвѣтовъ, полумѣсяцевъ и т. п. Для управленія лошадыю имѣли уздечку съ двумя поводьями, головными ремнями и украшеніями.

На снаряженной такимъ образомъ лошади сидѣлъ римскій всадникъ, держа въ лѣвой рукѣ щитъ и поводья, правую же руку имѣя свободною для дѣйствія пикой и мечомъ. Легко себѣ представить, какъ былъ всадникъ стѣсненъ щитомъ въ управленіи лошадыю. Въ этомъ отношеніи греки лучше сообразили вооруженіе своей конницы, не давая ей щитовъ.

„У грековъ и варваровъ“, говоритъ Гуго ³⁾ кони покрывались иногда особымъ предохранительнымъ вооруженіемъ, чего у римлянъ не было. А Юлій Поллукъ ⁴⁾ и Левъ Императоръ пишутъ, что нѣкоторыя лошади, особенно префектовъ, вооружены были налобниками и нагрудниками, дѣлавшимися изъ металловъ (жельза), кожи и льна; а на иныхъ надѣвали чешуйчатые панцыри, покрывавшіе все тѣло.

Происхожденіе сѣделъ достовѣрно неизвѣстно. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей, говоритъ Беренджеръ ⁵⁾, предполагаютъ, что они изобрѣтены Саллическими франками и производятъ отъ него латинское sella—сѣдло. Но это не-

¹⁾ Lib, 6 cap. 21. Nast. Тамъ же.

²⁾ Тамъ же. Часть 2, стр. 99.

³⁾ Lib. I, cap. X. De militia equestri antiqua et nova, гл. III. Hugo.

⁴⁾ Tact. cap. VI, § 38. Тамъ же.

⁵⁾ Die Geschichte des Reiters, стр. 80.

худож. М. Маркова.

РИМСКІЙ ВСАДНИКЪ.

Источники: Hottenroth, Geschichte der Costüme, Rom von Waegner, кн. Голицынъ и мног. друг. описанія.

больше, какъ простое предположеніе потому, что слово „sella“ означаетъ вообще предметъ, на которомъ сидятъ, а не имѣетъ исключительное значеніе сѣдла. Только обычай и употребленіе въ позднѣйшія времена ограничило значеніе слова sella, не смотря на то, что самый предметъ не былъ извѣстенъ римлянамъ.

Первый разъ упоминается о сѣдлахъ въ 340 году по Р. Х. Зонарій ¹⁾ (Zonaras) говоритъ: „когда Констанцій хотѣлъ вырвать престолъ у своего брата Константина, онъ поставилъ противъ него свою армію. Атакуя эскадронъ, при которомъ находился Константинъ, онъ выбилъ его изъ сѣдла и сшибъ съ лошади“.

Императоры Валентиніанъ, Θεодосій и Аркадій опредѣлили вѣсъ сѣдла съ уздою въ 60 фунтовъ, а чемоданъ въ 35. Кто осмѣливался отступить отъ этихъ постановленій, у того отбирали чемоданъ и рубили сѣдло ²⁾. Ни одинъ изъ древнихъ писателей, какъ мы уже замѣчали, говоря о снаряженіи греческой конницы, не упоминаетъ о стременахъ. Не встрѣчается и изображенія ихъ на монументахъ, памятникахъ или статуяхъ. Римляне точно также, какъ и греки, садились на коней гимнастическими прыжками или помощью другаго человѣка, какъ объ этомъ свидѣтельствуя Юлій Поллуксъ, Волатеранъ и Вегецій ³⁾.

Монфоконъ (Montfaucon) говоритъ, что до тѣхъ поръ, пока неизвѣстны были сѣдла, неизвѣстны были и стремена ⁴⁾. Хотя князь Голицынъ говоритъ ⁵⁾, что стремена появились въ VI вѣкѣ, но, вникая въ слова Монфокона, какъ то хочется думать, что стремена должны были явиться если не раньше, то, по крайней мѣрѣ, одновременно съ сѣдломъ. Сѣдло есть усовершенствованная поппона съ цѣлью твердымъ выгибомъ въ видѣ жолоба вдоль спины лошади, облегчить хребетъ ея отъ давленія всадника. Все остальное въ сѣдлѣ, придуманное для удобства всадника, само собою должно было явиться: первымъ дѣломъ, чтобы всадникъ сидѣлъ не на тычкѣ и чтобы ноги по возможности не затекали.

Извѣстно, что до появленія стремянъ древніе кавалеристы, прослуживъ въ конницѣ нѣсколько лѣтъ, страдали болью въ ногахъ и особенно въ ступнѣ вслѣдствіе прилива крови. Не хочется вѣрить, что, замѣтивъ это обстоятельство, не придумали какихъ нибудь веревочныхъ или ременныхъ петель для упора ногъ. Мы не можемъ привести источника, откуда почерпнули, что будто бы именно такими петлями подвязывали себѣ ноги на конѣ скины и парояне. Если это такъ, то понятіе о стременахъ явилось задолго до изобрѣтенія сѣдель.

¹⁾ Тутъ же. Беренджеръ, стр. 81.

²⁾ Беренджеръ, стр. 82.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 86.

⁵⁾ Часть 2, стр. 100.

Ковки римляне, какъ и греки, не знали, въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь ее понимаемъ. Извѣстно, ¹⁾ что древніе старались предохранить копыта лошадей посредствомъ башмаковъ или лаптей, сплетенныхъ изъ соломы или изъ камышевой мочалы и другихъ плотныхъ растительныхъ волоконъ, крѣпкаго холета, кожи и прочаго. Для большей прочности на нижнюю поверхность башмаковъ пришивали кожу или придѣлывали металлическія пластинки изъ желѣза, мѣди, серебра и золота. Къ ногамъ лошади они прикрѣплялись посредствомъ веревокъ и ремешковъ.

Древніе персы и греки употребляли такіе башмаки для испорченныхъ копытъ, о чемъ упоминаетъ Аристотель. ²⁾

„Судя по историческимъ запискамъ конюха муловъ римскаго императора Веспасіана, кажется,“ говоритъ Гольцманъ, ³⁾ „что копыта этихъ животныхъ въ это время еще не были кованы, а только въ дорогу, и то по дурной почвѣ, на нихъ надѣвали башмаки. Это доказываетъ, что въ то время сознавали необходимость посредствомъ бандажей предохранять копыта лошадей и муловъ отъ стирания и отъ поврежденія“.

„Въ нѣкоторыхъ запискахъ латинскихъ писателей, напр. Вегетіуса Ренату (римскій ветеринаръ въ VI столѣтіи до Р. Х.) ⁴⁾, Плинія Старшаго, Колумелла, Катутла (всѣ въ I столѣтіи до Р. Х.) встрѣчаются выраженія „solea ferrea, solea auro, soleae argenteae, solea spartea“ и т. д. Нѣкоторые хотятъ подъ этимъ выраженіемъ понимать ковку лошадей; но, по объясненію достойныхъ довѣрія ученыхъ, слова эти означаютъ только подошву изъ желѣза, золота или серебра, или просто—надѣвать чулки, бандажи.

У Светонія, въ его біографіи первыхъ 12 римскихъ императоровъ упоминается, что лошади и мулы императора Нерона (въ 1 стол. по Р. Х.) были кованы серебромъ; а Плиній Старшій говоритъ, что императрица Попеа, изъ любви къ роскоши, даже ковала золотомъ. Хотя при римскомъ дворѣ и не было недостатка въ дорогихъ металлахъ, но весьма сомнительно, чтобы ковка, въ видѣ настоящей, для такого большого количества лошадей и муловъ, съ которыми вѣзжалъ императоръ, была производима изъ массивнаго серебра и золота, хотя бы даже для большихъ торжествъ. Свойственная этимъ металламъ мягкость недостаточно защищала бы копыта, по причинѣ скорого своего стирания и гибкости, а при большой толстотѣ затруднялся и самый ходъ лошади. Что эти золотые и серебряные башмаки не были дѣлаемы на подобіе настоящей подковы,—это доказалъ ученый Казаубонусъ (въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія). Вѣроятно

¹⁾ Руководство къ ковкѣ Ф. Гольцмана, стр. 8.

²⁾ Гольцманъ. Тамъ же.

³⁾ Стр. 6.

⁴⁾ По словамъ Гольцмана.

всего эти копытные башмаки были сплетены или сотканы изъ серебряныхъ или золотыхъ нитей, въ родѣ жгутовъ, и больше служили для украшенія, чѣмъ для защиты, и, нужно предполагать, надѣвались скорѣй надъ, чѣмъ подъ копытомъ животныхъ; эти сапоги были гораздо извѣстнѣе, чѣмъ подковы. ¹⁾

По свидѣтельству В. Льва Африканскаго, историка и гипполога въ XI столѣтіи по Р. Х., именно въ третьей книгѣ его описанія Африки, говорится, что одѣваніе копытъ въ башмаки для предохраненія въ то время въ Сѣверной Африкѣ было въ большомъ употребленіи.

„Въ 1827 году былъ найденъ указъ императора Діоклетіана (303 г. по Р. Х.), которымъ поставлена самая высшая цѣна съѣстнымъ продуктамъ и плата за работу; въ этомъ указѣ упомянуты и двѣ нормы для ветеринара муловъ, а именно: ветеринаръ муловъ, за стрижку муловъ и за обрѣзываніе ихъ копытъ, 6 динаріевъ и за ихъ чистку 20. Отсюда ясно, что римляне настоящейковки не знали, такъ какъ въ этомъ указѣ установлена цѣна только за обрѣзываніе, а не за ковку копытъ.

Подкова, до настоящаго времени признаваемая за самую древнюю и о которой предполагають, что она принадлежала лошади, была найдена вмѣстѣ съ другими цѣнностями древнихъ временъ въ 1653 году въ Дарникѣ, во Фландріи, при случайномъ открытіи могилы Хильдериха 1-го, короля франковъ (481 г. по Р. Х.); но она настолько испорчена ржавчиною, что при прикосновеніи раздробилась на нѣсколько кусковъ; на большомъ ея кускѣ ясно видны 3 отверстія. „Эта подкова и до настоящаго времени принимается самымъ древнимъ образчикомъковки копытъ.“ ²⁾ Реуффъ полагаетъ, что введеніековки съ гвоздями принадлежитъ алеманамъ, а нѣкоторые, судя по найденнымъ подковамъ и гвоздямъ въ гробахъ римлянъ, стремятся приписать это швейцарцамъ, въ гористой странѣ которыхъ подобное изобрѣтеніе было весьма натурально. ³⁾

Употребленіековки лошадей въ VIII, IX и послѣдующихъ столѣтіяхъ не подлежитъ уже никакому сомнѣнію почти повсѣмѣстно въ Европѣ, чему служатъ множество описаній и ссылокъ. ⁴⁾ Изъ всего изложеннаго можно заключить, чтоковка лошадей не была изобрѣтеніемъ одного человѣка въ одной какой нибудь странѣ, но, напротивъ, получила начало въ разныхъ странахъ и, постепенно совершенствуясь отъ башмаковъ или сандалій, привязываемыхъ веревками, дошла до современныхъ подковъ, прикрѣпляемыхъ гвоздями.

¹⁾ Гольцманъ, стр. 7.

²⁾ Заимствовано у Гольцмана.

³⁾ Оттуда же, стр. 10.

⁴⁾ Анекдотъ о Карлѣ Великомъ, сломавшемъ подкову, и кузнецѣ сломавшемъ монету. Въ воинскомъ уставѣ Льва IV въ Константинополѣ упоминается о подковахъ. Бонифацій Тосканскій велѣлъ лошадей подковывать серебряными подковами. Король Норвежскій Сигуртъ (1130 г.) въѣхалъ въ Константинополь на лошади, подкованной золотыми подковами. И пр. и пр.

Относительно ремонта собственноримской кавалерии Гуго, ссылаясь на Поллукса, ¹⁾ пишет, что римляне приобретали своих лошадей в провинциях, т. е. в странах, покоренных в Италии, жители которых обязаны были платить подать ими. Лошадей этих римляне раздавали своим всадникам. От этого он и назывались „*equus publicus*“. Римляне, не гонясь за числом, обращали внимание на доброкачественность, силу, быстроту, нрав и в особенности на происхождение и место рождения лошади. Особенно они любили лошадей из Агригента в Сицилии, где был большой рынок лошадей, Арголиты, Каппадокия, Элейских из Низей, Сарматии и Фракии. (Смотри вступление.)

Чтобы быть боевым всадником, пишет Вегетий, ²⁾ недостаточно уметь сесть на коня, надо уметь сохранить известный вид, ловкость, садясь и слезая, в движении и управлении. Умение с товарищами согласовать свои движения по шеренгам и по рядам составляет большое искусство. Управлять лошадью и владеть оружием есть искусство, требующее постоянного упражнения всадника.

Император Лев ³⁾ говорит: „если ты обучил отдельного всадника и пехотинца, тогда ты должен обучать отдельную турму, каждую когорту. „Для обучения їздѣ“, говорит Гуго, „существовало, подобно тому, какъ в Греции, много академій, гимназій, гипподрамовъ, и ссылаются при этомъ на Ксенофонта, Вегетія, Кассиодора и Аммиана. В этихъ учрежденіяхъ содержались особые учителя, которые обучали юношей вспрыгивать на коня в полномъ вооруженіи, управлять конемъ и употреблять оружіе“.

Наста ⁴⁾ пишет: „какъ конницу, такъ и пѣхоту упражняли постоянно. При конныхъ упражненіяхъ обучали не только манежной їздѣ, но и ловкому употребленію оружія. Это обыкновеніе существовало почти съ самаго начала римской республики. Ливій говоритъ, ⁵⁾ что консулъ Манлій при подобныхъ упражненіяхъ упалъ съ коня и лишился жизни; но и в позднѣйшія времена эти упражненія были в ходу, и къ нимъ привлекали главнымъ образомъ знатную молодежь.

Изъ упражненій, подготовлявшихъ молодежь къ кавалерійской службѣ, римляне особенно любили игру, подъ названіемъ „Троя“. Объ игрѣ этой Виргилій ⁶⁾ даетъ нѣкоторое понятіе слѣдующими словами: „Бой еще не былъ оконченъ, когда Эней подозвалъ къ себѣ Эпитида, наставника молодого Юлія и сказалъ ему на ухо: пойдѣ скажи молодому Асканію, чтобы онъ показалъ эскадронъ (турму) дѣду и

¹⁾ De militia equestri. Поллуксъ о недостаткахъ лошадей. Lib. I, cap. I.

²⁾ Lib II, cap. 23. Hugo. De militia equestri.

³⁾ Tacit. cap. VII § 28. Hugo. Тамъ же.

⁴⁾ Römische Kriegsalterthümer. Halle. 1782. § 119. Примѣчаніе.

⁵⁾ Lib. 10. 11. Ссылка Наста.

⁶⁾ Lib. 5. Aeneida. Ссылка Гуго.

выѣхалъ въ блескъ оружія, если его отрядъ, состоящій изъ мальчиковъ, уже собранъ и приготовленъ къ скачкѣ. Послѣ этого онъ приказалъ народу, наполнявшему обширный циркъ, разступиться и очистить мѣсто. Показавшись всѣмъ на прекрасно взнузданныхъ коняхъ, юноши, по знаку Эпитида, начали скакать другъ противъ друга и дали представленіе“.

Въ этой игрѣ принимали участіе и взрослые, какъ мы уже упоминали о консулѣ Манліѣ; по свидѣтельству Светонія, ¹⁾ въ ней участвовали въ свое время Юлій Цезарь, Августъ, Тиверій и Неронъ.

Кромѣ Трои, чтобы придать конницѣ больше блеску, говоритъ Гуго, римляне ввели нѣсколько военныхъ конныхъ игръ. У нихъ между прочимъ были: *Fegiae latinae*, праздникъ общій всѣмъ латинамъ, во время котораго на Албанской горѣ приносили Юпитеру жертвы; *Circenses*, цирцескія игры, происходившія въ циркѣ; *Эквирии* (*Equigia*), введенныя Ромуломъ въ честь Марса. Онѣ повторялись два раза въ годъ и устраивались скачки. Благодаря играмъ, богатое юношество съ малолѣтства знакомилось съ коннымъ боемъ.

„Но всадникъ“, говоритъ Гуго, „не только долженъ умѣть ѣздить верхомъ и сохранять равненіе и интервалы, но также владѣть оружіемъ“. Для этой цѣли римляне также держали учителей, и возлагали это обученіе на обязанность префектовъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что всадники обязаны были сами учиться верховой ѣздѣ до поступленія на службу, на обязанности же начальниковъ лежало дальнѣйшее обученіе.

Говоря объ обязанностяхъ декуріона, Вегецій пишетъ ²⁾: „новобранцевъ должно обучать ежедневно два раза—утромъ и вечеромъ, а старыхъ одинъ разъ. Обучать какъ конныхъ, такъ и пѣшихъ владѣнію оружіемъ искусство не малое и не легкое“. Левъ императоръ говоритъ ³⁾: § IV, „обучи и упражняй всадниковъ пускать стрѣлы, § IX, пускать стрѣлы на полномъ скаку коня во всѣхъ направленіяхъ; § X, они должны умѣть пускать стрѣлы безостановочно и съ полною силою на скаку; § XII, полезно нѣкоторымъ слѣзать съ коней и въ извѣстныхъ мѣстахъ упражняться дѣйствию пѣшкомъ и на конѣ. Дорога имъ покажется болѣе легкою и кони не такъ утомятся; § XXII, обучи всадниковъ фехтованію, бою, преслѣдованію, наѣздничанію и пусканію стрѣлъ“.

Хотя Вегецій и Левъ императоръ преподаютъ вышеприведенные совѣты, но до времени Сципіона Африканскаго на обученіе турмъ мало обращалось вниманія. Все зависѣло отъ начальниковъ армій и конницы.

¹⁾ Suetonius, cap. 39, 43, 6, 7. Смысла Гуго.

²⁾ Lib. 11, cap. III, § 2, lib. 11, cap. 23.

³⁾ Tact., cap. VII.

Валера говорит¹⁾, что консуль Публий Рутиль первый началъ обучать солдатъ употребленію оружія, нанявъ для этого учителей—гладіаторовъ.

Для упражненія рубить и колоть римляне ставили столбы или чучела въ 6 футовъ вышиною, прочно укрѣпивъ ихъ въ землѣ²⁾. Удары наносили по головамъ и съ боку, стараясь перерубить колѣни; солдаты отступали и наступали, атакуя чучело съ возможною силою и ловкостью. Учителя фехтованія наблюдали, чтобы солдаты наносили удары, не открывая себя. § 4, „Главнымъ образомъ обучали ихъ уколу потому, что римляне не только всегда били враговъ, которые только рубили, но даже презирали ихъ; съ какою бы силою не нанесенъ былъ ударъ, онъ рѣдко убиваетъ, потому что предохранительное оружіе и кости уничтожаютъ его силу³⁾; между тѣмъ остріе, проникая всего на два пальца, причиняетъ смертельную рану. Кромѣ того, солдатъ, нанося уколъ, менѣе открываетъ себя. Римляне новобранцамъ всегда давали тяжелое оружіе, чтобы то, которое они употребляли въ бою, казалось имъ легкимъ“.

§ 5. „Древніе очень занимались фехтованіемъ и учителямъ его охотно платили двойное жалованье“. Въ такія же чучела наносились уколы копьями, а часть новобранцевъ упражнялась въ стрѣльбѣ изъ луковъ, пѣшкомъ и съ коня.

Не только молодые солдаты, но и старые должны были упражняться въ прыганіи на и черезъ лошадь. Для этого ставили деревянную лошадь зимою подъ крышу, а лѣтомъ въ открытомъ полѣ. Упражненія эти производились сначала безъ оружія, а потомъ съ оружіемъ. Вегецій обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы люди умѣли вспрыгивать на коня и соскакивать, какъ съ правой стороны, такъ и съ лѣвой, держа въ рукахъ обнаженную саблю или копье⁴⁾.

„Новобранцы“, говоритъ Вегецій⁵⁾, „должны начать военныя упражненія изученіемъ военнаго шага, доводя его постепенно до того, чтобы они могли пройти отъ 20 до 24 миль (почти столько же верстъ). Должно при этомъ упражнять и въ прыганіи“.

Салюстій говоритъ объ упражненіяхъ Великаго Помпея,—что въ бѣганіи онъ былъ быстрѣйшій, въ прыганіи легчайшій, въ силѣ сильнѣйшій⁶⁾.

Вегецій же указываетъ на необходимость обучать плаванію какъ пѣхоту, такъ и кавалерію съ лошадьми и конюхами⁷⁾.

¹⁾ Valera, lib. 11, cap. III. Ссылка Гуго.

²⁾ Vegetius. Kriegslehren des Vegetz von Bion. 1759. Buch 1, cap. 1, § 3.

³⁾ Вѣроятно Вегецій имѣлъ въ виду плохое оружіе галловъ, потому что римляне своими мечами зачастую перерубали члены, даже головы.

⁴⁾ Veget. lib. I, cap. 18. Гуго.

⁵⁾ Kriegs-Lehren. Глава II, § 1.

⁶⁾ Вегецій, тамъ же.

⁷⁾ Тамъ же, § 2.

Дальше онъ говоритъ: „конница имѣетъ свои турмы, въ 32 человѣка каждая, подъ начальствомъ декуріона“. Точно такъ, какъ въ гѣхотѣ выбираютъ капитана рослаго и сильнаго, хорошо метяющаго дротикъ и стрѣлы, въ совершенствѣ владѣющаго мечемъ, мастера въ фехтованіи, бдительнаго, быстрѣйшаго въ исполненіи и отдачѣ приказаній, держащаго солдатъ въ дисциплинѣ и хорошо обучающаго ихъ, бдящаго за платьемъ и обувью, за чистотою оружія; равномерно на томъ же основаніи должно выбирать декуріона, чтобы у него было достаточно силъ и ловкости садиться въ полномъ вооруженіи на коня и вести его во главѣ своей турмы.

Онъ долженъ умѣть владѣть копьемъ, ловко пускать стрѣлы, обучить всадниковъ своей турмы всѣмъ движеніямъ, которыя конницѣ могутъ встрѣтиться. Онъ долженъ наблюдать, чтобы его люди держали панцырь, шлемъ и оружіе въ должномъ порядкѣ, потому что блескъ оружія пугаетъ противника. Да и чего можно ожидать отъ солдата, который даетъ ржавѣть своему оружію?

Насколько необходимо обучать всадниковъ, настолько же необходимо выѣзжать коней, пецись о сохраненіи здоровья и удовлетвореніи прочихъ нуждъ. Для производства всевозможныхъ упражненій строили для конницы манежи и покрывали ихъ черепицею, гонтомъ, соломою и прочимъ ¹⁾. „Какъ только сходилъ снѣгъ или переставалъ дождь, тотчасъ выходили въ поле“.

Относительно выѣздки Вегецій ²⁾, повторяя слова Ксенофонта, говоритъ слѣдующее: „Хотя самую природою конь предназначенъ для боя, но для выполненія различныхъ назначеній всадника въ бою, необходимо коня еще подготовить искусствомъ и упражненіями. Для этого создавались школы и учителя; школами были манежи и поле. Здѣсь отгучали лошадей отъ дурныхъ привычекъ: недостатка хода, прыжка, поворота, бѣга, пугливости, употребляя для этого въ свое время наказанія и ласку“.

Левъ императоръ ³⁾ пишетъ; „не только мнѣ, но и нашимъ предкамъ казалось необходимымъ приучать лошадей, какъ къ ровной мѣстности, такъ и къ пересѣченной, съ крутыми подъемами и поросшей лѣсомъ. Если лошади съ этимъ ознакомлены, то конь и всадникъ въ безопасности“.

Дамисъ (Damis), ⁴⁾ хорошо знакомый съ кавалерійскимъ дѣломъ, на вопросъ Апполонія, что долженъ знать и умѣть хорошій всадникъ, отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: „правильно сидѣть на конѣ, владѣть имъ, поводомъ повести коня, куда желаетъ, отдать поводъ, поднимаясь на крутизну, натянуть поводъ, спускаясь съ горы“.

(Того же требуетъ Ксенофонтъ.)

¹⁾ Вегецій. Тамъ же, сар. IV, § 4.

²⁾ Lib. III, сар. II.

³⁾ Tact. сар. VII, § 23, § XXIV.

⁴⁾ Philostrate, lib. II. Ссылка Гуго.

„Умѣющіе брать рвы, изгороди, укрѣпленія, подниматься и спускаться съ крутизны, сохраняя равновѣсіе, настолько же превосходятъ неумѣлыхъ въ этомъ отношеніи, насколько пернатая и легкокрылая животная превосходятъ пресмыкающихся“.

Сообразно съ этимъ видѣ школъ декуріоны, подъ руководствомъ префектовъ, обязаны были обучать свои турмы и всю конницу ѣздить сначала на Марсовомъ полѣ, потомъ на пересѣченной мѣстности, сохранять равненіе, останавливаться; плавать и ходить (маршировать.) ¹⁾

Турмы должны были быть обучены на скаку собираться и строиться у какого либо военного знака, большею частью у законосца (у римлянъ вмѣсто знаменъ были знаки); къ одному изъ фланговъ или назадъ; производить стройное, равномерное движеніе.

О порядкѣ строя турмы мы уже говорили, онъ остался прежній. Гуго говоритъ, что древніе не опредѣляли точно интервала между всадниками. Одинъ Эліанъ требуетъ, чтобы всадникъ отъ всадника стоялъ на рзстояніи длины лошади, и говоритъ, что четырехугольные боевые порядки самые лучшіе, такъ какъ имѣютъ по фронту лошадей вдвое больше, чѣмъ въ глубину. Фламиній, по словамъ Гуго, неоднократно повторяетъ, что равненіе и строгій порядокъ долженъ быть сохраняемъ не только на шагу, но даже на бѣгу и во время столкновенія съ противникомъ. Сохраненіе порядка ведетъ къ побѣдѣ, беспорядокъ къ гибели. Онъ даетъ солдату слѣдующее наставленіе ²⁾. „Всадникъ долженъ быть внимателенъ ко всѣмъ сигналамъ и, услышавъ ихъ, немедленно ихъ исполнить, чтобы не быть послѣднимъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ требуетъ, чтобы пѣхота и конница были обучены исполнять быстро и точно приказы и сигналы.

Префекты турмъ, вновь набранныхъ, должны каждую турму дѣлить на 4 декуріи и дать каждой своего декуріона и субдекурія (капраль). Каждый изъ нихъ составляетъ списокъ своимъ людямъ, чтобы знать ихъ. Если предстоитъ собраться подъ знамя (къ знаку) на главномъ мѣстѣ лагеря, то каждый декуріонъ идетъ впереди своихъ людей, а субдекурій сзади. По узкимъ дорогамъ декурія вытягивается въ одну линію (колонну по одному), по широкимъ по три или четыре всадника.

Если декуріи должны строиться вмѣстѣ, то 1-я и 2-я декуріи становятся правѣе 3-й и 4-й.

¹⁾ О Марсовомъ полѣ говоритъ Вегецій. Книга I, глава II, § 10 и 1-й. О ѣздѣ въ полѣ и на пересѣченной мѣстности говорятъ: Онозандеръ, сар. IX. Strategikos. Ссылка Гуго и Вегецій, lib. III, сар. I, § 2.

²⁾ Lib. I, сар. 6. Ссылка Гуго.

Чтобы молодые солдаты ближе познакомились съ военной обстановкой и втягивались въ труды, древніе ввели ¹⁾ и постоянно сохраняли обычай, а императоры Августъ и Адрианъ подтвердили его. Этотъ обычай состоялъ въ томъ, что войску, какъ пѣхотѣ, такъ и конницѣ устраивали военныя прогулки.

Построивъ пѣхоту, вели ее 10 миль (почти 10 верстъ) и потомъ поворачивали назадъ, причеъ иногда ускоряли шагъ, а часть пути проходили бѣгомъ. Тоже самое должна была дѣлать и конница, въ полномъ вооруженіи, построенная по турмамъ. При этомъ турмы производили примѣрное преслѣдованіе, то обращались назадъ вскачь, чтобы собраться для стремительной атаки. Эти прогулки дѣлались не только по ровной мѣстности, но на всевозможной, чтобы приготовить людей, ко всякимъ случайностямъ и обстоятельствамъ.

Сципіонъ, будучи назначенъ консуломъ, былъ первый изъ римскихъ военачальниковъ, обратившій серьезное вниманіе на кавалерію. Онъ первый указалъ на то, что, если конница составлена изъ плохаго матеріала, то, какое бы ей вооруженіе не придумали, она не сдѣлаетъ своего дѣла.

Главный недостатокъ римской кавалеріи былъ тотъ, что всадники плохо ѣздили. Несмотря на то, что высшій цвѣтъ римскаго юношества служилъ въ кавалеріи, несмотря на то, что правительство изыскивало разныя мѣры, чтобы приохотить его къ верховой ѣздѣ, это плохо прививалось. Пока еще римляне не были изнѣжены, нравы не испорчены, всадники шли въ кавалерію; но и тогда предпочитали службу въ пѣхотѣ, такъ какъ римлянинъ по натурѣ своей былъ скорѣе пѣхотинецъ, нежели кавалеристъ. Приобрѣвъ же громадныя богатства и право занимать правительственныя мѣста, всадники начали явно выказывать нерасположеніе къ военной службѣ и готовы были на всевозможныя жертвы, чтобы отъ нея избавиться.

Мы уже упоминали свидѣтельство Ливіа ²⁾ и Валеріа ³⁾, какъ Сципіонъ сформировалъ, снарядилъ и вооружилъ 300 всадниковъ на счетъ богатаго юношества, у котораго отобралъ лошадей и оружіе и отпустилъ по домамъ; и какъ юноши были рады исполнить требованіе Сципіона, лишь бы отдѣлаться отъ службы!

Съ тѣхъ поръ начали многія турмы формировать изъ рабочаго класса, преимущественно изъ сельскихъ жителей, выбирая лучшихъ людей изъ пѣхоты. Но уже при этомъ нельзя было довольствоваться подготовкой всадниковъ въ школахъ и академіяхъ, такъ какъ бѣдному человѣку нечѣмъ было платить за обученіе. Вслѣдствіе этого Сципіонъ находить необходимымъ первоначальное обученіе воз-

¹⁾ Вегецій, сар. III, § 7. Ссылка Гуго.

²⁾ Lib. XXIX. }

³⁾ Lib. VII. } Ссылка Гуго.

ложить на декуріона, который долженъ былъ заботиться объ обученіи всадниковъ и о выѣздѣ лошадей.

„Обучивъ такимъ образомъ“, говоритъ Полибій, ¹⁾ „солдатъ и офицеровъ, онъ объѣзжалъ города, чтобы удостовѣриться, исполняютъ ли народъ его приказанія и способны ли начальники передавать и обучать. Онъ былъ того убѣжденія, что самое необходимое для успѣха дѣла имѣть ловкихъ субалтернъ офицеровъ (декуріоновъ).

Сципіонъ требовалъ, чтобы конницу особенно упражняли въ слѣдующихъ движеніяхъ: для каждаго отдѣльнаго всадника повороты направо, налево, и кругомъ; для декурій заѣздъ на $\frac{1}{4}$ круга, полкруга и обратно во фронтъ. Затѣмъ онъ выводилъ впередъ одинъ или два ряда съ фланговъ, или изъ середины и приказывалъ входить галопомъ въ линію, сначала по декуріямъ, а потомъ по турмамъ. Главнымъ образомъ онъ обучалъ конницу перемѣнамъ фронта и дѣлалъ это на мѣстѣ изъ колонны по взводно (вѣроятно по декуріямъ), или заѣздомъ фланга (*marcher par le flanc et tourner du coté derrières-files*). Онъ находилъ, что перемѣна фронта послѣдовательнымъ пристроиваніемъ взводныхъ колоннъ (декурій) производилась слишкомъ медленно, и что это движеніе походило на походную колонну.

Кромѣ того, онъ обучалъ конницу наступать и отступать, сохраняя даже на быстрыхъ аллюрахъ (*même en courant*) равеніе и интервалы: потому что ничего не можетъ быть вреднѣе и даже опаснѣе, какъ вести конницу въ атаку въ безпорядкѣ.“

Приготовивъ такимъ образомъ все, Сципіонъ выводилъ конницу изъ городовъ, собиралъ ее въ назначенныхъ мѣстахъ и самъ показывалъ всѣ движенія, которыя она должна была исполнять, и лично продѣлывалъ всѣ упражненія съ оружіемъ.

Сципіонъ не всегда становился во главѣ или впереди и говорилъ, что дѣло начальника не въ томъ заключается, чтобы рисоваться впереди строя, а въ томъ, чтобы умѣть руководить и вести свою часть; слѣдовательно ему иногда придется быть впереди, иногда въ хвостѣ или въ серединѣ. На этомъ основаніи и самъ онъ осматривая турмы, переѣзжалъ отъ одной къ другой, дѣлая подробныя наставленія и исправляя то, что сдѣлано не такъ. Всѣ инструкціи онъ старался давать на столько обстоятельно, что ему рѣдко приходилось поправлять. „Слова Дмитрія Фалерскаго,“ говоритъ Тюлье ²⁾, ясно выражаютъ превосходство метода Сципіона: „подобно тому, какъ зданіе только тогда хорошо, когда каждая отдѣльная часть его хорошо зачата, выстроена и связана съ другими частями,—и сила армій зависитъ отъ силы и развитія каждой роты, каждаго солдата въ отдѣльности“.

¹⁾ Bibliothèque militaire. Polybe. Traduc. de Dom. Thuiller, pag. 715.

²⁾ Dom. Thuiller. Тамъ-же.

Бюста конника М. Маркова.

СЦИПОНЪ АФРИКАНСКІЙ.

Впослѣдствіи мы увидимъ, что, насколько Сципіонъ былъ прекраснымъ организаторомъ и воспитателемъ кавалеріи, настолько былъ отличнымъ полководцемъ и политикомъ. Но прежде, чѣмъ описывать блистательныя дѣйствія кавалеріи подъ его руководствомъ, познакомимся съ тактикою кавалеріи и вообще римскихъ войскъ.

Глава 8-я.

Тактика римской кавалеріи во времена Сципіона. Строй легіона по манипуламъ и когортамъ даетъ кавалеріи возможность оказывать болѣе существенную поддержку пѣхотѣ. Сраженія при Илингѣ и Замѣ.

Мы уже говорили, что кавалерія римлянъ строилась по турмамъ. Турмы становились въ одну линію на интервалахъ, большею частію равныхъ протяженію фронта турмы, иногда равныхъ половинѣ фронта, а иногда даже вовсе безъ интерваловъ. Постановку турмъ на интервалахъ Фронтинъ ¹⁾ приписываетъ Сципіону. „Сципіонъ“, говоритъ онъ, „въ своихъ побѣдахъ обязанъ несомнѣнно слѣдующему разумному распоряженію: онъ поставилъ турмы не непрерывною линіею, а на интервалахъ, чтобы можно было пропускать въ нихъ слоновъ непріятеля. Въ предотвращеніе же прорыва онъ поставилъ въ интервалы легковооруженныхъ велитовъ, которымъ было приказано отступать или разступаться, чтобы дать слонамъ дорогу.“

Однако и прежде Сципіона очень часто случалось, что въ бою въ промежуткахъ турмъ располагали или пропускали черезъ нихъ велитовъ, какъ, на примѣръ, это сдѣлалъ дядя Сципіона Корнелій Сципіонъ въ сраженіи при Требіи, которое мы уже разбирали.

О раздѣленіи римской кавалеріи мы также говорили. Теперь укажемъ ей мѣсто въ боевомъ порядкѣ арміи, послѣ введенія строя легіона по манипуламъ и когортамъ.

Консульская армія у римлянъ составлялась обыкновенно изъ двухъ легіоновъ римскихъ и двухъ союзныхъ. Въ особенно важныхъ случаяхъ армію составляли изъ болѣе значительнаго числа легіоновъ, какъ на примѣръ, во время 2-й Пунической войны.

Построеніе легіоновъ по центуріямъ оказалось невыгоднымъ противъ такихъ народовъ, какъ галлы, эфирцы и кареагеняне. Слабыя центуріи не могли противустоять натиску сомкнутыхъ и глубокихъ массъ, которыми дѣйствовали упомянутые народы. По этой причинѣ римляне принуждены были дать своему строю болѣе твердости и связи, не лишая его, однако же, прежнихъ достоинствъ—гибкости и удобоподвижности. Этого они достигли, соединивъ двѣ центуріи въ одну, подъ на-

¹⁾ Frontinus, lib. II, cap. II. Ссылка Гуго.

званіемъ манипулы. Рораріи были уничтожены, изъ акценсовъ и легковооруженныхъ ратниковъ была образована легкая пѣхота, подъ именемъ велитовъ. Триаріи и конница остались въ прежнемъ составѣ.

Съ этого времени (279—275 г.), ¹⁾ передъ первою пуническою войною легіоны стали строиться въ три линіи. Въ первую линію ставили гастатовъ, полагая первое нападеніе производить молодыми, пылкими воинами; во вторую—принциповъ; въ третью—триаріевъ.

Каждая линія состояла изъ десяти манипулъ. Въ манипулахъ гастатовъ и принциповъ было по 120 ратниковъ, 12 по фронту и 10 въ глубину; манипулы же триаріевъ, переименованныя изъ центурій, по прежнему содержали въ себѣ 60 человѣкъ, 12 по фронту и 5 въ глубину.

Велиты до боя располагались въ общемъ боевомъ порядкѣ, большею частью между манипулами триаріевъ по 60 человѣкъ на интерваль, а въ началѣ боя выдвигались впередъ.

Въ строю каждый пѣхотинецъ занималъ пространство въ 6 футовъ для свободного дѣйствія оружіемъ; но для обороны противъ кавалеріи ряды и шеренги смыкались.

Манипулы 2-й и 3-й линій становились въ шахматномъ порядкѣ относительно первой линіи; а линія отъ линіи на разстояніи 50 шаговъ.

Манипулы и турмы одинаковыхъ номеровъ съ причисленными къ нимъ велитами составляли, въ глубину трехъ линій, тѣхъ же нумеровъ когорты. Слѣдовательно 1-я когорта состояла изъ 1-й манипулы гастатовъ, 1-й манипулы принциповъ, 1-й манипулы триаріевъ, 60 велитовъ и 1-й турмы конницы.

Таковъ былъ строй римскихъ легіоновъ и армій до конца 2-й Пунической войны, но и этотъ строй во многихъ отношеніяхъ оказался невыгоднымъ. Строй по манипуламъ былъ хорошъ, пока арміи составлены были изъ опытныхъ, хорошо обученныхъ и жаждущихъ славы высшихъ классовъ римскаго общества. Во 2-й Пунической войнѣ, послѣ погромовъ Аннибала, римляне принуждены были часто наскоро собирать арміи, и потому естественно составъ ихъ долженъ былъ нѣсколько ухудшиться. Вслѣдствіе этого, для бѣльшей устойчивости и самостоятельности, пришлось строй манипулы увеличить, къ чему опять таки побуждали столкновенія съ такими народами, какъ галлы, карфагеняне, нумидійцы и германцы. Титъ Ливій ²⁾ утверждаетъ, что еще консулы Фурій, въ войнѣ съ галлами, и Марцеллъ, въ войнѣ съ Аннибаломъ, соединили манипулы каждой когорты такимъ образомъ, что гастаты составляли четыре переднія, принципы четыре середнія, а триаріи двѣ заднія шеренги. Отъ этого легіонъ принялъ видъ фаланги, раздѣленной на десять частей.

¹⁾ Князь Голицынъ. Часть 2, стр. 102.

²⁾ Исторія Военнаго искусства Барона Зедделера, Т. I, стр. 157.

По свидѣтельству Полибія, ¹⁾ Регулъ въ сраженіи при Тунисѣ, Сципіонъ при Илингѣ и Замъ и Павелъ Эмилій при Пиднѣ составили изъ когорть глубокія колонны, расположивъ манипулы принциповъ и триаріевъ непосредственно за гастатами.

Со временъ Марія, который составилъ свои арміи изъ рабовъ, соединеніе манипулъ въ когорты сдѣлалось постояннымъ. Легіоны стали дѣлиться на 10 когорть, въ 400—500 воиновъ; названіе гастатовъ, принциповъ и триаріевъ исчезло; линіи начали называться 1-ю, 2-ю и 3-ю. Въ 3-й или резервной помѣщались также испытанные и рослые люди, а велитовъ начали набирать у подвластныхъ народовъ.

Изъ прилагаемыхъ чертежей видно, что конница обыкновенно строилась, какъ и прежде, на флангахъ боеваго порядка пѣхоты. Легіонная римская конница становилась троякимъ образомъ: 1) или на линіи гастатовъ, примыкая къ наружнымъ флангамъ пѣхоты, своего легіона, 2) или во 2-й линіи за конницей союзниковъ, если вся кавалерія выдвигалась на фланги, 3) или за своими легіонами въ резервѣ.

Союзная такимъ же образомъ. Но если вся конница выдвигалась на фланги, то, въ зависимости отъ количества кавалеріи, имѣющейся при арміи, она становилась впереди легіонной римской конницы или на крайнихъ флангахъ, въ одну съ нею линію.

Если при арміи была экстраординарная конница, то большею частью держали ее въ резервѣ, а иногда ставили на флангахъ, какъ видно изъ чертежей.

Когда сословіе всадниковъ начало уклоняться отъ службы, римляне принуждены были набирать большую часть своей кавалеріи у подвластныхъ народовъ и нанимать въ чужихъ странахъ. Число вспомогательной и наемной конницы зависѣло отъ обстоятельствъ. Конница эта была вообще весьма хорошая, и количество ея въ составѣ армій съ теченіемъ времени постепенно увеличивалось.

Ее составляли галлы, испанцы, греки, германцы, нумидійцы. Испанцы, галлы, греки и германцы составляли тяжеловооруженную кавалерію, нумидійцы и азіатскіе народы—легкую.

Въ боевомъ порядкѣ ихъ ставили на крайнихъ флангахъ, и тогда обыкновенно легіонную конницу держали въ резервѣ.

Впрочемъ порядокъ разстановки конницы часто измѣнялся. Такъ, напримѣръ, въ сраженіи при Каннахъ вся легіонная кавалерія поставлена была на правомъ флангѣ, а союзная, какъ мы видѣли, на лѣвомъ. Въ сраженіи при Фарсалѣ, Цезарь всю конницу сосредоточилъ на правомъ флангѣ арміи, а Помпей противъ него на своемъ лѣвомъ крылѣ. Настъ ²⁾ говоритъ: „конница доставляла римлянамъ большія выгоды. Ею они прикрывали фланги своей пѣхоты и пользовались ея быстротою

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ *Nast. Römische Kriegsalterthümer*, § 120.

и силою движенія для того, чтобы съ самаго начала привести непріятеля въ безпорядокъ; для атаки во флангъ; для того, чтобы отрѣзать часть или извлечь пользу изъ какого нибудь неправильнаго маневра противника. Далѣе, они употребляли конницу для наблюденія за непріателемъ, для фуражировокъ, для занятія тѣснинъ, для обезпеченія отступленія, для прикрытія обоза; а главнымъ образомъ для преслѣдованія противника, обращеннаго въ бѣгство.

Строй римскаго легіона по манипуламъ и когортамъ, или вообще прерывчатый боевой порядокъ, имѣлъ неоспоримыя преимущества надъ фалангою, какъ самъ по себѣ, такъ, въ особенности, въ отношеніи взаимодѣйствія пѣхоты и кавалеріи.

Прерывчатость сообщала боевому порядку: гибкость, ломкость, удобоподвижность и примѣнимость ко всякой мѣстности. Эти свойства дѣлали римскій строй особенно способнымъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

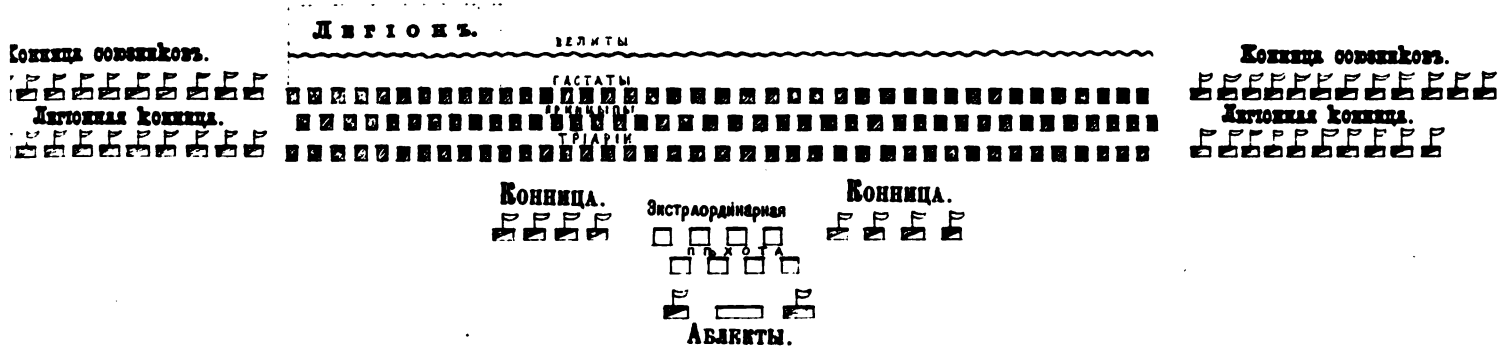
Расположеніе въ три линіи съ резервами давало возможность возобновлять ударъ нѣсколько разъ; а неудача одной части боеваго порядка не влекла за собою потери сраженія, такъ какъ рядомъ и сзади стоящія части или резервы могли поддержать опрокинутую часть. Соединеніе въ каждомъ легіонѣ обоихъ родовъ оружія, пѣхоты и кавалеріи устанавливало взаимную связь между ними, давало возможность, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовать самостоятельно, что особенную важность могло имѣть при совершеніи маршей и расположенія на отдыхъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, прерывчатый боевой порядокъ способствовалъ взаимодѣйствію пѣхоты и конницы еще тѣмъ, что послѣдняя, въ случаѣ надобности, могла дѣйствовать небольшими отдѣленіями сквозь интервалы между пѣхотными частями ¹⁾. Но намъ не встрѣчалось ни одного сраженія, гдѣ бы подобнымъ маневромъ достигнуть былъ успѣхъ. Напротивъ, лучшіе полководцы большею частью выдѣляли конницу, какъ замѣчено, на одинъ или оба фланга, или впередъ, чтобы дать ей просторъ для дѣйствій.

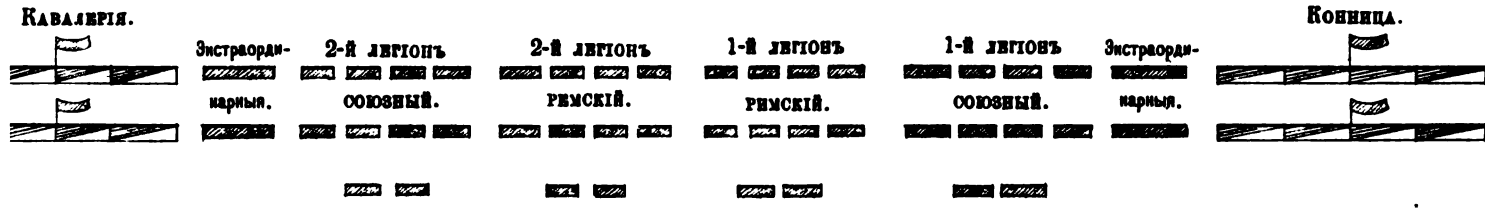
Это неоспоримое преимущество прерывчатаго построенія римлянъ надъ фалангою не всѣ, однако же, полководцы ихъ понимали и горько платились за непониманіе. Такъ, на примѣръ, при Каннахъ, желая дать большую устойчивость и силу напора боевому порядку, Варронъ ввелъ вторую линію въ интервалы первой и обратилъ прерывчатый боевой порядокъ въ фалангу. Обстоятельство это было одною изъ причинъ пораженія римлянъ, между тѣмъ какъ побѣды при Кинокефалахъ, Магнеціи, Коринѣ и, особенно Пиднѣ доказали неоспоримое превосходство тактики римлянъ надъ фалангою.

¹⁾ Князь Голицынъ. Всеобщая Военная Исторія древнихъ временъ, часть 2, стр. 104.

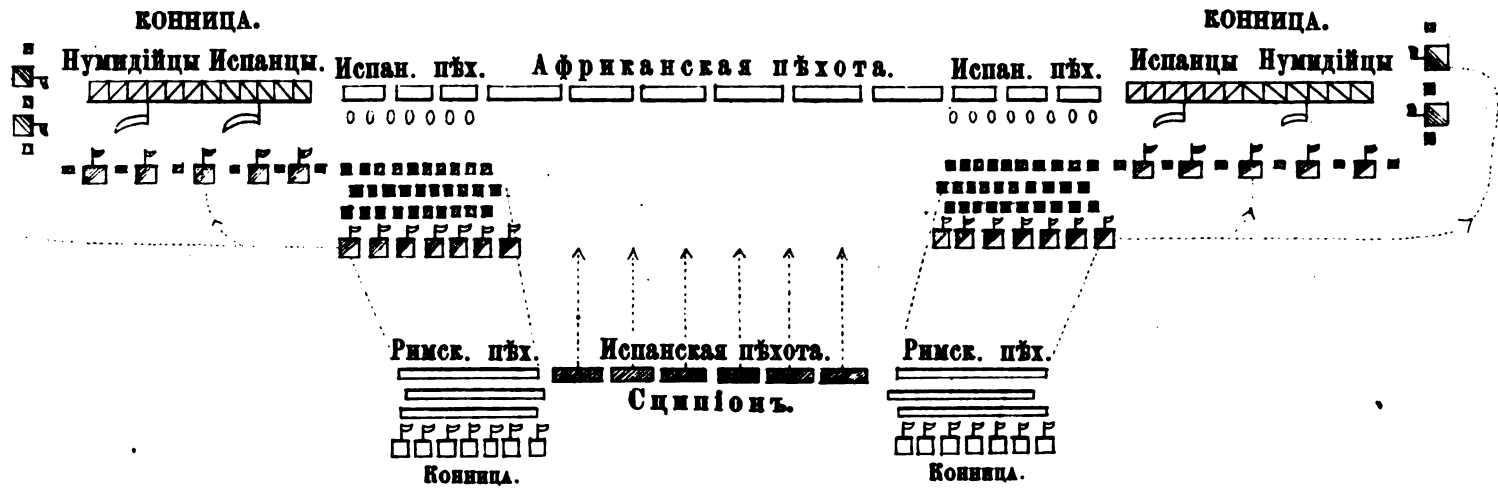
КОНСУЛЬСКАЯ АРМІЯ ИВЪ 4-хъ ЛЕГИОНОВЪ.

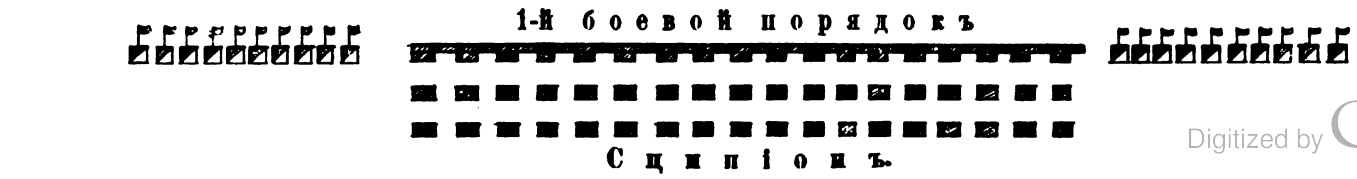
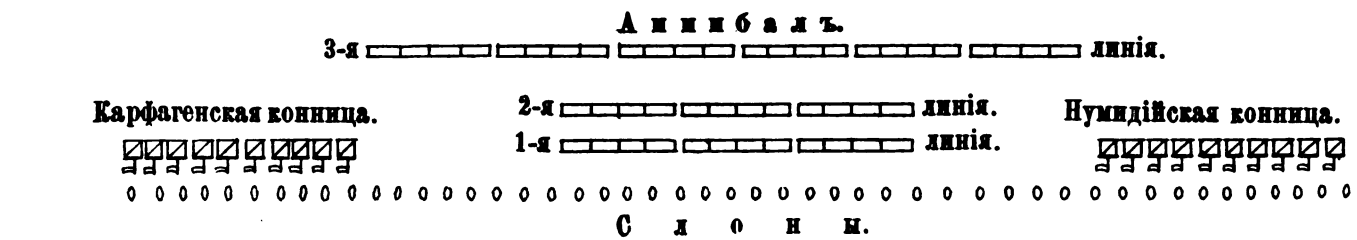
КОНСУЛЬСКАЯ АРМІЯ ИВЪ 4-хъ ЛЕГИОНОВЪ.
 СТРОЙ ЛЕГИОНА ПО КОГОРТАМЪ ВЪ 3 ЛІНІИ.

П Л А Н Ъ
 СРАЖЕНІЯ ПРИ ИЛИНГЪ ВЪ 206 ГОДУ ДО Р. Х.
 Армія Газдрубала.

П Л А Н Ъ
 СРАЖЕНІЯ ПРИ ЗАМЪ ВЪ 202 ГОДУ ДО Р. Х.

Сраженіе при Илингѣ.

Во то время какъ Аннибалъ, лишенный содѣйствія кареагенскаго правительства, держался въ южной Италиі, благодаря только своему генію, и римляне не смотря на громадныя силы, сформированныя въ 206 году, не смѣли рѣшительно атаковать его, дѣла въ Испаніи принимали неблагопріятный для кареагенянъ оборотъ. Римляне при помощи молодаго полководца Корнелія Сципіона овладѣли большею половиною Испаніи, и только въ югозападной ея части держались кареагеняне. Полководцы ихъ Гасдрубалъ и Магонъ, имѣя главный складочный пунктъ въ Гадессѣ (Кадиксѣ), всю зиму употребили на сформированіе войскъ и къ началу весны составили армію въ 50 тысячъ пѣхоты и 4500 конницы, въ числѣ пѣхоты 20 тысячъ африканцевъ, а въ числѣ конницы 1500 нумидійцевъ. Армія эта сосредоточивалась на правомъ берегу р. Бетиса (Гвадалквивира), въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ города Илинга (Sevilla veta).

Лагерь находился на высотахъ, впереди которыхъ къ сѣверо-востоку, откуда Гасдрубалъ и Магонъ ожидали Сципіона, разстилалась равнина, замыкавшаяся на противоположной сторонѣ опять высотами.

Сципіонъ точно также, сформировавъ въ теченіи зимы армію на половину изъ римлянъ, на половину изъ испанцевъ, довелъ ее до 45 тысячъ пѣхоты и 3 тысячъ кавалеріи. Съ этою арміею онъ двинулся противъ кареагенянъ и занялъ высоты, противулежавшія лагерю Гасдрубала.

Замѣтивъ, что Сципіонъ укрѣпляетъ свой лагерь, кареагенскій полководецъ выдвинулъ впередъ свою кавалерію.

Магонъ двинулся съ тяжеловооруженною конницею, а Масинисса съ нумидійцами. Но Сципіонъ этого ожидалъ и поставилъ свою кавалерію въ засаду, а устройство лагеря прикрылъ легкою пѣхотою и сторожевыми когортами. Кареагенская кавалерія, натенувшись на пѣхоту, неожиданно была атакована изъ засады непріятельскою конницею и съ большимъ урономъ опрокинута.

Эта первая неудача подѣйствовала крайне неблагопріятно на нравственное состояніе кареагенянъ.

Общее столкновеніе произошло черезъ нѣсколько дней. Рано утромъ кареагеняне замѣтили выступленіе войскъ Сципіона изъ лагеря. Гасдрубалъ и Магонъ также начали выводить свои войска на равнину и строить противъ римлянъ правымъ флангомъ къ р. Бетису. Въ центрѣ поставлена была лучшая африканская пѣхота, а на флангахъ испанская; легкая пѣхота и конница были выдвинуты впередъ для прикрытія построенія. Сципіонъ также строилъ свои войска подъ прикрытіемъ выдвинутой впередъ конницы, которая, впрочемъ, не сходилась съ кареагенянами, и легкой пѣхоты. Когда боевой порядокъ былъ готовъ, Сципіонъ отозвалъ свою кавалерію. Тоже сдѣлалъ и Гасдрубалъ и поставилъ ее на флан-

гахъ пѣхоты, тяжеловооруженную непосредственно рядомъ съ ней, а легкую на флангахъ тяжеловооруженной. Легкая пѣхота завязала дѣло съ римлянами.

Сципіонъ, осмотрѣвъ кареагенскій боевой порядокъ, приказалъ своимъ войскамъ начать движеніе впередъ и находу перестроиться такъ, чтобы въ центрѣ стала испанская пѣхота, а на флангахъ римская въ три линіи. Это сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобы испанцамъ не пришлось сражаться противъ испанцевъ же; конница поставлена была за флангами. Когда эти перестроенія были сдѣланы, Сципіонъ приказалъ испанцамъ въ центрѣ продолжать движеніе по прямому направленію, а римскимъ войскамъ, находившимся на флангахъ, сдѣлать ускореннымъ шагомъ облическія движенія противъ фланговъ кареагенянъ, фронтъ которыхъ былъ значительно длиннѣ фронта Сципіона. Движеніе это на обоихъ флангахъ было произведено съ замѣчательной энергіей и быстротой. Велиты, выбѣжавъ впередъ, осыпали стрѣлами и камнями слоновъ, бывшихъ впереди фланговъ арміи Гасдрубала; слоны повернули назадъ и смяли испанскую пѣхоту. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась кавалерія, выѣхала изъ за римской пѣхоты и охватила конницу кареагенянъ съ фланговъ.

Кавалерія кареагенянъ, вѣроятно, также разстроенная или задержанная слонами не успѣла воспрепятствовать охвату и была почти одновременно опрокинута на правомъ флангѣ Сципіономъ, а на лѣвомъ Юліемъ Силаномъ. Вслѣдъ затѣмъ римскіе когорты пѣхоты атаковали съ фронта разстроенную пѣхоту испанцевъ, а кавалерія заскакала въ тылъ.

Такимъ образомъ оба фланга кареагенской арміи были разбиты: одинъ былъ истребленъ, а другой обратился въ бѣгство. Оставался центръ, составленный изъ превосходной африканской пѣхоты, которая, имѣя передъ фронтомъ испанцевъ, начала медленно отступать и, сдерживая преслѣдованіе римлянъ, прикрыла разбитые остатки арміи.

Сраженіе при Илингѣ мы привели, какъ результатъ воспитанія и тѣхъ преобразованій, которыя сдѣлалъ Сципіонъ въ своей кавалеріи; какъ новое доказательство превосходства прерывчатаго боеваго порядка надъ фалангообразнымъ и въ смыслѣ удобства взаимной поддержки пѣхоты и кавалеріи, и какъ указаніе на значеніе хорошаго начальника, управляющаго кавалеріей.

1) Римская кавалерія, которая всегда была бита кареагенскою, находясь въ сраженіи при Илингѣ въ значительно меньшемъ числѣ, сначала наступаетъ съ пѣхотою, атакующею фланги Гасдрубала и ею прикрывается; а когда наступила благопріятная минута, быстро выносятся изъ за фланга пѣхоты, охватываютъ и атакуютъ непріятельскую конницу, и разбиваютъ знаменитыхъ нумидійцевъ и испанцевъ. Покончивъ съ непріятельскою конницею, ударомъ во флангъ и тылъ помогаетъ своей пѣхотѣ опрокинуть испанскую пѣхоту.

2) Пѣхота римская передъ самой атакой производитъ весьма сложныя перестроенія и фланговыя движенія противъ фланговъ кареагенской арміи. Успѣхъ этихъ движеній объясняется, какъ подвижностью строевъ легіона сначала по маневрамъ, а потомъ по когортамъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ искусствомъ римской пѣхоты въ маневрированіи. Исполнивъ свое фланговое движеніе, пѣхота наноситъ ударъ совмѣстно съ конницею.

3) Страннымъ кажется, почему Гасдрубалъ во время этихъ перестроеній, совершенныхъ римлянами, по словамъ Голицына, въ разстояніи 500 шаговъ, и фланговыхъ движеній, начатыхъ ими въ разстояніи двухсотъ шаговъ отъ арміи кареагенянъ, не перешелъ въ наступленіе. Страннымъ не менѣе того кажется, что испанская и нумидійская конница, предводимая Магономъ и Масиниссою, неоднократно бывшими участниками находчивости и блестящихъ побѣдъ Аннибала, стоятъ съ своею кавалеріею неподвижно въ виду фланговыхъ движеній римлянъ. Или они поражены были неожиданностью маневра, или сильно надѣялись на своихъ слоновъ? Вѣроятно же всего было то, что африканская пѣхота, построенная фалангами, рассчитывала произвести ударъ на самомъ близкомъ разстояніи, такъ какъ по массивности строя не могла производить быстрыхъ движеній и, пока выжидала приближенія центра римской арміи, фланги кареагенянъ были уже приведены въ безпорядокъ. Когда слоны привели въ безпорядокъ фланговую пѣхоту кареагенянъ, ихъ конница увидала передъ собою когорты наступающей римской пѣхоты, вспомоществуемой кавалеріею и легкой пѣхотой, а потому, можетъ быть, и не рѣшилась двинуться впередъ. Этою нерѣшительностью воспользовались римляне, которыхъ нравственное состояніе было поднято предшествовавшими удачами и еще тѣмъ, что по словамъ Полибія, Сципіонъ, рассчитывая дать сраженіе, поднялъ рано свои войска и велѣлъ имъ подкрѣпить себя пищею; тогда какъ кареагеняне, поднятые неожиданно, вступили въ бой, не успѣвъ позавтракать.

Слѣдствія побѣды при Илингѣ были громадны въ стратегическомъ отношеніи. Продолжая преслѣдовать остатки арміи кареагенянъ, Сципіонъ отрѣзалъ ихъ отъ Гадеса, настигъ ихъ близъ устья Бетиса, опрокинулъ, и только 6 тысячъ изъ 50 тысячъ успѣли спастись въ укрѣпленный лагерь; но и эти 6 тысячъ, покинутыя Магономъ, сдались римлянамъ. Союзные кареагенянамъ испанцы перешли на сторону римлянъ, другіе были покорены. Магонъ, забравши всѣ богатства, какія могъ взять, покинулъ Гадесъ, и Испанія перешла въ руки Сципіона. Въ довершеніе всего и Масинисса, царь Нумидійскій, заключилъ съ римлянами мирный договоръ и, какъ мы увидимъ, впоследствии присоединилъ свою превосходную кавалерію къ войскамъ Рима.

Сраженіе при Замѣ.

Въ 204 году по настоянію Сципіона война съ кареагенянами перенесена была въ Африку. Сципіонъ съ 40 тысячною арміею, состоявшею изъ превосходныхъ

римскихъ и союзныхъ легионовъ, и съ 2700 человекъ конницы высадился на берегъ Африки и открылъ дѣйствія противъ наскоро набранныхъ войскъ Картагена. Во всѣхъ столкновѣнiяхъ римляне оставались побѣдителями, и конница ихъ въ стычкахъ съ картагенскою и даже нумидійскою неоднократно брала верхъ. Доведенный до крайности, картагенскій сенатъ наконецъ рѣшился вызвать Аннибала изъ Италiи и Магона, дѣйствовавшаго въ Галлiи, Но Магонъ въ 203 году, рѣшившiйся вступить съ римлянами въ бой, былъ разбитъ и самъ смертельно раненъ, а Аннибаль, съ горечью покинувъ Италiю, свидѣтельница безсмертной славы и побѣдъ его, посадилъ небольшую свою армию на суда и совершилъ переѣздъ въ Африку.

Прибывъ къ Адрумету, Аннибаль присоединилъ къ себѣ остатки войскъ Магона и новонабранныя сенатомъ 12 тысячъ пѣхоты и составилъ такимъ образомъ армию въ 48 тысячъ, весьма разнообразнаго состава. Лучшую часть ея составляли бруттиицы, а ветерановъ, сражавшихся подъ Каннами, уже почти не было. Сципионъ употребилъ зиму и часть весны 202 года на овладѣнiе нѣсколькими городами въ окрестностяхъ Картагена, чтобы отрѣзать его отъ внутренности страны.

Аннибаль, не имѣя достаточно конницы, чтобы помѣшать разорительнымъ дѣйствiямъ Сципиона, просилъ конницы у нумидiйцевъ и получилъ, но въ незначительномъ числѣ; большая же часть ихъ, подъ начальствомъ Масиниссы, перешла къ Сципиону.

Послѣ, нѣсколько разъ возобновлявшихся относительно заключенiя мира, но безуспѣшныхъ переговоровъ, обѣ армии римлянъ и картагенянъ, сошлись наконецъ въ окрестностяхъ города Замы на открытой равнинѣ.

„У Сципиона“, говоритъ князь Голицынъ ¹⁾, „были три римскiе и 3 союзные легиона, каждый въ 6200 чел., а всего въ нихъ тяжелой пѣхоты: 12 т. гастатовъ. 12 т. принциповъ и 6 т. триарiевъ, итого 30 т. человекъ,— легкой пѣхоты около 12 т. чел., всего 42 т. чел.,— конницы римской и союзной 2700 чел., нумидiйской 4 т., итого 6700, а всего всѣхъ войскъ 48700 или около 50 т. человекъ“.

Сципионъ построилъ свои войска въ 3 линiи по манипуламъ съ промежутками занятыми велитами. Въ первой линiи стали гастаты, во второй принципы, въ третьей триарiи манипулами же въ затылокъ первой линiи, чтобы интервалы служили для пропуска слоновъ, которыхъ у картагенянъ было много. Вся римская конница, какъ легионная, такъ и союзная, выстроилась на лѣвомъ флангѣ армии, подъ начальствомъ Лелiя; а нумидiйская, подъ командою Масиниссы—на правомъ флангѣ.

Аннибаль, имѣлъ также около 50 тысячъ, но конницею былъ слабѣе римлянъ. Онъ построилъ войска свои также въ три линiи фалангами въ 10 шеренгъ: въ первой линiи 12 т. человекъ, во второй также 12 тысячъ, а въ третьей, которую отодвинулъ отъ второй на 70 сажень, вдвое больше, т. е., 24 тысячи. На правомъ

¹⁾ Часть 4, стр. 208.

крылѣ стала кареагенская конница, а на лѣвомъ нумидійская. Впереди всего фронта поставлены были слоны. Прибѣгая къ такому построению пѣхоты, фронтъ которой въ первой линіи былъ вдвое меньше фронта римлянъ, а въ третьей линіи почти ему равенъ, Аннибаль рассчитывалъ, что римская пѣхота будетъ прорвана густою первою линіею, а части, охватившія первую линію съ фланговъ, будутъ въ свою очередь охвачены третьею линіею.

Какъ только боевой порядокъ выстроился, Аннибаль двинулъ впередъ всю линію слоновъ. Но обыкновенные у римлянъ, въ началѣ боя, звуки всѣхъ трубъ и роговъ, шумъ оружія и боевой крикъ испугали слоновъ, и часть ихъ обратилась назадъ и привела въ беспорядокъ лѣвофланговую нумидійскую конницу.

Масинисса беспорядкомъ немедленно воспользовался и, ударивъ противъ этой конницы, легко опрокинулъ ее. Всѣ остальные слоны обратились на велитовъ, которыхъ смяли, но и сами были переранены ими и наконецъ, большею частію въ центрѣ, были загнаны въ промежутки римскихъ линій, а на правомъ крылѣ обратились назадъ и смяли кареагенскую конницу. Лелій также воспользовался тѣмъ, ударилъ на право-фланговую конницу кареагенянъ и опрокинулъ ее. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ осталась одна пѣхота, которая и двинулась одна противъ другой тихимъ шагомъ и въ порядкѣ, исключая 3-й линіи Аннибала, которая осталась на своемъ мѣстѣ ¹⁾.

Но Сципionъ угадалъ намѣреніе Аннибала и приказалъ манипуламъ гастатовъ сомкнуться, отчего образовался фронтъ равный фронту Аннибала. Обѣ противныя стороны сошлись и завязался упорнѣйшій бой, въ которомъ гастаты, поддержанные принципами, начали тѣснить первую линію кареагенянъ. Вторая линія ихъ, какъ полагаетъ князь Голицынъ, отъ страха не двинулась впередъ.

Вслѣдствіе этого первая линія вообразила, что вторая линія ей измѣнила и съ яростью обратилась противъ нее. Наконецъ Аннибалу удалось возстановить порядокъ и обратить обѣ линіи противъ гастатовъ. Но гастатамъ при помощи принциповъ удалось одолѣть кареагенянъ и частью истребить, частью обратить на третью линію, которой для удержанія бѣгущихъ Аннибаль приказалъ выставить впередъ копья. Сципionъ не продолжалъ наступленія, а отвелъ гастатовъ назадъ и, желая въ свою очередь охватить третью линію Аннибала, выстроилъ свою пѣхоту фалангою: въ серединѣ гастаты, принципы, раздѣлившись, построились по флангамъ гастатовъ, а триаріи на наружныхъ флангахъ принциповъ. Въ резервѣ Сципionъ не оставлялъ ничего, желая ударить на третью линію Аннибала всѣми оставшимися силами и рассчитывая, что конница его воротится изъ преслѣдованія и ударить кареагенянамъ въ тылъ. Между тѣмъ третья линія Аннибала, составленная изъ лучшихъ войскъ его, устроенная и вооруженная по образцу римлянъ,

¹⁾ Голицынъ. Тамъ-же, стр. 210.

двинулась впередъ и сошлась съ пѣхотою Сципіона. Бой завязался съ страшною силою и упорствомъ и, не смотря на превосходство силъ римлянъ, не смотря на то, что они охватили съ фланговъ, кареагеняне продолжали рубиться и твердо стоять, пока наконецъ не вернулись Лелій и Масинисса съ конницею. Тогда кавалерія Сципіона ударила въ тылъ и порѣшила побѣду. Большая часть войскъ кареагенскихъ была истреблена на мѣстѣ, а небольшая часть, спасаяся бѣгствомъ, была настигнута на открытой равнинѣ кавалеріей Сципіона и понесла большой уронъ.

Изъ всей арміи кареагенской спаслось не болѣе 10 тысячъ, 20 тысячъ погибло въ бою и 20 тысячъ взято въ плѣнъ.

Разбирая сраженіе при Замѣ, мы находимъ, что главная причина неудачи кареагенянъ были слоны, которые привели конницу обоихъ фланговъ въ безпорядокъ и дали возможность римлянамъ, воспользовавшись этимъ безпорядкомъ, разбить конницу Аннибала. Потеря конницы при фалангообразной тактикѣ была для Аннибала невознаградима. Римляне, имѣя пѣхоту лучше обученную, лучше вооруженную и болѣе подвижную, чѣмъ первыя его двѣ линіи, уже получили явное преимущество передъ кареагенянами.

Второе обстоятельство, вредно повліявшее на успѣхъ боя, былъ разнокалиберный составъ пѣхоты Аннибала, вслѣдствіе чего могло возникнуть недовѣріе и даже схватка между первою и второю линіею.

Наконецъ опять-таки потеря кавалеріи дала возможность римлянамъ одолѣть третью линію Аннибала атакою конницы Лелія и Масиниссы въ тылъ.

Глава 9-я.

Кавалерія Юлія Цезаря—галлы и германцы. Тактическое устройство. Мѣсто конницы въ боевомъ порядкѣ арміи и способъ употребленія. Сраженія при Фарсалѣ и Руспинѣ.

Юлій Цезарь римскихъ всадниковъ и вообще кавалеріи, составленной изъ римлянъ, въ своей арміи почти не имѣлъ. „Во время войны въ Галліи“, пишетъ Голицынъ, „Юлій Цезарь вовсе не имѣлъ въ своей арміи римской конницы, но вспомогательную галльскую и германскую, начальствованіе надъ которою вѣрялъ, вопреки обычаю римлянъ и, вѣроятно, изъ политическихъ причинъ галльскимъ и германскимъ знатымъ вождямъ“.

Мы уже упоминали, что Сципіонъ избѣгалъ брать въ ряды своей арміи всадниковъ, а старался частью набирать кавалерію изъ простаго народа, а главнымъ образомъ нанимать галловъ и нумидійцевъ. „Сословіе кавалеровъ“, говоритъ Зелделеръ, „обогатившись предоставленными ему государственными откупами и воз-

Исторія конницы М. Маркова.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

гордившись порученною ему должностію судей, начало отклоняться от званія простых всадниковъ, къ которому, впрочемъ, давно уже оно было неспособно по роскоши и изнѣженности, поэтому римляне принуждены были набирать бѣольшую часть своей конницы у подвластныхъ народовъ и иностранцевъ. Такъ, напримѣръ, вся конница Цезаря въ сраженіи при Фарсалѣ состояла изъ галловъ и германцевъ, многочисленная же конница Помпея, въ коей служили преимущественно римскіе кавалеры, сдѣлалась по малодушію своему главною причиною его пораженія“.

Объ устройствѣ галльской кавалеріи мы уже говорили, теперь постараемся познакомиться съ устройствомъ конницы германской, хотя свѣденія о ней крайне скудны.

Главный родъ оружія большинства германскихъ племенъ составляла пѣхота, но были нѣкоторые племена, славившіяся своею конницею. „Германцы“, говоритъ Голицынъ, „сражались частью на коняхъ, большею же частью пѣшими и, хотя нѣкоторые изъ германскихъ племенъ и славились, какъ искусные всадники и наѣздники и имѣли хорошую конницу, но вообще главную силу германскихъ ополченій составляла пѣхота. Поэтому германцы и имѣли обыкновеніе перемѣшивать конницу свою съ пѣхотой, т. е. между всадниками ставить легкихъ пѣшихъ воиновъ“.

Цезарь такъ описываетъ обоюдное содѣйствіе всадниковъ и пѣхотинцевъ въ бою¹⁾.

„Было 6000 конныхъ и столько же весьма быстрыхъ и сильныхъ германскихъ пѣхотинцевъ. Послѣдніе находились со всадниками во время боя въ постоянной связи и, въ случаѣ неудачи или затруднительнаго положенія, являлись къ нимъ на выручку. Если раненный всадникъ падалъ съ коня, то пѣшіе быстро окружали его; когда надо было наступать или отступать, то пѣшіе упражненіями доводили быстроту до того, что держась рукою за гривы лошадей, не отставали отъ всадниковъ“. Тацитъ подтверждаетъ тоже (Germ. 6.)

Лошади германскія не отличались ни красотою, ни быстротою, но, по словамъ Голицына, „были очень крѣпки, сносили и хорошо наѣзжены“. ²⁾ Пузыревскій напротивъ говоритъ, что „лошади ихъ не отличались, ни величиною, ни красотою ни выучкой“ ³⁾. Юлій Цезарь о германскихъ коняхъ пишетъ, что „они малы, но быстры и неукротимы“. ⁴⁾

Вооруженіе было весьма простое и несложное. Обыкновеннымъ нападателнымъ оружіемъ была фрамея или короткое копье съ небольшимъ и узкимъ остриемъ. Его употребляли и въ рукопашномъ бою и какъ метательное оружіе.

¹⁾ De bello. G. 1. 48. Victor Hehn. Culturpflanzen und Hausthiere, стр. 49.

²⁾ Голицынъ, ч. 5, стр. 30.

³⁾ Исторія Военнаго Искусства въ средніе вѣка. Часть I, стр. 26.

⁴⁾ Victor Hehn. Тамъ же, стр. 48.

Первоначально конница была вооружена только фреями, но пѣхота имѣла сверхъ того, дротики, которые мѣтала на огромное разстояніе и съ необыкновенною силою.

Единственнымъ-же оборонительнымъ вооруженіемъ, какъ конницы, такъ и пѣхоты, былъ деревянный раскрашенный щитъ. Только весьма немногіе изъ германцевъ были вооружены мечами и длинными копьями и носили шлемы и латы, всѣ прочіе сражались полуобнаженные или прикрытые самою легкою верхнею одеждою.

Въ походѣ германцы слѣдовали толпами по семействамъ и поколѣніямъ, безъ особенной правильности и порядка. Впереди шли обыкновенно пѣшіе воины, чрезвычайно быстрые на бѣгу, избранные изъ всего юношества и превосходно напрактикованные совокупнымъ дѣйствіямъ съ конницей. Каждая община выставляла по сту такихъ пѣшихъ воиновъ, которые и носили поэтому почетное названіе „сотень“.

За войскомъ слѣдовали, сверхъ женъ и дѣтей, повозки съ припасами и имуществомъ. Этими повозками германцы и ограждали свои станы (вагенбургъ).

Германцы сражались въ сомкнутыхъ массахъ, одинаково глубокихъ и широкихъ толпахъ, такъ же, какъ шли походомъ, т. е., по семействамъ и поколѣніямъ. По словамъ Тацита, обыкновеннымъ боевымъ порядкомъ ихъ былъ клинообразный. Въ бою они сражались съ необыкновенною храбростью, но безъ всякой правильности, порядка и твердости въ строю. Отступать или бѣжать для того, чтобы потомъ снова напасть, считалось у нихъ не только непостыднымъ, даже весьма искуснымъ; но оставить щитъ во власти непріятеля считалось величайшимъ безчестіемъ. Конница сражалась съ легкою пѣхотою, съ которою была перемѣшана и, нерѣдко сама спѣшившись, сражалась какъ пѣхота и потомъ снова садилась на коней.

„Такимъ образомъ“, говоритъ Голицынъ ¹⁾, „германцы не имѣли ни правильнаго военнаго устройства, ни хорошаго вооруженія, ни воинской подчиненности и порядка, но за всѣмъ тѣмъ были страшными врагами не только для народовъ и войскъ неблагоустроенныхъ, но и для самихъ римлянъ. Ни одинъ изъ народовъ съ которыми когда либо воевали послѣдніе, не сопротивлялся имъ съ такимъ упорствомъ и успѣхомъ, не наносилъ имъ такихъ жестокихъ пораженій. Причинами тому были: необыкновенный воинскій духъ, мужество и храбрость, соединенные съ силою физическою и телѣсною.“

Безпрерывныя войны съ римлянами произвели съ теченіемъ времени многія измѣненія и въ военномъ дѣлѣ у германцевъ. Какъ черезъ римскихъ воиновъ, бывшихъ въ плѣну у нихъ, и черезъ римскихъ переметчиковъ и бѣглецовъ, такъ и черезъ своихъ единоплеменниковъ, въ большомъ числѣ служившихъ въ римскомъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 31.

копирци М. Маркова.

ГЕРМАНЕЦЪ.

Источники: Тацитъ, Юлій Цезарь, кн. Голицынъ, Nast, Ottenberger и др.

войскъ и возвращавшихся на родину, германцы заимствовали постепенно многое изъ вооруженія, устройства строя и образа дѣйствій римскихъ войскъ. Употребленіе большихъ мечей и длинныхъ копій, шлемовъ и латъ распространялось болѣе и болѣе. Сверхъ того, вошли въ употребленіе боевыя сѣкиры о двухъ лезвіяхъ, а при осадѣ и оборонѣ городовъ луки и стрѣлы.

Голицынъ, ссылаясь на описанія Цезаря говоритъ ¹⁾, что „всадники были вооружены очень хорошо и богато. Они носили гладко выточенные (полированные) и блестящія стальные латы, бѣлые деревянные щиты, а вмѣсто шлемовъ головы различныхъ дикихъ звѣрей съ разверстыми пастьми и съ высокими перьями въ видѣ крыльевъ, что придавало имъ страшный видъ. У cadaго всадника было по длинному и тяжелому мечу и по два дротика“.

Сражались германцы уже въ строю, болѣе правильномъ, съ раздѣленіемъ на центръ и крылья. „Германцы“, говоритъ Юлій Цезарь ²⁾ „сражались болѣею частью пѣшими, но главную силу ихъ ополченій составляла конница, хорошо вооруженная и устроенная. Каждый всадникъ перевозилъ на лошади за собою по одному пѣшему воину. Если бой становился упорнымъ, то пѣшіе воины соскакивали съ лошадей, выступали впередъ и принимали дѣятельное участіе въ бою. Если кто либо изъ всадниковъ былъ раненъ, то они выносили его изъ боя. Они были столь легкими на бѣгу, что нерѣдко, держась одною рукою за лошадиную гриву, бѣжали рядомъ со скакавшими во весь опоръ лошадьми.

Изъ всѣхъ племенъ Германіи болѣе другихъ отличались своею конницею тенктеры и хауки или кауки. Тенктеры, весьма многочисленный и сильный народъ, принадлежавшій къ союзу херусковъ, жили на правомъ берегу нижняго Рейна, издревле славилась и отличалась между всѣми германскими племенами искусствомъ въ наѣздничествѣ и славилась конницею. По словамъ Тацита, кони составляли главную, лучшую часть ихъ достоянія, а конныя упражненія—предметъ постоянныхъ занятій ихъ въ теченіи цѣлой жизни.

Тацитъ говоритъ, что у тенктеровъ мальчики съ 5 до 20 лѣтняго возраста учились садиться на коней и ѣздить верхомъ, дѣлать вольты, постепенно ихъ уменьшая, укрощать дикихъ лошадей и биться ³⁾. Любовь къ кавалерійскому дѣлу передавалась отъ предковъ къ потомкамъ: тѣже игры дѣтей, тоже соревнованіе юношей, тѣже права на лошадей. Старѣйшій сынъ наследуетъ отъ отца все имущество, но лошади достаются храбрѣйшему и лучшему въ бою.

„Только германцы“, пишетъ Юлій Цезарь ⁴⁾, говоря о тенктерахъ, „увидѣли

¹⁾ Ч. 3, стр. 302.

²⁾ Голицынъ. Ч. 3, стр. 304.

³⁾ Тоже самое Геродотъ приписываетъ персамъ (lib. I).

⁴⁾ Caesar. Bell. Gal., lib. IV. 6-й походъ Цезаря противъ узипетовъ и тенктеровъ, описанный у Голицына въ 7 ч. 4, стр. 54.

нашу конницу (у насъ было 5000 коней, а у противниковъ 800), и наши еще ничего не опасались, какъ непріятель уже налетѣлъ и привелъ въ безпорядокъ. Когда-же наши начали оказывать сопротивленіе, то они соскочили съ коней, въ своему обыкновенію, перебили намъ много лошадей, сбили много всадниковъ въ землю и разсѣяли остальныхъ“.

Кауки, сильный народъ, жившій отъ рѣки Эмса по берегу Нѣмецкаго моря до Эльбы,—были по словамъ Тацита, благороднѣйшимъ изъ всѣхъ германскихъ народовъ; они поддерживали свое величіе болѣе справедливостью, нежели силой, не производили разбоевъ и грабежей и не искали случаевъ къ войнѣ; но въ случаѣ надобности, умѣли и сражаться храбро и искусно, и были одинаково сильны пѣхотой и конницей.

Изъ всего сказаннаго о конницѣ германцевъ видно, что они представляли превосходный матеріалъ для хорошаго полководца, и этимъ матеріаломъ Цезарь умѣлъ воспользоваться. Мы замѣтили уже, что Юлій Цезарь въ своей кавалеріи имѣлъ только первоначально галльскихъ, а потомъ и германскихъ всадниковъ. Тѣмъ и другимъ главнымъ образомъ не доставало только правильнаго тактическаго устройства и порядка дисциплированного войска.

Порядокъ и дисциплину Цезарь вселилъ необыкновеннымъ искусствомъ и обаяніемъ своего имени. Войска Цезаря служили ему одному, а не республикѣ и гордились званіемъ участниковъ славы и побѣдъ Цезаря.

Что касается до тактическаго устройства, то Цезарь, какъ у наемныхъ галловъ, такъ и у германцевъ ввелъ одинаковые порядки.

„Въ конницѣ Цезаря“, пишетъ Голицынъ,¹⁾ тактическою единицею была турма въ 32 всадника, по 8 рядовъ въ четыре шеренги, причемъ, можетъ быть, всадники 2-й шеренги становились за интервалами лошадей первой (согласно съ изслѣдованіями о позднѣйшей греческой тактикѣ). Считая по 5 футовъ на всадника во фронтѣ и по 10 въ глубину, можно положить, что длина фронта и глубина турмы одинаково составляли по 40 футовъ, слѣдовательно правильный квадратъ. 12 турмъ (384—400 всадниковъ) составляли крыло (ala) или полкъ и, вѣроятно, строились подобно пѣхотѣ, въ 2 линіи, съ интервалами между турмами, длиною по фронту въ 440 футовъ. Иногда соединяли по 3 турмы вмѣстѣ (100 всадниковъ). При большомъ количествѣ конницы для атакъ образовали цѣлыя колонны изъ конныхъ крыльевъ, напр., изъ трехъ турмъ (24 ряда) во фронтѣ и четырехъ турмъ (16 шеренгъ) въ глубину, и только послѣ успѣха атаки раздѣляли ихъ снова по турмамъ для преслѣдованія непріятели.

Въ общемъ боевомъ порядкѣ Цезарь располагалъ конницу различно, смотря по обстоятельствамъ: или по ровну на обоихъ флангахъ, или всю на одномъ

¹⁾ Часть 4, стр. 152.

(Фарсаль, Уцита); при Бибрактѣ—за легионами, такъ какъ Цезарь не былъ увѣренъ въ галльской конницѣ; то же самое противъ Аріовиста, потому что войско послѣдняго было ограждено съ фланговъ и тыла повозками; при Диррахіѣ также конница стояла сзади пѣхоты.

Въ отношеніи употребленія кавалеріи замѣчательно у Цезаря то, что никогда конница и пѣхота не дѣйствуютъ отдѣльно. Какъ во время походовъ въ Галлію и Германію, такъ и въ послѣдующихъ междуособныхъ войнахъ всякому отдѣльному отряду придается соотвѣтствующее количество конницы.

Походныя движенія арміи совершались всегда подъ прикрытіемъ авангарда, составленнаго изъ всей или большей части кавалеріи съ придачею легкой пѣхоты.

Въ самомъ бою также кавалерія никогда одна не дѣйствуетъ. „Причиною этому могло быть, „говоритъ Голыцынъ“, тогдашнее неудовлетворительное состояніе конницы, именно совершенный недостатокъ въ ней упорства и стойкости, то что въ ней скорѣе и легче, нежели въ пѣхотѣ, происходило разстройство и безпорядокъ и т. п. А потому нельзя было пособить иначе, какъ придавая конницѣ, на время боя, тѣсно связанную съ нею пѣхоту, достаточно легкую для слѣдованія за дѣйствіями конницы, но и достаточно способную для дѣйствій противъ непріятельской конницы, не издали, а на близкомъ разстояніи“.

Цезарь съ большою выгодною употреблялъ для этого наемную германскую пѣхоту и своихъ аптесигвановъ, располагая ихъ небольшими отдѣленіями (примѣрно манипулы) въ интервалахъ конницы. Они нападали сомкнутыми толпами на атакующую непріятельскую конницу, или слѣдовали за атаками собственной, проникали въ интервалы непріятельской и наносили ей большой вредъ, особенно пораженіемъ лошадей.

Къ этому нельзя не замѣтить, что въ большинствѣ сраженій, особенно во время междуособной войны Цезарь былъ значительно слабѣе въ кавалеріи и потому естественно долженъ былъ ее поддерживать пѣхотою. Такъ, напр., при Фарсаль онъ имѣлъ 1000 всадниковъ противъ Помпеевыхъ 7 тысячъ, включая вспомогательныя войска; при Руспинѣ 3000 всадниковъ противъ 10 тысячъ.

Не смотря на слабость конницы въ обѣихъ упомянутыхъ сраженіяхъ, Юлій Цезарь очень ловко ею воспользовался, назначивъ для поддержки ея отрядъ пѣхоты. Обратимся къ разбору упомянутыхъ сраженій.

Сраженіе при Фарсаль.

Сраженіе при Фарсаль произошло въ 48 году до Р. Х., во время междуособной войны между Цезаремъ и Помпеемъ за обладаніе властью надъ Римомъ.

Овладевъ Италіей и Испаніей, Юлій Цезарь переправился съ своею арміею въ Грецію, гдѣ Помпей сосредоточилъ главныя силы у Диррахіа. Первоначально,

обложивъ армію Помпея съ сухаго пути, Цезарь сильно стѣснилъ своего противника, но, послѣ неудачнаго боя у Диррахія 24 Мая, рѣшился двинуться въ Македонію на соединеніе съ отрядомъ Домиція, который дѣйствовалъ въ Македоніи противъ Сципіона. Помпей двинулся вслѣдъ за Цезаремъ, но помѣшать соединенію его съ Домиціемъ не успѣлъ, самъ-же съ Сципіономъ соединился.

Послѣ соединенія съ Домиціемъ, Цезарь рѣшился испытать счастье въ бою съ Помпеемъ, войска котораго, подъ влияніемъ аристократіи, желавшей окончанія войны, жаждали сразиться съ Цезаремъ.

Столкновеніе случилось въ Фессаліи при Фарсалѣ 29 Іюня.

Мѣстность, на которой произошло сраженіе, представляетъ обширную равнину, чего особенно добивался Цезарь, рассчитывая на нравственное и тактическое превосходство своихъ войскъ.

Помпей былъ вдвое сильнѣе и пѣхотою и, особенно конницею. Онъ имѣлъ 11 легіоновъ, 7 тысячъ кавалеріи и много вспомогательныхъ войскъ, всего по Голицыну 90 тысячъ.

У Цезаря было 22 тысячи легіонной пѣхоты, только одна тысяча человекъ конницы и вспомогательныя пѣшія и конныя войска—всего, примѣрно, по Голицыну 42 тысячи. Вообще достовѣрно извѣстно только то, что Помпей былъ вдвое сильнѣе Цезаря.

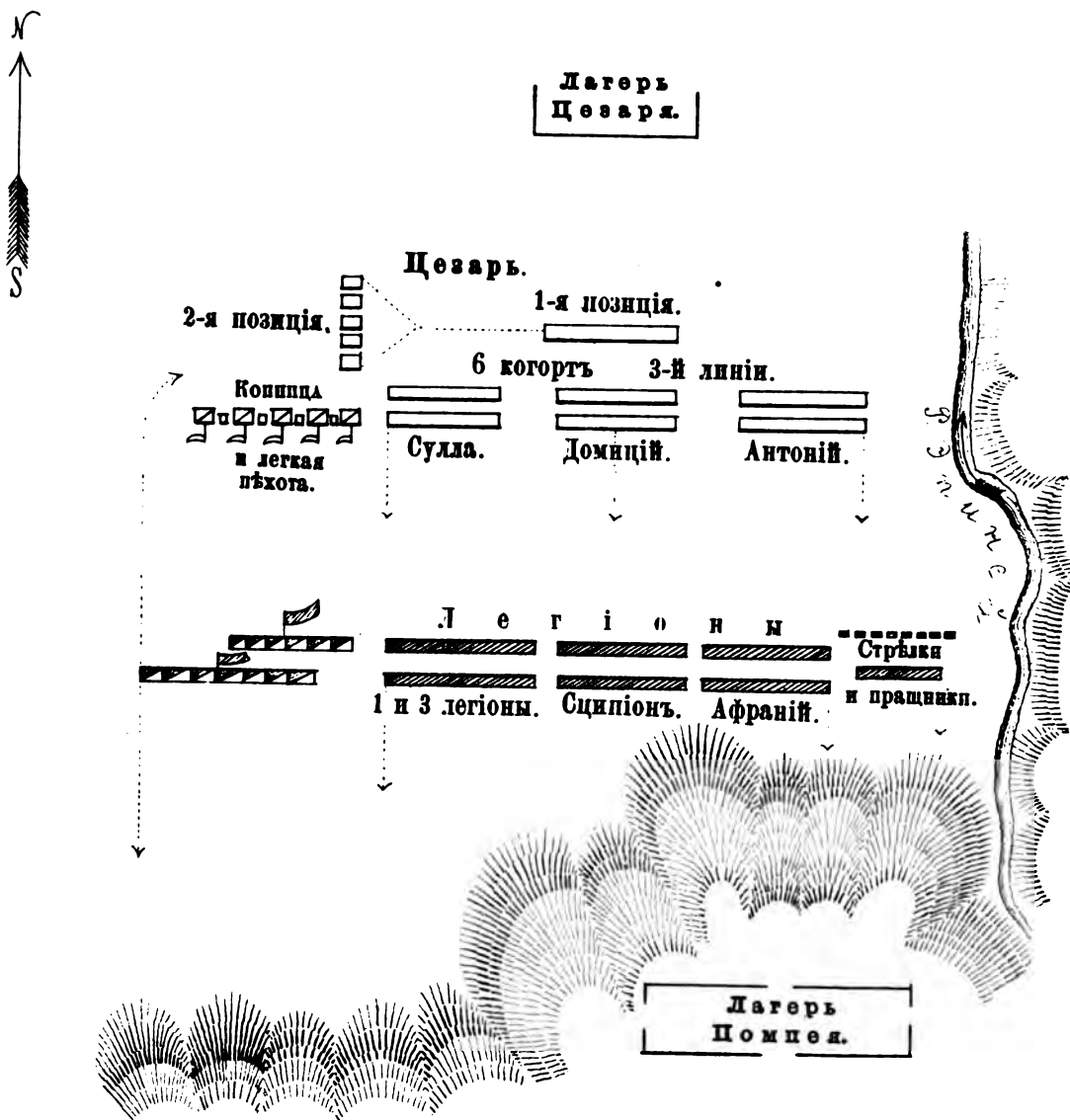
Выйдя изъ лагеря, Цезарь построилъ свою армію въ три линіи: на правомъ флангѣ 10-й легіонъ подъ начальствомъ Суллы, въ центрѣ 80 когортъ Домиція и на лѣвомъ флангѣ соединенные 8-й и 9-й легіоны подъ начальствомъ Антонія 6 отборныхъ когортъ, взятыхъ изъ 3-й линіи, онъ поставилъ въ видѣ резерва за правымъ флангомъ, чтобы усилить этотъ флангъ во время атаки и вмѣстѣ—предохранить его съ открытой стороны равнины отъ многочисленной конницы Помпея. Чтобы усилить свою слабую кавалерію, сосредоточенную на правомъ флангѣ общаго боеваго порядка, онъ расположилъ между отдѣленіями ея часть лучшей своей пѣхоты.

„Цезарь объѣхалъ всѣ войска, ободрилъ и воодушевилъ ихъ краткою рѣчью—замѣтилъ 6-ти когортамъ праваго фланга, что отъ нихъ будетъ зависѣть рѣшеніе судьбы боя, совѣтовалъ, при дѣйствіяхъ противъ изнѣженныхъ римскихъ всадниковъ, наносить имъ удары въ лицо, дабы скорѣе обратить ихъ въ бѣгство, и затѣмъ самъ сталъ на правомъ флангѣ“¹⁾.

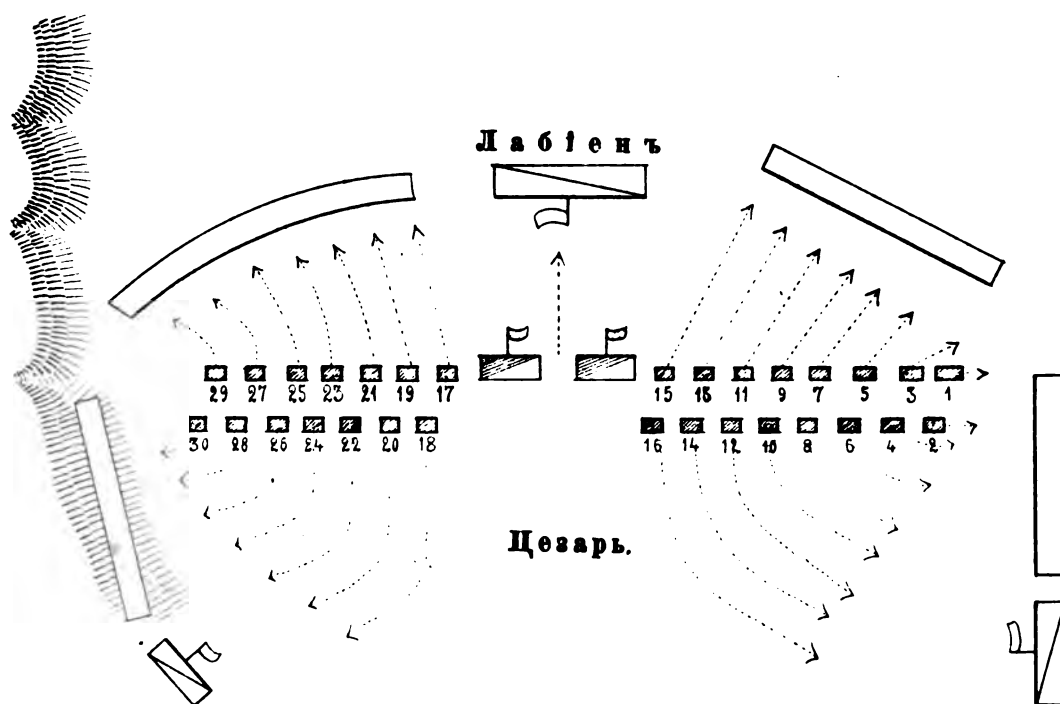
Армія Помпея построилась въ 250—300 шагахъ отъ войскъ Цезаря въ 3 линіи: на лѣвомъ флангѣ подъ личнымъ начальствомъ Помпея стали 1-й и 3-й легіоны, въ центрѣ Сципіонъ съ двумя сирійскими легіонами, и на правомъ флангѣ Афраній съ киликійскимъ легіономъ и испанскими когортами. 2 тысячи вете-

¹⁾ Голицынъ. Томъ 4, стр. 252.

П Л А Н Ъ
С Р А Ж Е Н І Я П Р И Ф А Р С А Л Ъ .

П Л А Н Ъ (С х е м а).
С Р А Ж Е Н І Я П Р И Р У С Ц И Н Ъ .

рановъ волонтеровъ распредѣлены были вдоль всей линіи; вся кавалерія помѣщена была на лѣвомъ флангѣ боеваго порядка, а въ лагерь оставлено 7 когортъ.

Помпей имѣлъ въ виду выждать на мѣстѣ и ударить тогда, когда непріятель, разстроенный наступленіемъ, подойдетъ на близкое разстояніе.

По приказанію Цезаря легіоны его двинулись ускореннымъ шагомъ, но, видя бездѣйствіе непріятели остановились, чтобы перевести духъ и вслѣдъ затѣмъ бросились въ атаку.

Въ то же время кавалерія Помпея, поддержанная легкою пѣхотою, двинулась въ обходъ праваго фланга Цезаревой арміи, оттѣснила его конницу и намѣревалась ударить во флангъ легіонамъ Суллы. Но 6 резервныхъ когортъ, сдѣлавъ перемѣну фронта, неожиданно и стремительно бросились на кавалерію Помпея. Масса камней и стрѣлъ полетѣла въ римскихъ аристократовъ, которые ничѣмъ такъ не дорожили, какъ красотою лица и, усердно защищая его, они обратились въ бѣгство, а легкая пѣхота была истреблена.

Опрокинувъ кавалерію, 6 резервныхъ когортъ ударили во флангъ и тылъ 1-му и 3-му легіонамъ Помпея, одновременно съ фронтальнымъ ударомъ легіоновъ, и обратили всю армію его въ бѣгство:

Самъ Помпей бросился къ лагерю и приказалъ семи оставленнымъ въ немъ когортамъ упорно защищать его; но Цезарь двинулъ конницу, а за нею пѣхоту преслѣдовать бѣгущихъ, взялъ приступомъ лагерь и вторично обратилъ войска Помпея въ бѣгство по дорогѣ къ Лариссѣ. Оставивъ часть арміи въ лагеряхъ, Цезарь снова бросился преслѣдовать и на развѣтѣ заставилъ остатки арміи Помпея положить оружіе.

Сраженіе при Руспинѣ.

Послѣ пораженія Помпеевой арміи при Фарсалѣ Цезарь отправился за Помпеемъ въ Египетъ, тамъ дѣйствовалъ нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ совершилъ походъ противъ Фарнака въ Малую Азію. Между тѣмъ приверженцы Помпеевой партіи сосредоточивали свои силы въ Африкѣ¹⁾, гдѣ къ нимъ присоединился нумидійскій царь Юба. Всего въ арміи ихъ, начальство надъ которою принялъ Метелль Сципіонъ, было 14 легіоновъ (4 царя Юбы), 120 слоновъ, большой флотъ и многочисленная нумидійская кавалерія.

Послѣ упомянутыхъ Александрійской войны и похода противъ Фарнака, Цезарь отправился въ Римъ, возстановилъ тамъ спокойствіе и послѣ того рѣшился предпринять высадку въ Африку для уничтоженія партіи Помпея.

¹⁾ Римская провинція образованная изъ владѣній Картегена на сѣверномъ берегу Африки.

Съ громадными препятствіями, по случаю бурнаго времени, во второй половинѣ октября мѣсяца совершилъ онъ переѣздъ черезъ Средиземное море, высадился въ Адрумета и, двинувшись вдоль берега къ югу, занялъ городъ Лепту. Около города онъ расположилъ лагерь свои войска, и сюда мало по малу прибыла большая часть его перевозныхъ судовъ. Когда большая часть войскъ его собралась, Цезарь занялъ городъ Руспину и приказалъ устроить укрѣпленный лагерь между городомъ и моремъ. Но озабочивалъ Цезаря недостатокъ продовольствія, такъ какъ край былъ истощенъ непріятельскою конницею. По этой причинѣ Цезарь на первыхъ порахъ долженъ былъ предпринимать большія фуражировки.

Сципіонъ узналъ о высадкѣ Цезаря въ Утикъ и тотчасъ началъ собирать свою армію, въ чемъ успѣлъ не ранѣе какъ черезъ три дня, послѣ извѣстія о высадкѣ Цезаря, такъ какъ армія его была расположена на большомъ пространствѣ. Сосредоточивъ 40 тысячъ тяжелой и легкой пѣхоты, большое количество стрѣлковъ и пращниковъ, 8 тысячъ нумидійской и 1600 галльской и германской конницы, Сципіонъ двинулся противъ Цезаря.

Въ это время Юлій Цезарь предпринялъ фуражировку съ тридцатью когортами.

Мѣстность образовала равнину, окруженную горами.

Въ авангардѣ Сципіона шель со своею кавалеріею и частью пѣхоты Лабіенъ, который умѣлъ такъ скрыть свое движеніе, что Цезарь ничего не зналъ о немъ. Не успѣлъ онъ еще начать свою фуражировку и даже отойти на $\frac{1}{4}$ мили отъ своего лагеря, какъ получилъ отъ передоваго отряда извѣстіе о приближеніи непріятеля.

Цезарь думалъ, что противъ него шла только нумидійская конница и хотѣлъ продолжать свое движеніе, приказавъ только присоединиться къ нему изъ лагеря конницѣ съ нѣсколькими сотнями стрѣлковъ. Но, развѣдавъ лично непріятеля и увидавъ его силу, онъ остановилъ свои когорты и приготовился къ бою.

Лабіенъ развернулъ свои войска такъ, что линія ихъ была значительно длиннѣе линіи войскъ Цезаря. Имѣя въ виду охватить послѣдняго съ обоихъ фланговъ, онъ поставилъ часть нумидійской конницы между пѣхотой, а другую часть на флангахъ, вмѣстѣ съ тяжеловооруженной конницею,—все роды войскъ въ глукъ стрѣ.

Цезарь, по малочисленности своихъ войскъ, могъ построить ихъ только въ одну линію, пѣхоту въ серединѣ, а конницу по флангамъ, примыкая лѣвымъ флангомъ къ ряду холмовъ.

По сближеніи обѣихъ сторонъ, пѣхота Цезаря двинулась противъ непріятеля и отразила нумидійцевъ, бывшихъ между пѣхотой Лабіена, но они тотчасъ же обратились назадъ и пошли снова въ атаку. Между тѣмъ на обоихъ флангахъ конница Цезаря была принуждена уступить конницѣ Лабіена, тѣсно примкнувъ

къ пѣхотѣ, а всѣ вообще войска Цезаря—построиться фронтомъ во всѣ стороны и продолжать бой, но еще не въ рукопашную.

Положеніе Цезаря было крайне трудное и опасное, такъ что онъ ежеминутно ожидалъ быть совершенно окруженнымъ и видѣть строй свой прорваннымъ. Но въ эту опасную минуту онъ, съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа рѣшился самъ перейти въ наступленіе. Для этого, по объясненію Рюстова онъ приказалъ всѣмъ четнымъ когортамъ обратиться назадъ и выйти изъ интерваловъ нечетныхъ когортъ 1-й линіи во вторую; затѣмъ одной половиною когортъ второй линіи зайти къ правому флангу, другой къ лѣвому. Эволюція эта была исполнена подъ прикрытіемъ конницы, бывшей на флангѣ, которая послана была въ атаку на нумидійцевъ. Но атака эта была неудачна, и кавалерія принуждена была зайти за пѣхоту. Здѣсь Цезарь ее устроилъ въ два отдѣленія по 200 человекъ и поставилъ въ центрѣ 1-й линіи. Когда и пѣхота и кавалерія исполнили назначенныя имъ передвиженія, Цезарь всѣми войсками перешелъ въ наступленіе. Когорты 1-й и 2-й линій бросились бѣгомъ и оба фланга непріятеля, сначала лѣвый, потомъ правый обратились въ бѣгство. Въ то-же время конницею Цезарь атаковалъ центръ непріятеля и опрокинулъ его въ третьемъ направленіи. Такимъ образомъ непріятель былъ опрокинутъ и на флангахъ и въ центрѣ. Цезарь преслѣдовалъ ихъ до холмовъ и затѣмъ отступилъ въ свой лагерь при Руспинѣ.

Разбирая описанныя сраженія при Фарсалѣ и Руспинѣ въ отношеніи дѣйствій кавалеріи, мы замѣчаемъ, что Цезарь и въ томъ и въ другомъ сраженіи слабъ въ кавалеріи и, не смотря на эту слабость, мастерски ею распоряжается. И въ томъ, и въ другомъ сраженіи кавалерія его первоначально опрокинута непріятельскою массою, но прикрывается пѣхотою и снова устроивается къ бою. Придаваніе пѣхотныхъ частей къ кавалеріи, какъ-бы указываетъ на то, что кавалерія Цезаря рассчитывала вступать только въ оборонительный бой. Но однако-же, дѣйствія ея во всѣхъ сраженіяхъ показываетъ противное. Вѣроятно, Цезарь ставилъ пѣхоту въ интервалы кавалеріи, чтобы на первыхъ порахъ не дать превосходящимъ массамъ непріятельской конницы подавить свою и приберегалъ ее къ тому времени, когда бой назрѣетъ или непріятельская конница потерпитъ неудачу, тогда уже онъ смѣло выдвигаетъ свою кавалерію и извлекаетъ изъ нее всю пользу.

Такъ при Фарсалѣ, когда кавалерія Цезаря была опрокинута, Цезарь выручаетъ ее ударомъ шести когортъ на кавалерію Помпея; въ это время конница Цезаря устроивается, а когда легіоны сломили боевой порядокъ Помпея, конница снова выдвигается впередъ, преслѣдуетъ и добиваетъ противника.

Въ сраженіи при Руспинѣ кавалерія Цезаря, первоначально поставленная на флангахъ боеваго порядка, должна выдерживать напоръ многочисленной конницы Лабіена. Непріятель тѣснитъ и почти окружаетъ войска Цезаря. Чтобы выйти изъ

этого критическаго положенія, Цезарь рѣшается на перестроеніе войскъ для перехода въ наступленіе по тремъ направленіямъ. Чтобы имѣть время на эту эволюцію, Цезарь принужденъ бросить конницу на противника, не смотря на ея малочисленность и сдержать его. Конница Цезаря опрокинута, но когорты пѣхоты, перемѣнивъ фронтъ, производятъ наступленіе, конница укрывается за пѣхоту, устроивается и ведется Цезаремъ въ атаку на центръ противника, который она стремительнымъ ударомъ обращаетъ въ бѣгство.

И такъ сначала кавалерія своею атакою способствуетъ эволюціи пѣхоты, потомъ пѣхота своимъ движеніемъ выручаетъ кавалерію и даетъ устроиться для новыхъ дѣйствій. Изъ этого усматривается то, что связь взаимодѣйствія обоихъ родовъ оружія у Цезаря доведена до высшей степени.

Сравнивая дѣйствія кавалеріи Цезаря съ кавалеріею Аннибала можно замѣтить, что при Цезарѣ мы не встрѣчаемъ такихъ погромовъ, производимыхъ одною кавалеріей надъ противникомъ, какъ при Аннибалѣ. Цезарь громитъ и уничтожаетъ арміи противника, но не одной кавалеріей, а совокупными дѣйствіями пѣхоты и конницы. Причина тому заключается въ томъ, что кавалерія Аннибала и численностью и матеріаломъ своимъ почти всегда превосходила непріятельскую и была безконечно лучше предводима; а такъ какъ фалангообразное построеніе пѣхоты не способствовало наступательнымъ дѣйствіямъ, то пѣхота какъ бы сдерживаетъ противника, а бьетъ конница.

Цезарева кавалерія очень часто, особенно въ Африкѣ, имѣла противъ себя тѣхъ-же галловъ, германцевъ и нумидійцевъ, но въ значительно превосходномъ числѣ, потому и могла развить свои успѣхи только подъ руководствомъ Цезаря, который своими талантами превосходилъ всѣхъ противопоставленныхъ ему полководцевъ. Прерывчатый боевой порядокъ способствовалъ наступательнымъ дѣйствіямъ пѣхоты, и потому оба рода оружія получили возможность при взаимномъ содѣйствіи довести выгоды наступательнаго боя до возможнаго предѣла. Разумѣется, это обстоятельство особенно обнаруживалось въ войнахъ съ галлами, германцами, понтійцами и другими народами, дѣйствовавшими фалангами на основаніи греческой тактики. Въ междоусобной-же войнѣ съ противникомъ, имѣвшемъ войска подобныя Цезаревымъ и дѣйствовавшимъ въ прерывчатомъ боевомъ порядкѣ да еще въ превосходныхъ силахъ, Цезарь могъ брать перевѣсъ только своимъ геніемъ, пониманіемъ свойствъ обоихъ родовъ оружія, знаніемъ людей, преданностью и закаленностью войскъ.

Ко всему этому нужно прибавить, что особенную пользу Цезарь извлекалъ изъ кавалеріи послѣ удачнаго боя, когда надо было доканать противника. Преслѣдованіе разбитаго противника онъ велъ всегда съ крайнимъ напряженіемъ силъ, быстротою и рѣшительностью, а потому и результаты, пріобрѣтаемые побѣдами, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи были громадны. Особенною

энергією отличались преслѣдованія его послѣ побѣдъ: при Фарсалѣ, Зелѣ, Тапсѣ и Мундѣ. Но и при преслѣдованіи Цезарь никогда не оставляетъ кавалерію одну, а непремѣнно слѣдомъ за ней ведетъ пѣхоту.

Что касается до собственно римской конницы, составленной изъ класса всадниковъ и природныхъ римлянъ, то жалкое ея участіе при Фарсалѣ было чуть не послѣднимъ актомъ употребленія ея въ значительныхъ массахъ.

Г л а в а 10-я.

Охранительная и развѣдывательная служба римской кавалеріи. Употребленіе ея на театрѣ дѣйствій.
Партизанскій набѣгъ Юлія Цезаря. Свѣдѣнія о парейнской конницѣ.

При остановкѣ на ночлеги и дневки римляне всегда располагались въ лагеряхъ, которые немедленно по приходѣ укрѣпляли. Внутри лагеря помѣщались, какъ римскіе, такъ и союзные легіоны съ ихъ кавалерією, причѣмъ мѣсто для кавалеріи отводилось въ самой серединѣ. Люди помѣщались въ палаткахъ, а для лошадей разбивались коновязи.

Непосредственное охраненіе лагеря возлагалось на пѣхоту. Охранительная служба на валу и впереди лагеря велась легкими войсками (велитами). Караулы внутри лагеря выставлялись манипулами, каждая для себя, а для ставокъ начальниковъ назначались посты отъ легіоновъ по очереди. Смѣна производилась черезъ три часа по сигналу трубы или волторны. Время опредѣлялось водяными часами.

Для повѣрки бдительности постовъ посылались рунды отъ кавалеріи. Декуріоны первыхъ турмъ каждаго легіона, а на другой день вторыхъ, и такъ далѣе, назначали для рундовъ по четыре всадника, которые, получивъ отъ дежурныхъ трибуновъ письменное приказаніе и опредѣливъ между собою очередь, собирались вечеромъ къ ставкѣ примипила. По сигналу о началіи ночныхъ рундовъ одинъ изъ всадниковъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, объѣзжалъ всѣ посты въ назначенной для его легіона части лагеря, какъ внутри его, такъ и на валу и при воротахъ. Спустя нѣсколько времени объѣзжалъ посты второй всадникъ, потомъ третій и четвертый ¹⁾.

Кромѣ того „конница“ говоритъ Вегецій ²⁾, „держитъ ночью большіе посты, а днемъ высылаетъ отдѣльныя партіи (разъѣзды): одни идутъ утромъ, другіе въ полдень, чтобы по возможности не изнурять людей и лошадей“.

¹⁾ Заимствовано у Зедделера. Исторія В. Искусства Томъ I, стр. 209.

²⁾ Vegetz. Buch III, Cap. I, § 3.

Цезарь прилагалъ особую заботливость о пріобрѣтеніи до открытія походовъ свѣденій о мѣстности и непріятелѣ. Средствами для пріобрѣтенія ихъ служило отряженіе для того особыхъ чиновъ арміи, римлянъ и преимущественно галловъ, или часть конницы, или сношенія съ союзными галльскими племенами и съ приверженными римлянамъ партіями между ними, или, наконецъ усиленные рекогносцировки съ отрядами войскъ. Характеръ послѣдняго рода имѣютъ первыя предпріятія или экспедиціи Цезаря за Рейнъ противъ германцевъ и за море противъ бриттовъ ¹⁾).

Онозандеръ ²⁾ говоритъ, „что начальникъ долженъ выслать конницу для развѣдыванія дорогъ, въ особенности, если приходится проходить черезъ лѣсъ или мѣстность окруженную возвышенностями“.

Вегецій говоритъ ³⁾, „главнокомандующій, готовящійся къ выступленію, выбираетъ вѣрныхъ и доброконныхъ людей и высылаетъ ихъ для осмотра мѣстности по которой приходится идти во избѣжаніе засадъ. Этимъ отрядамъ исполнять возложенныя на нихъ задачи лучше ночью“.

„Если развѣдываніе произведено, то конница открываетъ движеніе, за тѣмъ идетъ пѣхота, обозъ и т. д. Сзади всѣхъ идетъ аррьергардъ, составленный изъ лучшихъ частей конницы и пѣхоты потому, что аррьергардъ чаще подвергается атакамъ, нежели авангардъ“.

„Въ открытомъ полѣ выдвинутая впередъ конница можетъ принести большую пользу, на мѣстности-же гористой выгоднѣе держать впереди пѣхоту“.

Нужно быть знакомымъ съ образомъ веденія войны противника, т. е. знать время, когда онъ охотнѣе всего предпринимаетъ что нибудь: ночью-ли, на зарѣ въ полдень, во время отдыха.

Необходимо знать, въ чемъ заключается главная сила противника, въ конницѣ или пѣхотѣ, конныхъ стрѣлкахъ или копейщикахъ, количество ли силъ или въ превосходствѣ вооруженія.

Соображаясь съ этимъ, придется дѣйствовать, а потому необходимо имѣть хорошихъ развѣдчиковъ, привлекать перебѣжчиковъ, искушать непріятельскихъ солдатъ и узнавать отъ нихъ, что противникъ предпринимаетъ и даже что думаетъ.

Для этихъ цѣлей необходимо постоянно держать легкую кавалерію и легкую пѣхоту въ полѣ, въ постоянной готовности произвести нечаянное нападеніе на противника, во время его движенія, фуражировки, грабежа и т. п.“

¹⁾ Голицынъ, Томъ 4. стр. 139.

²⁾ Strateg. cap. VI.

³⁾ Lib. III, cap. II, § 1.

„Къ обязанностямъ конницы“ говоритъ Гуго ¹⁾, „относится также то, что называютъ добываніе языка“.

Вотъ одинъ изъ [многихъ] примѣровъ: Цезарь выслалъ нѣсколько турмъ въ разныя стороны схватить или добыть людей, отъ которыхъ бы можно было узнать намѣренія непріятеля. Конница выполнила возложенное на нее порученіе (de Bell. Gall).

Юлій Цезарь походныя свои движенія производилъ подъ прикрытіемъ авангарда изъ большей части конницы и легкой пѣхоты, поддерживаемыхъ антесигнанами, или и когортами безъ тяжестей; въ срединѣ шли главныя силы, въ хвостѣ задній отрядъ (аррьергардъ). Обязанностями авангарда были: вступать въ бой съ встрѣченнымъ непріателемъ и давать главнымъ силамъ время для сближенія и построенія къ бою, а главному начальнику для принятія нужныхъ мѣръ; а въ случаѣ преслѣдованія противника—неотступно слѣдить за нимъ и задерживать его, а также развѣдывать о мѣстности и непріятелѣ.

Развѣдываніе производилось особыми развѣдчиками (exploratores) или отдѣльными турмами, высылаемыми впередъ и въ стороны.

Наконецъ на обязанности авангарда лежалъ выборъ и приготовленіе лагернаго мѣста, для чего при авангардѣ были посылаемы центуріоны съ воинами, подъ начальствомъ трибуна или особаго лица по назначенію полководца.

Цезарь тогда только не посылалъ своей конницы въ авангардѣ, когда не надѣялся на нее. Если даже онъ имѣлъ мало конницы, то и тогда посылалъ впередъ хотя небольшую часть ея.

Кромѣ развѣдыванія, кавалерія на театрѣ военныхъ дѣйствій употреблялась у римлянъ: для разобщенія колоннъ непріятельскихъ войскъ, задержанія ихъ на пути, разоренія края, фуражировокъ, партизанскихъ дѣйствій и преслѣдованія.

„Къ обязанностямъ конницы“, говоритъ Юлій Цезарь ²⁾ „должно отнести задержаніе войскъ, идущихъ на помощь непріятелю“. Ливій ³⁾ пишетъ: „консулъ Сервилій приказалъ легату Дециму Бруту выступить съ однимъ легіономъ и конницею противъ подкрѣпленія, шедшаго къ непріятелю, задержать его, гдѣ бы оно ни встрѣтилось и, въ случаѣ нужды, вступить въ бой“.

„Аванпосты донесли“, говоритъ Цезарь, „что высланныя царемъ значительныя силы конницы и пѣхоты идутъ на Утику, одновременно съ этимъ замѣтили облако пыли и головную часть войска. Встревоженный этимъ Куріонъ высылаетъ конницу для задержанія перваго натиска, а самъ началъ свои легіоны, до того занятые работою, устраивать въ боевой порядокъ.“

¹⁾ De militia equestri antiqua et nova.

²⁾ Caesar, lib I, Bel. Civil. Гуго.

³⁾ Liv. lib. X.

Конница, двинувшись впередъ, атакуеть врасплохъ безопасно шедшаго и готоваго къ бою противника, разбиваетъ и обращаетъ въ бѣгство раньше, чѣмъ легіоны кончили свое построение“.

Въ срединѣ лѣта 53 года до Р. Х. Цезарь открылъ походъ противъ Амбіорикса въ земляхъ эбурновъ (въ Галліи). Минуція Базила съ конницею онъ послалъ впередъ черезъ арденскій лѣсъ, чтобы, гдѣ и какъ можно было, внезапнымъ нападеніемъ одержать какіе нибудь успѣхи надъ непріателемъ, а самъ обѣщалъ слѣдовать съ пѣхотою за конницей. При этомъ Цезарь обратилъ вниманіе Базила на то, чтобы онъ не позволялъ на привалахъ разводять огня и тѣмъ не привлечь на себя вниманія.

Минуцій Базиль выполнилъ данное ему приказаніе и прошелъ требуемое пространство такъ быстро, какъ никто не ожидалъ.

Захвативъ плѣнныхъ онъ справился на счетъ дороги, по которой надо было идти, чтобы настигнуть Амбіорикса, окруженнаго небольшимъ отрядомъ всадниковъ. „Въ узкой тѣснинѣ“, пишетъ Цезарь ¹⁾ „друзья и спутники Амбіорикса задержали наступленіе нашихъ всадниковъ, этою задержкою воспользовался Амбіориксъ: бросилъ всѣ военные припасы, лошадей и колесницы и самъ едва успѣлъ ускакать“.

Стараніе непріателя воспрепятствовать фуражировкамъ, говоритъ Вегетій ²⁾ ясно все доказываетъ ихъ важность. Такъ хитрый Верцингеториксъ приказалъ галламъ препятствовать всѣми средствами подвозамъ и фуражировкамъ римлянъ ³⁾, говоря при этомъ, что мало пользы убивать римлянъ,—гораздо важнѣе прістѣть подвозъ припасовъ. Тогда война кончится сама собою.

Съ тѣхъ поръ, какъ римляне начали содержать значительную конницу при своихъ арміяхъ, стычки за производство фуражировокъ между кавалерійскими частями во всѣхъ войнахъ происходили поминутно. Мы уже упоминали о непрерывной дѣятельности для этой цѣли кавалеріи Аннибала. Во времена Юлія Цезаря, въ походахъ его въ Галліи, Германіи и особенно во время Африканской войны, стычки эти нерѣдко обращались въ серіозныя столкновенія, производились нападенія не только на фуражировъ и транспорты, но даже настоящіе партизанскіе набѣги, съ цѣлью захватить или уничтожить склады продовольствія.

Онозандеръ ⁴⁾ даетъ слѣдующія правила для производства фуражировокъ: „отправляя войска на фуражировку, полководецъ долженъ озаботиться, чтобы въ странѣ богатой и плодородной они не разсыявались, отыскивая добычу, потому, что одиночные люди, возвращающіеся съ богатою добычею, легко могутъ подвер-

¹⁾ Caesar. lib VI, Bell. Gal.

²⁾ Hugo cap. III.

³⁾ Caesar. lib. VII.

⁴⁾ Strategicos, cap. X.

гнуться нападеніямъ непріятеля. Поэтому полководецъ для прикрытія безоружныхъ фуражировъ всегда долженъ высылать вооруженныхъ конныхъ и пѣшихъ людей“.

Для прикрытія фуражировъ не только выставляли посты, но иногда часть арміи отправлялась въ прикрытіе. Такъ Ливій говоритъ ¹⁾, что „Аннибалъ выслалъ въ прикрытіе двѣ части всей арміи“.

Такую-же важность, какъ фуражировки, имѣло иногда и добываніе воды. Ливій говоритъ ²⁾, „тарентинская конница служила прикрытіемъ пѣшихъ за водой“. У Цезаря ³⁾ мы читаемъ: „африканцы, оставивъ караулъ въ лагерѣ, шли съ остальными войсками на водопой“.

Партизанскій набѣгъ Юлія Цезаря.

Въ отношеніи продовольствія своей арміи въ особенно затруднительномъ положеніи Юлій Цезарь находился во время Африканской войны. Бурное время года крайне затрудняло судоходство по Средиземному морю. На сухомъ пути край былъ истощенъ непріятельскою иррегулярною конницею, и потому Цезарь принужденъ былъ производить отдаленныя и большія фуражировки. Такъ, на примѣръ, укрѣпивъ Лепту и Руспину, первую изъ которыхъ онъ занялъ особымъ отрядомъ, а у второй расположилъ въ укрѣпленномъ лагерѣ остальные войска, Цезарь предпринялъ фуражировку съ 30-ю когортами. Фуражировки подъ прикрытіемъ такихъ сильныхъ отрядовъ онъ принужденъ былъ производить очень часто, при чемъ противникъ устраивалъ засады или выходилъ съ большею частью войскъ. Наконецъ, когда средства мѣстности совершенно истощились, Цезарь рѣшился перейти къ Тапсу.

На пути къ этому городу ему удалось сдѣлать весьма смѣлый партизанскій набѣгъ. „Вслѣдъ затѣмъ“, пишетъ князь Голицынъ ⁴⁾, „Цезарь совершилъ другое, столь смѣлое и даже отважное и едва вѣроятное предпріятіе, которое можетъ быть объяснено и служить доказательствомъ только крайняго недостатка его въ продовольствіи. Съ большимъ отрядомъ пѣхоты и почти всею конницею онъ произвелъ въ одинъ день настоящій партизанскій набѣгъ, въ виду превосходной числомъ непріятельской арміи, находившейся въ походномъ движеніи. Произошло это по слѣдующему случаю:

Сципіонъ, главнокомандующій непріятельскими войсками, устроилъ въ городѣ Зета большой продовольственный складъ, для сбора запасовъ въ который и охраненія ихъ отрядилъ 2 легіона. Для Цезаря, при затруднительномъ положеніи его

¹⁾ Lib. VII.

²⁾ Lib. XXXV.

³⁾ Caesar. de Bel. civil. lib. I.

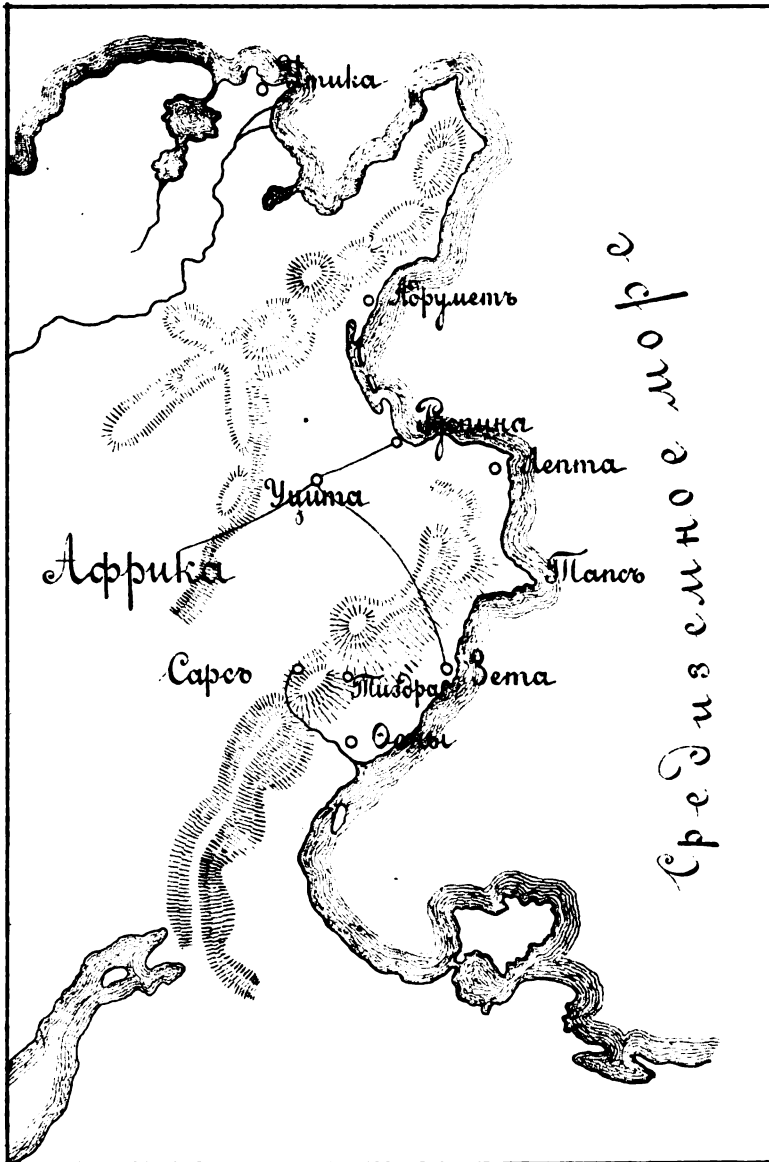
⁴⁾ Томъ 4, стр. 306.

арміи въ отношеніи продовольствія, складъ въ Зетѣ предста-
 вымъ, и потому, какъ только узналъ онъ объ этомъ, тотчасъ
 городомъ Зетой и складомъ. Для этого ему необходимо бы-
 расположеніе непріятельской арміи; но это не устранило
 Для выполненія задуманнаго предпріятія прежде всего онъ
 съ равнины на высоты и приказалъ привести въ такое сил-
 положеніе, чтобы оставленные въ немъ войска могли отражать
 пріятеля, пока онъ самъ будетъ дѣйствовать въ полѣ. Когда
 но, Цезарь рано утромъ выступилъ, какъ сказано, со всею кон-
 отрядомъ пѣхоты, обошелъ кратчайшимъ путемъ непріятельск-
 его направился къ городу Зета и овладѣлъ и городомъ, и
 Легионы, долженствовавшіе защищать Зету, были разсыяны по
 сбора продовольствія и потому не могли оказать Цезарю ника-

Недовольствуясь успѣхомъ предпріятія, Цезарь хотѣлъ на-
 легиона, но уже большая часть арміи Сципіона шла къ Зетѣ
 въ городъ гарнизонъ и, по приближеніи непріятеля, самъ съ за-
 сами двинулся обратно и успѣлъ благополучно пройти чрезъ ра-
 находился городъ Зета. Но когда онъ дошелъ до гористой и по-
 ности, то былъ со всѣхъ сторонъ атакованъ Лабіеномъ, съ мног-
 дѣйскою конницею, легкою пѣхотою, стрѣлками и пращниками. Л-
 принялъ способъ дѣйствій нумидійской конницы: какъ только
 Цезаря, атакуемая со всѣхъ сторонъ и поражаемая градомъ с-
 двигалась бѣглымъ шагомъ противъ атаковавшихъ, они немедлен-
 ращались назадъ вразсыпную, но снова возвращались, коль с-
 продолжали свое движеніе. Такимъ образомъ въ гористой мѣс-
 движеніе Цезаря продолжалось съ большимъ трудомъ и урономъ д-
 въ строѣ большаго четырехугольника, внутри котораго находились
 Зетѣ запасы. Въ такомъ порядкѣ Цезарь къ ночи успѣлъ након-
 въ городъ и доставить арміи своей большое количество продовольс-

Хотя Сципіонъ былъ извѣщенъ достаточно своевременно о дви-
 былъ сильнѣе, могъ совершенно отрѣзать ему отступленіе и имѣлъ
 случай атаковать его съ бѣльшею частью своей арміи; но вмѣсто вс-
 піонъ, растерявшись, бросился на помощь къ легионамъ, оставленнымъ
 противъ Цезаря направилъ Лабіена съ легкими войсками. Но Лабіен-
 тогда, когда Цезарь успѣлъ миновать равнину, представлявшую удоб-
 ствія многочисленной нумидійской конницы Лабіена; въ гористой-л-
 пѣхота Цезаря, хотя съ урономъ, но сумѣла отразить легкія войска
 и отстоять транспортъ.

HARVARD-YENCHING-UNIVERSITY LIBRARY
 STAMFORD BRANCH

Свѣденія о парянской кавалеріи.

Изъ народовъ, съ которыми римлянамъ пришлось вести войны на востокѣ, въ кавалерійскомъ отношеніи болѣе всѣхъ заслуживаютъ вниманія паряне.

О жизни этого скиѣскаго народа до насъ дошли весьма скудные памятники. Извѣстно, что народъ этотъ всегда оставался грубымъ кочевымъ народомъ. Парянскіе орды не имѣли между собою почти никакой прочной связи и соединялись только въ минуту опасности. Цари ихъ были, какъ кажется, только главами большаго союза феодальныхъ владѣтелей или предводителей отдѣльныхъ орды, изъ которыхъ каждый стремился къ царской власти. Почти вся внутренняя исторія Парянскаго царства состоитъ изъ однихъ междоусобій. Эта раздѣльность была причиною, что паряне подпали сначала подъ власть персовъ, при Александрѣ Великомъ подъ власть македонянъ, по смерти его перешли къ сирійскимъ царямъ.

Въ 256 году до Р. Х., воспользовавшись паденіемъ Греко-Бактрійскаго царства и смутами въ Сирійскомъ, паряне образовали независимое царство, основателемъ котораго и родоначальникомъ царственной династіи Арзакидовъ былъ Арзакъ 1-й.

Въ слѣдующія затѣмъ 100 лѣтъ воинственные и честолюбивые Арзакиды распространили предѣлы парянскаго царства отъ Ефрата до Инда. На Ефратѣ послѣ паденія Понтійскаго царства они вошли сначала въ соприкосновеніе, а потомъ въ столкновеніе съ римлянами и подобно тому, какъ германцы на сѣверѣ въ Европѣ, такъ они на востокѣ въ Азіи, около 300 лѣтъ (отъ 54 года передъ Р. Х. до 226 г. по Р. Х.) противопоставляли неодолимую преграду завоеваніямъ римлянъ, сильно тѣснили съ востока римскіе предѣлы и не разъ въ войнахъ съ римлянами наносили имъ жестокія пораженія.

Трогъ-Помпей и другіе описываютъ парянъ народомъ коварнымъ, жестокимъ, хитрымъ, дерзкимъ. Страсть къ грабежу и тревожная дѣятельность заставляли орды ихъ простирать свои набѣги до самой Сиріи.

Главную силу парянъ составляла превосходная ихъ конница. Конная служба составляла почетнѣйшее преимущество и отличіе высшаго, благороднаго и свободнаго сословія. Въ этомъ отношеніи паряне до того были сходны съ персами, что казалось, будто они составляютъ съ ними одну націю.

Паряне отличались особеннымъ умѣніемъ обучать лошадь и биться на конѣ. Говорятъ, что они обладали такою ловкостью и до того владѣли конемъ, что безъ всякаго затрудненія дѣлали любое на немъ движеніе, поворачивались на всемъ скаку, стрѣляли и мѣтко попадали стрѣлами въ преслѣдующаго противника ¹⁾).

¹⁾ Berenger. Die Geschichte des Reiters, стр. 26. Онъ ссылается на: Florus. 49; Tacitus. Ann. 6. 3. 5.; Plinius. 6. 27.; Justin 1. 41. Quint Curt. 4. 12. A. 5—7.

Вегецій говорить, что паряне приучали своих коней поднимать высоко ноги так что они шли, будто бы переступая через какие нибудь предметы. Эти кони достигали особенной гибкости и приготавливались къ перепрыгиванію. Движенія своимъ лошади ихъ походили на испанскихъ или астурийскихъ лошадей.

Для достиженія такого хода паряне прибѣгали къ слѣдующему способу: выбирали совершенно ровное и твердое мѣсто въ 50 шаговъ длиною и 5 ширины. Тамъ ставили правильными линіями и на равномъ разстояніи ящики, наполненные известью, или чѣмъ нибудь другимъ; вводили въ этотъ своеобразный маленькій манежъ лошадь и заставляли ее ходить. Сначала лошади, не умѣя переступать черезъ наставленныя препятствія, были не ловки,—спотыкались, падали, но мало по малу выучивались высоко поднимать ноги и легко переходить всѣ преграды. Вслѣдствіе этого кони парянь были очень вѣрны и несли всадника легко и пріятно ¹⁾.

„Кромѣ того“, говоритъ Беренгеръ, „лошади ихъ были сильны, втянуты въ работу и могли долго переносить лишенія, голодь и жажду“ ²⁾.

Высшее сословіе составляло тяжеловооруженную конницу, одѣтую, по примѣру прежнихъ сосѣдей и властителей своихъ персовъ, съ ногъ до головы въ латы сдѣланныя изъ пластинъ желѣза.

По свидѣтельству Саллюстія всѣ паряне имѣли подобные панцири ³⁾.

Легкую, весьма многочисленную кавалерію составляли рабы. Кромѣ того парянь была и пѣхота, вѣроятно, формируемая также изъ рабовъ.

Вооруженіе парянь и образъ дѣйствій ихъ въ бою имѣли тотъ-же характеръ какъ и у прочихъ скивовъ. Отдавая преимущество метательному оружію—лукамъ и дротику, паряне славились необыкновенно ловкимъ, искуснымъ владѣніемъ ими въ особенности-же стрѣльбою изъ луковъ съ коней впередъ и назадъ на всенъ скаку. По этому они были столько же страшны въ бѣгствѣ, сколько и въ нападеніи и преслѣдованіи.

Кромѣ того, паряне употребляли арканы для накидыванія петли на противника. Тоже самое Геродотъ рассказываетъ про сагартовъ, кочующее племя Персій. „Они выставляли до 8000 всадниковъ безъ всякаго предохранительнаго вооруженія. Для боя они надѣвали платье изъ ремней и имѣли при себѣ только арканы и кинжалъ. Накинувъ петлю на противника, они быстро поворачивали лошадей скакали въ противоположную сторону и сбрасывали такимъ образомъ неприятеля съ коня.

¹⁾ Vegenger, стр. 26.

²⁾ Тамъ же, стр. 32.

³⁾ Baumgaertner. стр. 58.

Исторія конницы М. Маркова.

Е. Черни.

ПАРӨЯНЕ.

Источники: Ноттенгоф и Прохоровъ.

О прочих скинских племенах историки повѣствуютъ тоже самое. Павзаній ¹⁾—о сарматахъ, Діодоръ ²⁾ о тирійцахъ, Іосифъ ³⁾ о скизахъ и аланахъ.

При началіи войны паряне обыкновенно отступали, разоряли страну, защищая одни большіе города и старались заманить противника внутрь края, между тѣмъ, какъ отдѣльные ихъ отряды дѣйствовали на его фланги и тыль; сраженіе начинали они всегда на открытыхъ равнинахъ.

Если непріятель дѣйствовалъ наступательно, паряне отступали, производя сильную стрѣльбу изъ луковъ и частыя нападенія съ фронта, фланговъ и тыла, отдѣльными толпами удалцовъ—наѣздниковъ, поддерживаемыхъ сильными резервами. Ослабивъ и утомивъ этимъ непріятели, они производили общее, дружное, рѣшительное нападеніе съ нѣсколькихъ сторонъ.

Если непріятель отступалъ, то быстро его преслѣдовали, стѣсняли со всѣхъ сторонъ, истребляли отдѣльные отряды, затрудняли продовольствіе и беспокоили днемъ и ночью.

Такимъ способомъ дѣйствій парянамъ удалось уничтожить при Каррахъ въ Мессопотаміи армію триумвира Красса; другой разъ принудить Антонія, вторгнувшагося въ Мидію, къ весьма гибельному для него отступленію и въ послѣдствіи остановить завоеванія римлянъ въ Азіи.

„При такомъ образѣ дѣйствій и составѣ парянскихъ армій“, говоритъ Голицынъ, весьма естественно, что паряне сражались всегда на равнинахъ, боя-же на мѣстности пересѣченной, тщательно избѣгали, стараясь заманивать непріятели въ мѣстность ровную и открытую“.

Вообще постоянною чертою дѣйствій парянь въ полѣ и въ бою было стремленіе подавлять непріятели численнымъ превосходствомъ силъ; а тамъ, гдѣ одной силы было недостаточно—прибѣгать къ пособію военныхъ хитростей.

Глава 11-я.

Кавалерія въ періодъ упадка римскаго военнаго искусства. Многочисленность ея въ составѣ армій. Паденіе Рима подъ ударами варваровъ. Аттила. Его кавалерія. Сраженіе на Каталаунскихъ поляхъ.

Во время междоусобныхъ войнъ искатели власти въ Римѣ, желая имѣть въ своемъ распоряженіи больше силъ, не стѣснялись выборомъ людей для набора

¹⁾ Pausanius, lib. I.

²⁾ Diodorus, lib. XVII.

³⁾ Josephus, lib. VII.

легионовъ. Мы раньше уже упоминали, что составъ войскъ римскихъ началъ ухудшаться со временъ Марія, допустившаго въ составъ легионовъ вольноотпущенниковъ и рабовъ. Сулла и особенно Цезарь своими талантами сумѣли перевоспитать и вселить воинскій духъ въ подчиненныя имъ войска. Но послѣ смерти Цезаря внутренніе беспорядки въ государствѣ сильно отозвались и на войскѣ. Уклоненіе высшихъ сословій, неразборчивость комплектованія, неаккуратность въ выдачѣ жалованія и разныя злоупотребленія подали поводъ къ ослабленію дисциплины, своеволю, распутству и даже мятежамъ.

Октавій Августъ, одолѣвъ своихъ соперниковъ и достигнувъ единодержавной власти, рѣшилъ переорганизовать римскія войска. Первымъ дѣломъ онъ удалилъ безпокойныхъ ветерановъ, размѣстивъ ихъ по разнымъ колоніямъ, изгналъ изъ арміи отпущенниковъ и рабовъ и составилъ новое, постоянное войско изъ 25 легионовъ, въ которые принимались только римскіе граждане, и значительнаго количества вспомогательныхъ пѣшихъ и конныхъ дружинъ. Эти 25 легионовъ, состоявшіе въ непосредственномъ управленіи императора, были размѣщены въ пограничныхъ областяхъ. Внутренняя безопасность государства охранялась городскими когортами, состоявшими въ вѣденіи сената. Кромѣ того, Октавій сформировалъ отдѣльный корпусъ тѣлохранителей, подъ названіемъ преторіанцевъ, который состоялъ изъ десяти когортъ, по 1000 человекъ въ каждой.

Конница раздѣлялась на: 1) легионную, 2) вспомогательную, 3) наемную и 4) преторіанскую.

1) *Легионная* была восстановлена Августомъ, но только по названію, такъ какъ набиралась уже не изъ сословія всадниковъ, а обыкновеннымъ наборомъ, какъ и пѣхота. При этомъ въ кавалерію старались брать сельскихъ жителей предпочтительно передъ городскими. Легионная кавалерія, согласно дѣленію легиона, была распределена по когортамъ слѣдующимъ образомъ:

Каждый легионъ состоялъ изъ 10 когортъ. Первая когорта имѣла преимущество предъ остальными въ отношеніи численности и лучшаго состава людей. Сюда выбирались люди по возможности лучшаго происхожденія и лучшаго образованія. При первой когортѣ находился орелъ (знамя римскихъ войскъ) и портретъ императора, почитавшіеся священными. 1-я когорта, называвшаяся также когортою тысячи, состояла изъ 1105 человекъ пѣхоты и 132 всадниковъ. Всадники первой когорты назывались всадниками въ панцыряхъ (*clibanarii, cataphracti*), и, какъ сами, такъ и лошади ихъ, были съ ногъ до головы покрыты латами. Такимъ образомъ всадники первыхъ когортъ давали тяжеловооруженную кавалерію ¹⁾.

¹⁾ Голицынъ. Ч. 5, стр. 9. Vegetius, lib. II, cap. 1, § 6.

Прочія когорты состояли изъ 550 человекъ пѣхоты и 66 всадниковъ и назывались когортами пятисотъ. 3-я и 5-я когорты, составлявшія центръ и фланги, были также лучшаго состава, а 5-я иногда равнялась по величинѣ съ первою.

Иногда кавалерія состояла только при первой когортѣ.

Сила легіона въ первомъ случаѣ простиралась до 6100 человекъ пѣхоты и 462 человекъ конницы, въ послѣднемъ кавалеріи было только 132 всадника.

2) *Вспомогательная (auxiliares) конница*, выставляемая подвластными народами, составляла отдѣльныя когорты, изъ которыхъ нѣкоторыя были силою въ 1000, другія въ 500 человекъ ¹⁾. Вспомогательная конница располагалась на флангахъ боеваго порядка и потому называлась также крыльями (alae). Крылья изъ пятисотъ всадниковъ дѣлились на 5 турмъ, а тысячныя на 10 турмъ.

3) *Наемную конницу* давали римлянамъ различные народы, склонные къ кавалерійской службѣ: испанцы, галлы, аракійцы, азійскіе народы, африканцы или нумидійцы и германцы.

Конницы, выставляемыя упомянутыми народами, составляли бѣольшую и лучшую часть римской кавалеріи и, смотря по способу боя, имѣли разныя названія: одноконные (monipri), ходившіе въ бой съ однимъ конемъ; и двуконные (amphipri), имѣвшіе двухъ лошадей; соскакивающіе (desultores), ѣздившіе на лошади, но для боя спѣшивавшіеся.

4) *Преторіанская кавалерія*. „Конницу эту“ пишетъ Настъ, ²⁾ „надо отличать отъ легіонной. Она набиралась изъ сословія всадниковъ, удовлетворявшихъ цензу, и дѣлилась на 6-ть турмъ“. „Начальникъ каждой турмы“, по свидѣтельству Юлія Капитолина ³⁾, „назывался Sevir.“ Кроме того, Августъ выбралъ 200 всадниковъ изъ числа неудовлетворявшихъ требуемому цензу, которые назывались Dusenarii ⁴⁾ и составляли особую турму императора“.

Впослѣдствіи императоръ Гальба, какъ свидѣтельствуемъ Светоній ⁵⁾, выбралъ изъ сословія всадниковъ юношей, сохранилъ имъ перстень и назвалъ evocati. Служба ихъ заключалась въ содержаніи караула въ домѣ императора.

Эвокатами (equites evocati) также назывались люди, выслужившіе сроки и которымъ предложено остаться вновь на службѣ.

Августъ возстановилъ прежнюю строгость военнаго порядка, узаконилъ тщательный наборъ войскъ, установилъ твердо размѣръ и правильную выдачу жалованія и опредѣлилъ часть государственныхъ доходовъ въ свое непосредственное

¹⁾ Huginus. Nast. Römische Crigsalterthümer. Стр. 97, § 108.

²⁾ Nast, стр. 96, § 107.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Hugo. Demilitia equestri, cap. IV.

⁵⁾ Тамъ же.

распоряженіе для содержанія арміи. Для занятія же войскъ въ свободное отъ службы время, равно какъ и для обороны огромной имперіи и облегченія внутреннихъ сообщеній, велѣлъ онъ употреблять ратниковъ на укрѣпленіе городовъ пограничныхъ линій, на устройство большихъ военныхъ дорогъ и т. п.

Военныя упражненія прогулки, походы, забытыя во время междоусобныхъ войнъ, были вновь введены Августомъ и поддерживались при Веспасіанѣ, Титѣ и Антонинахъ. Изъ новобранцевъ составляли особыя когорты или команды, въ которыхъ рекрутъ (tyrones) обучали 4 мѣсяца тому, „въ чемъ прежде постоянно упражнялись всѣ вообще граждане, какъ несовершеннолѣтніе, такъ и совершеннолѣтніе“¹⁾.

Благоразумныя постановленія Октавія Августа, хранившія тишину и порядокъ въ государствѣ и войскѣ въ продолженіе сорокалѣтняго царствованія его, были нарушены уже первыми его преемниками. Жестокость или слабость этихъ преемниковъ, возбудивъ ненависть народа и послуживъ поводомъ къ частнымъ заговорамъ, заставила ихъ снова прибѣгнуть къ войску, какъ къ вѣрнѣйшей опорѣ своего владычества; они снова стали увеличивать плату и преимущества ратниковъ и потворствовать ихъ порокамъ. Неминуемымъ слѣдствіемъ такихъ мѣръ были упадокъ воинскаго порядка и возраставшее болѣе и болѣе своевольство воиновъ. Когда же Тиверій изъ недовѣрчивости къ жителямъ Рима устроилъ близъ него постоянный станъ для всего преторьянскаго корпуса, то дружины эти и начальники ихъ—префекты, почувствовавъ, сколь необходимы они для императора и сколь страшны для народа, присвоили себѣ противузаконную власть и вліяніе на государственныя дѣла; а, наконецъ, и право располагать по своему произволу престоломъ.

По прекращеніи династіи Цезаря въ особѣ Нерона, легіоны, расположенные въ областяхъ, послѣдовали примѣру преторьянцевъ и стали также провозглашать императорами любимыхъ вождей своихъ. Римская имперія снова сдѣлалась поприщемъ бунтовъ, междоусобій и всякаго рода ужасовъ.

Притомъ непрерывное увеличеніе войска, которое оказалось необходимымъ, какъ по усилившемуся тогда натиску варварскихъ народовъ, такъ и по частымъ внутреннимъ безпокойствамъ, равномѣрно и упадокъ воинскаго духа были причиною, что легіоны снова наполнились чернью; что срокъ службы былъ увеличенъ, и что, наконецъ, вовсе перестали увольнять ратниковъ въ отставку. Отъ этого узы, соединявшія народъ и войско, были порваны. Воины, презирая гражданъ, гнушаясь ими, презирали также всякое невоенное занятіе и проводили мирное время въ праздности и распутствѣ.

¹⁾ Голицынъ.

Не смотря однако же на такое состояніе войска и на безпрерывныя внутреннія потрясенія, Римъ сохранилъ въ этомъ періодѣ внѣшнюю свою силу и торжествовалъ за весьма немногими исключеніями надъ многочисленными противниками. Это должно болѣе приписать талантамъ нѣкоторыхъ полководцевъ и императоровъ, превосходству военнаго искусства и тому страху, который издревле вселяемъ былъ римлянами сосѣдямъ, нежели мужеству, дисциплинѣ и порядку римскихъ войскъ.

Съ введеніемъ во время Діоклетіана и особенно Константина Великаго государственныхъ реформъ произошло измѣненіе и въ организаціи войскъ.

Кавалерія раздѣлялась на легіонную, вспомогательную, пограничную и гвардейскую, соотвѣтственно общему раздѣленію военно-сухопутныхъ войскъ.

Въ легіонѣ сначала количество кавалеріи было тоже самое, какъ упомянуто выше, т. е. 462 всадника; но мало по малу увеличиваясь, при Валентиніанѣ II, по словамъ Вегеція, дошло до 726 человекъ.

Вспомогательная конница состояла изъ конныхъ вексилъ (vexillae), въ 200 человекъ каждая.

Пограничную конницу составляли конныя роты изъ 100 всадниковъ.

Конная гвардія дѣлилась на школы (scholae) или роты также 100 всадниковъ.

Легіонная и вспомогательная кавалерія подраздѣлялась, какъ вообще легіоны и войска вспомогательныя, на три разряда, въ зависимости отъ степени готовности, въ которой они должны были находиться на случай войны: 1) Палатинскія войска или императорскія составляли дѣйствующую армію, были всегда въ полной готовности, не имѣли постоянныхъ мѣстъ расположенія и получали болѣе противъ другихъ содержаніе; 2) Комитатскія или областныя были расположены постоянно въ областяхъ по домамъ и собирались только на короткое время для упражненій; 3) Подкомитатскія соотвѣтствовали запасному земскому ополченію и собирались въ случаѣ крайней опасности.

Раздѣленіе на палатинскія, комитатскія и подкомитатскія дало возможность Константину Великому уменьшить количество постоянныхъ войскъ, а вмѣстѣ съ этимъ и сократить громадныя на нихъ расходы.

Что касается до отношенія кавалеріи къ пѣхотѣ, то количество первой въ составѣ арміи постепенно увеличивается. Мы уже замѣчали, что, не смотря на существовавшія положенія относительно числительности войскъ въ легіонахъ, эта числительность мѣнялась въ зависимости отъ обстоятельствъ; но приблизительно во времена республики кавалерія составляла $\frac{1}{10}$, хотя исключенія были иногда весьма рѣзки ¹⁾. При императорахъ сила легіона полагалась въ 6100 человекъ, изъ

1) При Каннахъ на 80 т. войскъ 7200 конницы $\frac{1}{11}$.
 — Иллингъ на 45 т. — 3000 кавалер. $\frac{1}{15}$.
 — Замъ на 42 т. — 6700 — $\frac{1}{6}$.
 — Фарсалъ у Помпея на 47 т. — 7000 кав. почти $\frac{1}{7}$.

этого числа 426 чел. конницы. Но въ дѣйствительности сила легіона до такой цифры не достигала.

При Діоклетіанѣ и Константинѣ Великомъ дѣйствительная сила легіоновъ простиралась только отъ 4 до 5 тысячъ человекъ разныхъ войскъ ¹⁾, а позже уменьшалась постепенно и доходила до 2500, 2 тыс. и даже 1 тыс. человекъ.

При Валентиніанѣ II, по свидѣтельству Вегеція ²⁾, при той-же численности легіона количество конницы было увеличено до 726 всадниковъ. Если къ этому принять въ расчетъ значительно большій процентъ конницы въ составѣ вспомогательныхъ войскъ, сравнительно съ легіонами, то легко повѣрить, что во времена Вегеція кавалерія составляла $\frac{1}{5}$ даже $\frac{1}{4}$ часть римскихъ армій.

„Во времена императоровъ“, говоритъ Голицынъ, ³⁾ „по вооруженію конница была тяжелая и легкая. Тяжелая (clypearii, cataphracti) была вооружена по прежнему на подобіе греческихъ катафрактонъ, и, какъ всадники, такъ и сами лошади были покрыты съ ногъ до головы латами. Легкая конница была вооружена преимущественно метательнымъ оружіемъ“. Это подтверждаютъ, хотя не вполне Гуго, Элліанъ и Левъ императоръ. Элліанъ ⁴⁾ пишетъ, что „конница различалась по своему вооруженію: часть ея была совершенно покрыта панциремъ, другая не вполне“. Подъ первую, по мнѣнію Гуго, Элліанъ подразумѣваетъ тѣхъ всадниковъ, которые не только сами, но и лошади которыхъ, покрыты были панциремъ, какъ у персовъ и грековъ.

Левъ императоръ говоритъ ⁵⁾, что „у древнихъ конница была частью въ панциряхъ, частью безъ него; первая имѣла: шлемъ, нагрудники, небедренники и т. д.“ Гуго ⁶⁾, дѣлая различіе между тяжелымъ и легкимъ снаряженіемъ конницы, говоритъ, что „у римлянъ были тяжело и легковооруженные всадники, но вооруженіе на коней не распространялось“.

Легкая кавалерія, какъ замѣчено, была вооружена преимущественно метательнымъ оружіемъ, но предохраняла себя иногда легкими панцирями. „Легкое вооруженіе“, пишетъ Гуго, ⁷⁾ „дѣлалось изъ льна, дерева, губки, веревокъ, шерсти, кожи, страусовыхъ кожъ, легкой бронзы, тонкаго желѣза, покрытаго листовымъ золотомъ“.

Мы знаемъ, что всадники первыхъ когортъ составляли тяжеловооруженную кавалерію и назывались всадники въ панциряхъ. Поэтому легкое предохра-

¹⁾ Голицынъ. Часть 5, стр. 177 и 178.

²⁾ Vegetius, lib. II, cap. VI.

³⁾ Часть 5, стр. 9.

⁴⁾ De instruendis aciebus. Ссылка Гуго.

⁵⁾ Leo Imperator. Tact., cap. VI § XXX.

⁶⁾ De militia equestri. Глава IV.

⁷⁾ Тамъ-же.

тельное вооруженіе надо отнести къ всадникамъ, состоявшимъ въ прочихъ категорияхъ и къ конницѣ вспомогательной. Что же касается до наемной кавалеріи, то каждая нація, дававшая такую конницу римлянамъ, имѣла свое вооруженіе, которое описано уже или будетъ описано при изложеніи повѣствованія о кавалеріи этихъ народовъ.

Вегецій пишетъ, что „конница въ составѣ римскихъ армій отличалась въ его время (въ концѣ IV вѣка) хорошимъ вооруженіемъ и обученіемъ всадниковъ, и добротой коней“. „Но въ этомъ“, говоритъ Голицынъ, „можно сомнѣваться“. Очень можетъ быть, что Вегецій относитъ это не къ самимъ римлянамъ, а къ наемнымъ кавалеріямъ германцевъ и другихъ народовъ, входившимъ въ составъ римскихъ армій.

Вооруженіе римскихъ войскъ по многимъ свѣденіямъ въ послѣднія времена существованія имперіи постепенно облегчается: латы дѣлаютъ весьма тонкими, шлемы замѣняютъ легкими греческими шишаками; а со времени Граціана римскіе ратники совершенно перестаютъ носить латы, а, вмѣсто шлемовъ, головы покрываютъ паннонскими мѣховыми шапками ¹⁾.

Нападательное оружіе оставалось у тяжеловооруженной кавалеріи тоже самое, что было и во время республики, но мечи нѣсколько облегчены, а копьѣ сдѣланы длиннѣе.

Жалованіе конница получала значительно больше пѣхоты. Чтобы снискивать расположеніе войскъ, императоры, начиная съ самого Августа, весьма часто увеличивали оклады жалованья и, сверхъ того, еще безпрестанно дѣлали особые, болѣе или менѣе щедрые денежные дары. Августъ увеличилъ жалованье войску вообще противъ окладовъ Цезаря, а преторьянцамъ назначилъ двойное жалованье. При Тиверіи и Домиціанѣ жалованье было снова увеличено, и войска получали уже: при Тиверіи пѣшій воинъ—10 римскихъ ассовъ (6 коп. въ сутки или 1 золотой, 1 р. 80 коп.) въ мѣсяць, центуріонъ—вдвое, а конница и преторіанцы втрое; при Домиціанѣ же всѣ вообще вчетверо болѣе, т. е. пѣшій воинъ—4 золотыхъ, центуріонъ 8, а конница и преторіанцы 12 золотыхъ (21 р. 60 к.) въ мѣсяць. Но и послѣ Домиціана жалованье продолжало увеличиваться и въ концѣ III вѣка достигло наибольшихъ окладовъ. Первоначально изъ жалованья производились, какъ прежде, большіе вычеты за казенную одежду, оружіе, продовольствіе, ставки и пр. Но впослѣдствіи жалованье выдавалось безъ всякихъ вычетовъ.

Діоклетіанъ и Константинъ В. нѣсколько уменьшили жалованье и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничили и роскошь въ войскѣ. Но послѣ нихъ и то, и другое снова стали все болѣе и болѣе увеличиваться, и въ послѣднія времена, въ V вѣкѣ, достигли

¹⁾ Голицынъ. ч. 5, стр. 177. Зедделеръ. ч. 1, стр. 190. Пузыревскій Исторія В. Искусства въ средніе вѣка. Ч. I, стр. 5.

уже такой степени, что напримѣръ, высшіе военачальники содержали на войнѣ до 200 человекъ прислуги и до 150 лошадей каждый ¹⁾.

Во времена первыхъ императоровъ римлянамъ приходилось воевать съ германскими народами, которые дѣйствовали огромными и сомкнутыми массами и обыкновенно рѣшали битвы силою перваго натиска; и съ парянами, которыхъ войско состояло преимущественно изъ конницы. Это заставило римскихъ полководцевъ усилить переднюю линію строя, уменьшить интервалы между частями и увеличить количество кавалеріи.

Вслѣдствіе этого третья линія была уничтожена, и легіоны стали строиться только въ двѣ линіи. Но, чтобы имѣть для опасныхъ случаевъ отборныя и надежныя части, первую когорту каждаго легіона составляли изъ воиновъ испытаннаго мужества и дѣлали ее вдвое сильнѣе, какъ уже объ этомъ было говорено.

При дурномъ составѣ тогдашнихъ римскихъ армій и усилившихся дѣйствіяхъ противъ народовъ сѣверныхъ и восточныхъ, вскорѣ и этотъ строй уже былъ признанъ не довольно сомкнутымъ и твердымъ, и вслѣдствіе этого Траянъ первый ввелъ уже строй легіона по когортамъ въ одну линію. Надо замѣтить, что во времена императоровъ особенно большое примѣненіе въ полевыхъ сраженіяхъ получили метательныя машины. Въ боевомъ порядкѣ машины, дѣйствовавшія навѣсно, становились за пѣхотою, а дѣйствовавшія горизонтально на флангахъ легіона и въ интервалахъ.

Легіонная конница, по Вегецію ²⁾, строилась на флангахъ легіона, по Арриану же конные стрѣлки становились позади пѣхоты для навѣсной стрѣльбы, а изъ легіонной конницы 4 турмы на флангахъ или за флангами пѣхоты, а три въ одной линіи за пѣхотою.

О соединеніи турмъ конницы крыльевъ говоритъ только одинъ Эллианъ ³⁾. По его описанію каждая турма состояла изъ 64 всадниковъ; двѣ турмы составляли эпилархію, въ 128 коней; двѣ эпилархіи—тарентину, въ 256 коней; двѣ тарентины—магистерію, въ 512 коней; двѣ магистеріи—эипархію, въ 1024 коня; двѣ эипархіи—телось, въ 2048 коней; два телоса—эпитагму, которая и составляла наибольшую тактическую единицу конницы, въ 4096 всадниковъ.

Такое подраздѣленіе существовало въ македонской конницѣ, но только вмѣсто турмы былъ илосъ, а вмѣсто магистеріи—гиппархіа. Мы знаемъ, что турма римская состояла во времена Полибія изъ 32—33 всадниковъ, Вегецій считаетъ 32—34, Гигинъ ⁴⁾ въ турмѣ вспомогательной конницы—считаетъ 50 всадниковъ. Изъ этого

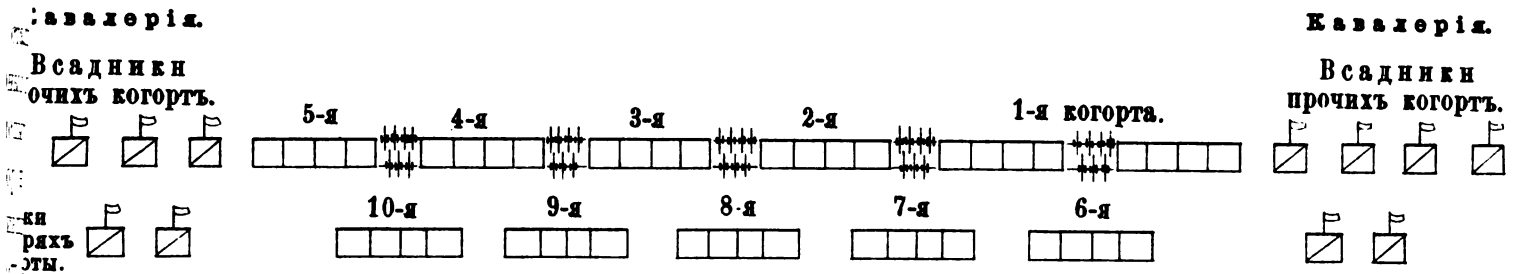
¹⁾ Заимствовано у Голицына. ч. 5, стр. 17 и 182.

²⁾ Голицынъ. Ч. 5, стр. 13.

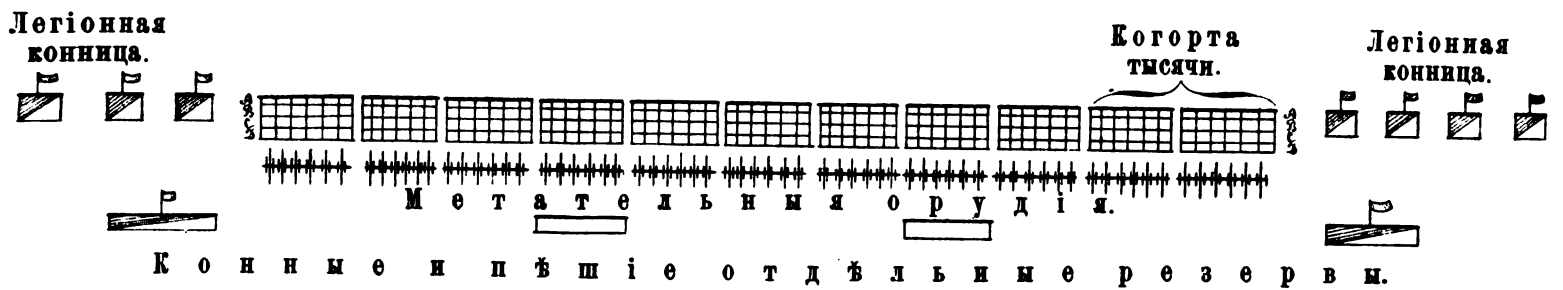
³⁾ De instruendis aciebus. Смысла Гуго, сар. V.

⁴⁾ Nast., стр. 97, § 108.

СТРОЙ ЛЕГИОНА ПО КОГОРТАМЪ ВЪ 2 ЛИНИИ.

СТРОЙ ЛЕГИОНА ПО КОГОРТАМЪ ВЪ ВИДЪ ФАЛАНГИ.

- АА. — 1-й классъ линейной пѣхоты.
- ВВ. — 2-й классъ линейной пѣхоты.
- СС. — 1-й классъ легкой пѣхоты.
- ДД. — 2-й классъ легкой пѣхоты.

видно, что подразделение Эллиана не сходится по исчислению турмы ни съ однимъ изъ приведенныхъ писателей. Быть можетъ Эллианъ говорить о легионной конницѣ и называетъ конницу одной изъ когортъ турмою; но и тутъ есть разногласіе, такъ какъ въ когортахъ, кромѣ первой, было не 64, а 66 всадниковъ. Если же описаніе Эллиана отнести къ позднѣйшему времени, когда, какъ турмы, такъ и прочія тактическія единицы, были удвоены, даже утроены ¹⁾, то выйдетъ разногласіе съ княземъ Голицынымъ, который полагаетъ, что Эллианъ жилъ въ первой половинѣ II-го вѣка по Р. Х. ²⁾.

Остается предполагать, что Эллианъ въ своей тактикѣ приводитъ построения македонской кавалеріи съ переменною названій нѣкоторыхъ тактическихъ единицъ. Очень можетъ быть, что эти подразделения никогда не были приняты въ римской кавалеріи.

Въ III вѣкѣ, во времена Каракаллы и Александра Севера, боевой строй легиона былъ преобразованъ въ строй македонской фаланги. Явились отряды аргираспидовъ, халхаспидовъ и друг. Впрочемъ послѣ Александра Севера это было опять отмѣнено. Если бы не предположеніе Голицына, что Эллианъ жилъ во второмъ вѣкѣ, то приведенныя выше подразделения конницы можно было бы отнести къ описываемому времени, когда между римлянами распространилась склонность къ наукамъ, искусству и военному дѣлу грековъ. Эллианъ какъ разъ, какъ мы замѣтили, приводимымъ имъ подразделеніямъ даетъ названія „греческія“.

Въ IV и V вѣкахъ опять римляне принимаютъ строй въ видѣ фаланги, легионы становятся почти безъ промежутковъ, но въ 6-ть шеренгъ, какъ видно изъ послѣдняго чертежа. Какъ самый строй въ видѣ фаланги, такъ и масса метательныхъ машинъ, малодушіе, изнѣженность и слабость римскихъ воиновъ отнимаютъ у боеваго порядка подвижность.

Дѣйствія пѣхоты утрачиваютъ наступательный характеръ, и она, при помощи массы легкихъ войскъ и метательныхъ машинъ, старается останавливать наступательныя дѣйствія противника массою стрѣлъ, камней и другихъ метательныхъ снарядовъ. Ясно, что при такомъ оборонительномъ способѣ боя активная роль стала принадлежать исключительно конницѣ.

Со временъ императора Каракаллы, давшаго право гражданства всѣмъ союзникамъ, различіе между континентами, поступавшими въ разные роды конницы, уничтожились; боевой порядокъ въ видѣ фаланги выдѣлилъ всю конницу на фланги армій, причемъ тяжеловооруженная кавалерія строилась непосредственно около фланговъ пѣхоты, а легкая на наружныхъ флангахъ тяжеловооруженной. Первая

¹⁾ Аммианъ (lib 18) говоритъ о двухъ турмахъ, въ которыхъ вмѣстѣ было 700 коней, слѣдовательно сила турмы увеличилась до 350 всадниковъ.

²⁾ Томъ 5, стр. 526.

11

- 1) Lib. III, cap. I, § I
- 2) Romische Ketzerei, 1871, S. 37, § 1.
- 3) Занимствовано у Голлицина.

лять большую и главную силу войска и занимать въ немъ мѣста военачаль-
ь и полководцевъ.

Вступая въ римское войско, они вносили въ него свои военныя учрежденія
ройство, и такимъ образомъ военное устройство римской имперіи стало при-
ть характеръ римско-германскій. Такъ въ 382 году вестготы и остготы, нахо-
іеся въ предѣлахъ имперіи и приведенные Θεодосіемъ Великимъ къ покор-
и и мирному поселенію въ назначенныхъ имъ областяхъ, получили отъ него
и, съ обязанностью имѣть всегда въ готовности для императора 40 тысячъ
къ.

Они считались въ службѣ государства, признавали императора верховнымъ
имъ военнымъ королемъ, но имѣли собственныхъ своихъ вождей, и такимъ об-
омъ составили первое, въ предѣлахъ римскаго государства, германское военное
ударство.

Въ 394 году, въ войнѣ Θεодосія Великаго съ Арбогастомъ, магистромъ вой-
а въ западной имперіи, у перваго въ арміи были почти одни готы, а у послѣд-
го почти одни франки и аллеманы. Но эти же самыя готы по смерти Θεодосія,
льзуюсь слабостью преемниковъ его, подъ начальствомъ Алариха произвели втор-
еніе сначала въ Грецію, потомъ въ Римъ, разграбили его и опустошили большую
астъ Италіи. Подарки и назначеніе земель для ихъ населенія понудили только
отовъ двинуться черезъ Галлію въ Испанію.

Слабые преемники Θεодосія не могли остановить напора варваровъ на провин-
цію римской имперіи. Въ концѣ IV и въ началѣ V вѣка на всемъ пространствѣ отъ
устьевъ Дуная до крайней оконечности Испаніи западную римскую имперію частью
обложила, частью пресѣкла цѣлая цѣпь германскихъ и славянскихъ народовъ,
совершенно отрѣзавъ ей сообщеніе съ римскими провинціями къ сѣверу отъ этой
линіи. Испанію заняли вандалы и свевы, Лузитанію, нынѣшнюю Португалію,
аланы, Аквитанію вестготы; на сѣверо-западныхъ берегахъ Галліи бритты и армо-
рики объявили себя независимыми; а Британія была въ 426 году добровольно
очищена римлянами.

Южную Галлію заняли бургунды и франки. Гунны, вышедшіе во второй поло-
винѣ IV вѣка изъ Азіи, отгѣснили готовъ къ западу и, распространившись до
рѣки Тиссы, соединились въ 444 году подъ владычествомъ Аттилы и заставили
восточную римскую имперію платить себѣ дань.

По смерти Θεодосія, при слабыхъ его преемникахъ, государственная власть
переходила въ обѣихъ имперіяхъ изъ рукъ въ руки между государственными пра-
вителями и главными начальниками войскъ. Почти всѣ они, за исключеніемъ Аз-
ція, были изъ варваровъ—германцевъ, вандаловъ, готовъ и другихъ. Политика
ихъ, продолжавшаяся до самаго паденія западной римской имперіи и бывшая од-
ною изъ главныхъ причинъ его, заключалась въ томъ, что означенныя выше лица,

имѣя въ своей власти вооруженную силу, составленную преимущественно и подъ конецъ почти исключительно изъ варваровъ, предпочитали не самимъ быть императорами; но неограниченно править въ той или другой имперіи, подъ именемъ безсильныхъ и ничего незначившихъ императоровъ.

Преслѣдуя собственныя цѣли, они не стѣснялись призывать варваровъ не только на помощь себѣ, но иногда просто для отвлеченія вниманія правительства или соперниковъ. Такъ Стиликонъ, утвердивъ свою власть на западѣ при помощи германскихъ народовъ, хотѣлъ двинуться на Константинополь, гдѣ власть захватилъ въ свои руки Руфинъ; а Руфинъ, для упроченія своего вліянія въ Византіи, призналъ лучшимъ средствомъ возбудить большую войну, и побудилъ задунайскихъ гунновъ произвести нашествіе черезъ Кавказскій перешеекъ на азіатскія провинціи.

Впослѣдствіи также Бонифацій, соперничая съ Аэціемъ, призвалъ на помощь себѣ изъ Испаніи вандаловъ, которые, воспользовавшись этимъ, перешли въ Африку, овладѣли этою провинціею и основали здѣсь Вандальское Королевство.

Развращенное, изнѣженное римское общество раболѣпно должно было переносить и происки правителей, и вторженія варваровъ, которые, почувствовавъ свою силу въ разваливавшейся дряхлой имперіи, стали хозяйничать въ ней совершенно самостоятельно. Таланты нѣкоторыхъ полководцевъ, какъ Стиликона и Аэція, также не могли остановить роковаго теченія событій. Они громили враговъ имперіи, но преслѣдовали и собственные интересы, и варвары, сдерживаемые только именемъ и талантами этихъ людей, по смерти послѣднихъ съ новою силою нападали, врываются и внутри государства римскаго основывали свои королевства.

Изъ всѣхъ народовъ, съ которыми въ послѣднее время существованія западной римской имперіи приходилось сталкиваться, въ отношеніи кавалеріи наиболее всѣхъ обращаютъ на себя вниманія гунны, скиены и сарматы, вошедшіе въ составъ Гуннскаго царства подъ властью Аттилы.

Гунны, кочевой народъ, нахлынувшій во второй половинѣ IV вѣка изъ степей средней Азіи въ Европу, водворился на пространствѣ между Волгой и Дунаемъ, и въ 445 году подъ рукою Аттилы образовалъ обширное царство, грозное для Рима и всѣхъ тогдашнихъ народовъ Европы.

„Современные историки“, говоритъ князь Голицынъ ¹⁾, „описываютъ ихъ самыми мрачными красками: безобразный, отвратительный, звѣрскій видъ ихъ наводилъ ужасъ не только на грековъ и римлянъ, но даже и на европейскихъ варваровъ; необыкновенная дикость, грубость и свирѣпость ихъ нравовъ увеличивали еще ужасъ, наводимый ихъ наружностью. Они вели жизнь кочевую, и общественное устройство ихъ было вполнѣ военное. Они раздѣлялись на множество отдѣльныхъ поколѣній или орды, подъ управленіемъ своихъ родовыхъ старѣйшинъ или правителей. Орды эти

¹⁾ Часть 5, стр. 209.

Исторія конници М. Маркова.

Г У Н Н Ъ.

Замѣстовано изъ Welt in Waffen. Berneck.

1888

одна отъ другой независимы, но соединялись въ бѣльшемъ или меньшемъ числѣ большихъ нашествій, подобныхъ произведеннымъ ими на Китай и народы верх-Азіи и южной Европы. На войну гунны шли раздѣленные по ордамъ, поколѣбамъ и семьямъ, предводимымъ своими правителями, родоначальниками или старшинами, въ сопровожденіи женъ, дѣтей и стадъ своихъ. Изъ нихъ послѣднія, между ними особенно лошади, составляли все ихъ богатство и главное средство веденія войны и продовольствованія въ ней; питаея мясомъ и молокомъ своихъ лошадей, гунны сражались всегда на коняхъ, малорослыхъ и некрасивыхъ, но крѣпкихъ, сносныхъ и чрезвычайно быстрыхъ на бѣгу, были отличными всадниками и вождями и составляли превосходную легкую конницу“. Марцелинъ ¹⁾ говоритъ, „гунны мало способны къ пѣшему бою; но сидятъ на своихъ уродливыхъ, приростныхъ ко всевозможнымъ трудамъ и лишеніямъ коняхъ, какъ прикованные. Сидя на конѣ, они покупаютъ и продаютъ, ѣдятъ, пьютъ и спятъ, наклоняясь на „узкіе вымычки коней“. Одеждою ихъ были звѣриныя шкуры или грубыя ткани, а вооруженіемъ—копья, мечи, большіе луки и большія стрѣлы. Послѣдними они столько искусно дѣйствовали съ коней, на всемъ скаку, взадъ и впередъ, сколько твердо и ловко ѣздили на коняхъ и управляли ими. Страшные и этимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ и наѣздничествѣ, и умѣренностью въ пищѣ, и способностью переносить всѣ непогоды, труды и лишенія, и невѣроятною быстротою своихъ движеній, гунны, которыхъ не въ состояніи были удерживать ни высочайшія горы, ни глубочайшія рѣки, были столько же страшны и въ бояхъ. Подобно всѣмъ восточнымъ и другимъ народамъ, сражавшимся на коняхъ, они, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, немедленно производили на него стремительное и яростное нападеніе со всѣхъ сторонъ, стараясь сломить его однимъ ударомъ и подавить численнымъ превосходствомъ силъ. Если же это не удавалось съ перваго раза, то они разсѣивались и, снова обращаясь назадъ, тревожили, утомляли, ослабляли непріятеля частыми нападеніями и наконецъ довершали его пораженіе послѣднимъ, дружнымъ, рѣшительнымъ ударомъ. Сражались они всегда на равнинахъ, имѣя въ тылу за собою свои станы, огражденные многочисленными повозками, составлявшими ихъ обозы“.

Въ послѣдующія времена, гунны, обогатившись несмѣтными сокровищами, добытыми войною, стали одѣваться и вооружаться гораздо богаче; военачальники и знатнѣйшіе изъ нихъ даже съ роскошью, особенно богато украшая своихъ коней.

Народъ, извѣстный въ древности у грековъ и римлянъ подъ именемъ скивоновъ, занималъ нынѣшнія: Таврическую и Херсонскую губерніи, Бессарабію, часть губерніи Екатеринославской, Подольской и Кіевской, почти всю Молдавію, Буковину и Коломыйскій округъ въ западной Галиціи.

¹⁾ Marcellinus, lib. XXXI.

САРМАТЪ (языгъ) и СКИФЪ

IV вѣка по Р. Х.

Источники: Прохоровъ, Hottenroth, кн. Голицынъ и др.

говорить ¹⁾, что „сарматы были превосходными наѣздниками и имѣли большое коневодство“. Во время войны они носили особое вооруженіе, которое покрывало и всадника и коня. „Достойно удивленія“, замѣчаетъ Тацитъ ²⁾, „что вся сила сарматовъ лежитъ какъ бы внѣ ихъ; въ пѣшемъ бою они трусливы и безсильны; но едва ли есть боевой порядокъ, который устоитъ противъ атаки ихъ конницы“.

Одежда сарматовъ состояла изъ широкаго исподняго платья (шароваръ) ниже колѣнъ и длиннаго плаща безъ рукавовъ, застегнутаго на плечѣ и носимаго на голомъ тѣлѣ; зимою же они носили кафтаны съ рукавами изъ звѣриныхъ шкуръ и капюшоны, покрывавшіе голову и лицо.

Звѣриная охота или война были постоянными ихъ занятіями, а жили они данью сосѣднихъ народовъ, грабежемъ и дарами римскихъ императоровъ. Вольныя дружины бродниковъ нанимались на службу къ европейскимъ и азіятскимъ народамъ, а въ качествѣ союзниковъ дѣйствовали въ передовыхъ войскахъ римскихъ, въ Европѣ и Азіи, и персидскихъ (впослѣдствіи же греческихъ и даже арабскихъ и монголо-татарскихъ). Безъ нихъ не начинался бой и не рѣшалась побѣда, почему Амміанъ Марцелинъ справедливо писалъ въ IV вѣкѣ: „аланами усѣяно все пространство отъ Балтійскаго моря до азіятскихъ путей и до Ганга“ ³⁾.

Послѣ Марка Аврелія римскіе императоры часто были принуждены воевать съ сарматами. При Аврелианѣ они вмѣстѣ съ готами освободили Дакію и принудили Аврелиана переселить изъ нея римскихъ поселенцевъ въ Мизію. Послѣ того всѣ земли по р. Тиссъ перешли во власть сарматовъ, противъ которыхъ въ 294 году вооружился Діоклетіанъ, почему карпатскія, туземныя племена стали называться „*Sarmatae servi*“, въ отличіе отъ повелителей ихъ „*Sarmatae liberi jasyges*“.

Нашествіе готовъ и утверженіе ихъ въ странахъ днѣпровскихъ прервало связь между дунайскими и донскими сарматами, такъ что первые уже не могли получать подкрѣпленій отъ послѣднихъ.

Мы уже упоминали, какъ сарматы подъ-угорскіе (*servi*) въ 334 году возстали противъ сарматовъ дунайскихъ, свободныхъ (*jasyges*) и принудили ихъ удалиться частью въ нынѣшнюю Богемію, частью въ римскіе предѣлы, гдѣ они и вступили, въ числѣ 300 тысячъ человекъ въ римскую службу. Константинъ Великій поручилъ имъ охраненіе дунайскихъ границъ, которыя и прикрылъ крѣпостями. Послѣ того сарматы неоднократно воевали за римлянъ и противъ нихъ.

Оставшись послѣ дяди своего Роаса или Ругиласа въ двоємъ съ братомъ правителями орды гунновъ, поселившейся въ Панноніи, Аттила вмѣстѣ съ нимъ

¹⁾ Die Geschichte der Reiter, стр. 32 и 33.

²⁾ Tacitus, lib. I.

³⁾ Заимствовано у Голицына, ч. 5, стр. 201.

... и ... и ... и ...

... и ... и ... и ...

... и ... и ... и ...

... и ... и ... и ...

Получив известия о том, что император Валентиниан просил Гейзериха, король встал и ...

Поход Аттилы был подобен переселению народов. Все славянские и германские племена, через земли которых проходило это ...

1) Одного племени съ готами.

Голицынъ говоритъ ¹⁾, что „въ союзахъ германскихъ и азійскихъ народовъ, то: готескомъ, гуннскомъ и другихъ, совершившихъ грозныя нашествія на эту имперію, во множествѣ находились народы сарматскаго и скинскаго или янскаго племени“. Въ подтвержденіе того, что готы, если не были всё кони, то во всякомъ случаѣ были на коняхъ въ огромномъ числѣ, можетъ служить свидѣніе Радагайса въ 405 году на Италію, во главѣ двухсоттысячнаго войска готовъ. Голицынъ объ немъ пишетъ ²⁾, что „онъ такъ мало разумѣлъ въ себѣ веденія войны, что вмѣсто того, чтобы пользоваться обширными равнинами для дѣйствій своей многочисленной конницы, допустилъ обложить себя въ горахъ Тессуль“.

Относительно свевовъ, также входившихъ въ значительномъ числѣ въ составъ племенъ Аттилы, Гуго говоритъ ³⁾: „свевы часто соскакиваютъ во время боя съ коней и дерутся пѣшкомъ“. Лошади ихъ такъ приучены, что остаются на томъ же мѣстѣ, на которомъ ихъ покинули всадники.

Вообще мы склонны думать, что въ описываемое время, конецъ V вѣка, германцы, гелеты и ариманіи имѣли большое количество всадниковъ съ легкими пѣшими конями, перевозимыми на крупахъ лошадей, особенно у готовъ, гепидовъ, свевовъ, вандаловъ, которые въ теченіе V вѣка были почти въ непрерывныхъ движеніяхъ. Германцевъ, обогатившихся набѣгами и перенявшихъ многое отъ римлянъ, конемъ почиталось почетнымъ; а потому всякій, кто хотѣлъ отличиться отъ другихъ, при первой возможности пріобрѣталъ коня. Поэтому мы полагаемъ, что при совершеніи вторженій пѣшіе люди, бѣднѣйшіе, были въ незначительномъ числѣ и слѣдовали при вагенбургахъ въ тылу. Но о франкахъ сказать этого нельзя, такъ какъ въ этомъ народѣ преобладающимъ войскомъ была пѣхота, только ко времени Карла Великаго кавалерія начинаетъ преобладать.

Послѣднимъ подтвержденіемъ того, что между германцами въ описываемое время кавалерійское дѣло имѣло большое развитіе служитъ то, что въ составѣ римскихъ армій во времена Цезаря, кавалерію составляли исключительно германцы; а при послѣднихъ императорахъ ее составляли они же, частью гунны и сарматы, служившіе по найму.

Кромѣ упомянутыхъ народовъ, къ полчищамъ Аттилы присоединились: часть франковъ, геруловъ, маркомановъ, также перемѣшавшихся съ сарматами и др.

Въ армію Аэція, магистра войскъ и полководца римскаго, выступившаго на встрѣчу Аттилѣ, вошли, кромѣ римской арміи, вестготы Теодориха, сарматы, аланы—также сарматское племя, часть франковъ, бургунды и др.

¹⁾ Часть 5, стр. 36.

²⁾ Тамъ же, стр. 292 и 293.

³⁾ De militia equestri. Caesar Bel. Gal., lib. IV, cap. IV.

Мы знаемъ, что въ составѣ римскихъ армій въ описываемое время кавалерія преобладала; къ вестготамъ можно отнести все вышесказанное вообще о готахъ; сарматы и аланы были природные кавалеристы.

Изъ сказаннаго о составѣ армій Аттилы и Аэція видно, что обѣ онѣ по преимуществу состояли изъ конницы. Мы замѣтили, что подъ начальствомъ Аттилы было отъ 500 до 700 тысячъ; Аэцій съ присоединившимися поддѣрженіями довелъ свою армію до такого же числа. Слѣдовательно происшедшее между ними сраженіе на Каталаунскихъ поляхъ можно считать битвою кавалеріи, въ которой съ обѣихъ сторонъ сошлось больше милліона всадниковъ. Такое количество конницы съ основанія міра еще не сходялось ни на одномъ полѣ сраженія.

Аттила двинулся къ верхнему Рейну, разбилъ и истребилъ бургундовъ и нѣсколько городовъ, оказавшихъ ему сопротивленіе. Переправившись черезъ Рейнъ, онъ взялъ направленіе между Рейномъ, Мозелемъ, Самброю и Сеной, все истребляя и разрушая. Многіе города впустили Аттилу и были разграблены, другіе отваживались сопротивляться и были также разграблены; въ томъ числѣ главный и лучшій городъ Галліи Триръ.

Аэцій, съ небольшимъ войскомъ перейдя Альпы, сталъ присоединять къ себѣ галльскіе легіоны и стягивать вспомогательныя войска изъ всѣхъ провинцій, незанятыхъ гуннами. Въ Арелатѣ соединился съ нимъ Теодорихъ съ вестготами, сюда же подошли сарматы, франки и другія германскія племена.

Аттила, продолжая движеніе, ворвался въ Орлеанъ; но въ то же время къ этому городу подходилъ Аэцій, сдѣлавъ нападеніе на гунновъ во время грабежа и множество ихъ истребилъ. Аттила вывелъ за городъ свои полчища, устроилъ и двинулся на сѣверъ. Аэцій и Теодорихъ пошли за гуннами, не нападавая на нихъ, и обѣ арміи прибыли на обширныя Каталаунскія поля, въ окрестностяхъ нынѣшняго Шалона на Марнѣ.

Аттила выбралъ эту открытую мѣстность, представлявшую значительныя удобства для дѣйствій его многочисленной конницы. Аэцій также рѣшился здѣсь вступить въ сраженіе.

По описанію Юрнанда, Каталаунская равнина простиралась въ длину на 30 миль и въ ширину на 20 миль; къ западу лежала одна высота, очень важная для обѣихъ сторонъ.

И та и другая сторона расположились обширными лагерями въ намѣреніи на другой день вступить въ сраженіе. Но столкновенія начались еще ночью. Отрядъ франковъ, производившій, вѣроятно, какое нибудь передвиженіе, или посланный на рекогносцировку, столкнулся съ равносильнымъ отрядомъ гепидовъ, и между ними произошелъ ночной чрезвычайно кровопролитный бой, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ пало до 15 тысячъ.

Быль осенній пасмурный день, когда въ 451 году по Р. Х. произошла Ката-лаунская битва, долженствовавшая рѣшить судьбу западной римской имперіи. Къ сожалѣнію современные лѣтописцы оставили намъ описаніе этого сраженія только въ общихъ чертахъ, умолчавъ о ближайшихъ подробностяхъ.

Имѣя въ виду заблаговременно овладѣть вышеупомянутою высотой на лѣвомъ флангѣ Аэція, Атилла двинулъ туда отрядъ войскъ, но Аэцій успѣлъ предупредить его, выславъ туда отрядъ гѣтовъ подъ начальствомъ Торисмунда, сына Теодориха. Въ происшедшей схваткѣ Торисмундъ отразилъ гунновъ съ урономъ, занялъ высоту и утвердился на ней.

Это была, считая съ Орлеанской, третья неудача гунновъ; жрецы не предвѣщали побѣды, и потому Атилла медлилъ общимъ нападеніемъ, чтобы сократить битву и ночью обезпечить себѣ надежное отступленіе. Но, чтобы всѣ эти обстоятельства не повліяли вредно на его полчища, онъ собралъ начальниковъ и старѣйшинъ орда и сказалъ имъ одушевленную рѣчь, изобразилъ имъ шаткое состояніе римской имперіи и презрительно отнесся къ изнѣженнымъ, развращеннымъ ихъ войскамъ, которыя искали защиты и поддержки у союзныхъ варваровъ. Затѣмъ обѣ стороны выстроились въ боевой порядокъ. Самъ Атилла съ гуннами и скинами сталъ въ центрѣ, на правомъ флангѣ Атилла расположилъ гепидовъ и другихъ подъ начальствомъ Ардариха, а на лѣвомъ поставилъ остготовъ и сарматовъ Валамира.

Въ римской арміи Аэцій съ своими непосредственными войсками сталъ на лѣвомъ флангѣ, на правомъ флангѣ остготы подъ начальствомъ Теодориха, въ серединѣ же поставлены были аланы и другіе сарматы подъ командою Сангибана, которымъ Аэцій не особенно довѣрялъ. Кромѣ того, отрядъ вестготовъ подъ начальствомъ Торисмунда на крайнемъ лѣвомъ флангѣ занималъ высоту.

Изъ распоряженій Аэція видно, что онъ, располагая ненадежныхъ аланъ въ центрѣ, поступилъ аналогично съ Аннибаломъ, который подъ Каннами составилъ центръ также изъ менѣе надежныхъ войскъ; и самый бой разыгрался подобно каннскому: какъ тамъ попала въ тиски пѣхота римская, составлявшая центръ и ядро арміи Варрона, такъ тутъ, какъ увидимъ, въ тиски попала конница гунновъ, составлявшая ядро арміи Атиилы.

„Битва началась сильными: стрѣльбою изъ луковъ и метаніемъ дротиковъ, при чемъ со стороны Атиилы“, говоритъ Голицынъ ¹⁾, „особенно искусно дѣйствовали скины“. За тѣмъ дѣло мало по малу разыгралось по всему полю и обратилось въ сраженіе крайне разнообразное, сложное, упорное и кровопролитное, по увѣренію современныхъ историковъ, равнаго которому „не бывало прежде и не будетъ впоследствии“.

¹⁾ Часть 5, стр. 221.

Быль уже вечеръ, когда Аттила, ставъ во главѣ гунновъ, стремительно ударилъ противъ середины непріятельскаго войска, т. е. сарматовъ и аланъ Сангибана; опрокинулъ ихъ, прорвавъ такимъ образомъ центръ Аэція, и немедленно атаковалъ лѣвый флангъ вестготовъ. „Теодорихъ, сражавшійся въ первыхъ рядахъ и примѣромъ своимъ одушевлявшій своихъ вестготовъ, былъ смертельно раненъ копьемъ знатнаго остгота Андега. Но въ это время сынъ его Торисмундъ, занимавшій высоту на лѣвомъ флангѣ, опрокинулъ ихъ и тѣмъ далъ вестготамъ время снова собраться и устроиться. Тогда гунны были атакованы спереди и на обоихъ флангахъ, между ними распространился безпорядокъ, они обратились въ бѣгство, увлекли за собою самого Аттилу, и только наступившая ночь спасла его отъ совершеннаго пораженія“. Такъ описываетъ атаку Аттилы князь Голицынъ ¹⁾. Все это вкратцѣ имъ изложенное мы объясняемъ слѣдующимъ образомъ:

Одновременно съ атакою гунновъ въ центрѣ противъ аланъ, вѣроятно, двинулись впередъ гепиды, и остготы на флангахъ Аттилы. Гепиды наткнулись на боевой порядокъ легионовъ Аэція съ массой метательныхъ машинъ; а, если пѣхота Аэція занимала и часть упомянутой высоты лѣваго фланга или вся была на ней, то гепидамъ пришлось одолѣвать сильную позицію, массу камней, стрѣлъ и огня, и вступить въ рукопашный бой съ пѣхотою: разумѣется въ наступленіи своемъ они были задержаны. Торисмундъ ударивъ въ Ардариху во флангъ обратилъ гепидовъ въ бѣгство, а затѣмъ и онъ, и самъ Аэцій можетъ быть получили возможность обратиться во флангъ гуннамъ Аттилы.

Остготы Валамира на лѣвомъ крылѣ атаковали вестготовъ Теодориха и не смотря на-то, что вождь вестготовъ былъ убитъ остготомъ, вѣроятно имѣли неудачу, такъ какъ Голицынъ пишетъ, что гунны Аттилы были слабо поддержаны гунскими данниками ²⁾.

Атакованные въ лѣвый флангъ Аттилою, вестготы пришли въ безпорядокъ. Но подошедъ Торисмундъ, выручилъ вестготовъ и аланъ, и безпорядочно столпившійся центръ Аттилы былъ съ обоихъ фланговъ и центра атакованъ перешедшими въ наступленіе римлянами, вестготами и аланами. Произошла страшная рѣзня. Впервые разбитый на голову, Аттила понесъ 100 тысячъ человѣкъ урона и, прикажавъ къ своему вагенбургу, „приказавъ сложить костеръ изъ самыхъ дорогихъ сѣделъ, въ намѣреніи сжечь себя на немъ въ случаѣ непріятельскаго приступа; шумною музыкой и дикими криками старался снова возбудить мужество своихъ войскъ и скрыть отъ непріятели свое трудное положеніе“. Гунны собравшись вокругъ царя своего спѣшились ³⁾ и приготовились къ упорной оборонѣ стана дѣйствіемъ въ пѣшемъ строю позади повозокъ.

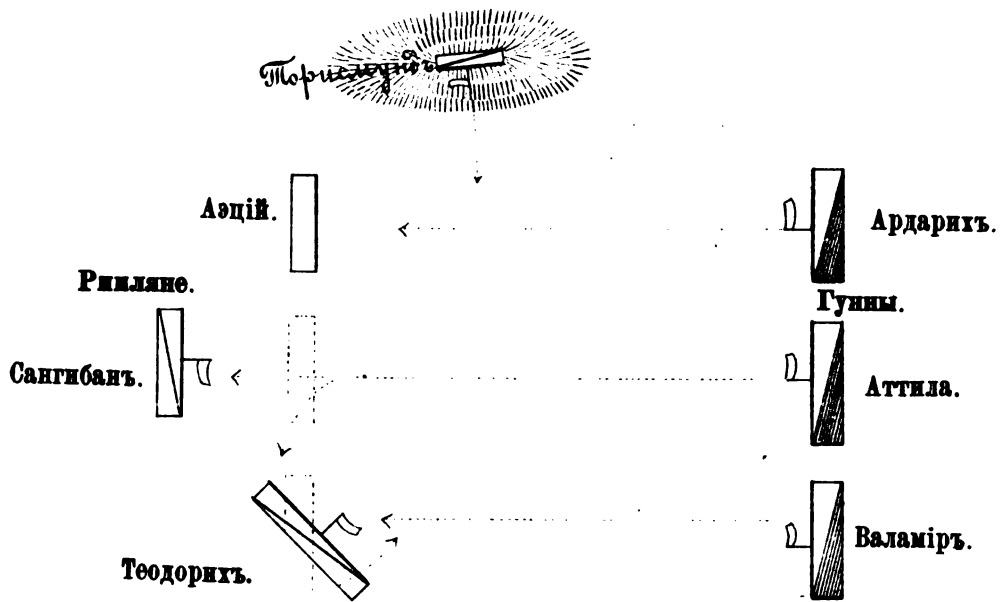
¹⁾ Часть 5, стр. 305.

²⁾ Часть 5, стр. 211.

³⁾ Часть 5, стр. 211.

И
С
Т
О
Р
И
Я
В
О
С
Т
А
Н
О
В
И
Т
С
К
И
Х
С
Л
О
В
О
С
О
Ч
Е
Н
И
Й

С Х Е М А. К а т а л а у н с к о й б и т в ы.

Но первыя непріятельскія войска, двинувшіяся на приступъ, были отражены и отчасти истреблены жестокимъ дѣйствиємъ метательнаго оружія. Торисмундъ, увлеченный преслѣдованіемъ разбитаго врага, въ темнотѣ ночи наткнулся на обозъ его и, въ стычкѣ съ гуннами выбитый изъ сѣдла, едва не былъ взятъ въ плѣнъ. Такой же опасности подвергался и Аэцій и, воротясь въ свой лагерь, не могъ дать себѣ отчета относительно результата сраженія и потому всю ночь продержалъ войска на готовѣ.

Мы уже оговаривали, что источники о ближайшихъ подробностяхъ Каталаунской битвы умалчиваютъ. Но, судя по дошедшимъ до насъ свѣденіямъ, видно, что Аттила, обладая страшнымъ вліяніемъ на массы, черта первостепенной важности для полководца, въ тактическомъ отношеніи распорядился неудачно. Построивъ войска свои въ три отдѣльныя массы безъ резерва и направивъ ихъ на непріятеля, онъ упустилъ управленіе боемъ изъ своихъ рукъ. Неудачныя дѣйствія фланговыхъ массъ не только парализовали успѣхъ атаки средней, но поставили ее въ критическое положеніе. Резерва не было и некому было выручать гунновъ, стиснутыхъ непріателемъ со всѣхъ сторонъ. Вообще первоначальныя дѣйствія арміи Аттилы на Каталаунскихъ поляхъ было ничто иное какъ, по обстрѣляніи противника, общій натискъ беспорядною толпою варваровъ.

Что же касается дѣйствій Аттилы, какъ кавалерійскаго начальника, то можно замѣтить, что онъ мастерски управлялъ въ бою своими гуннами. Атака гунновъ противъ центра Аэція была страшная. Не смотря на то, что аланы такіе же смѣлые и ловкіе наѣздники какъ гунны, они сразу были опрокинуты. Во время самаго разгара преслѣдованія алановъ Аттила ловко повернулъ гунновъ налѣво, направилъ ихъ на лѣвый флангъ Теодориха и смялъ его. Послѣ общей неудачи, когда гунны были стиснуты со всѣхъ сторонъ, прискакавъ къ стану, Аттила сумѣлъ снова собрать свою опрокинутую кавалерію, воодушевить и въ пѣшемъ бою дать такой отпоръ противнику, что чуть не вырвалъ побѣды изъ рукъ Аэція.

Дѣйствія Аэція отличаются несравненно большею основательностью распоряженій. Занятіе высоты на лѣвомъ флангѣ, расположеніе здѣсь легионовъ пѣхоты, дало Аэцію опорный пунктъ на случай неудачи, о который разбился правый флангъ Аттилы; а это обстоятельство дало возможность ударить во флангъ гуннамъ. Предыдущія дѣйствія въ Орлеанѣ и, особенно, послѣдующія во время похода Аттилы на Италію изобличаютъ въ Аэціи отличнаго полководца.

Не менѣе достойны вниманія дѣйствія Торисмунда, какъ кавалерійскаго начальника. Торисмундъ первый вступилъ въ бой въ этотъ достопамятный день для дряхлой римской имперіи, отстоявъ высоту лѣваго фланга; ловко воспользовался неудачнымъ движеніемъ Ардариха, ударилъ ему во флангъ, обратилъ въ бѣгство; ударилъ въ тылъ Аттилѣ и, поспѣвъ вовремя, выручилъ вестготовъ, дравшихся

подъ начальствомъ его отца; наконецъ, запальчиво преслѣдуя разбитыхъ гунновъ, можно сказать, онъ и послѣднимъ завершилъ Каталаунскую битву.

Послѣ этой битвы Римъ просуществовалъ только 25 лѣтъ. Мы видѣли, что въ Каталаунской битвѣ имперію защищала армія, состоявшая изъ варваровъ, сарматовъ, готовъ и другихъ германцевъ, самихъ римлянъ была горсть. Лучше сказать, Римъ защищаль Аэцій, который съумѣлъ привлечь подъ свои знамена варваровъ. Погибъ Аэцій жертвою зависти и недовѣрія Валентиніана, въ немъ погибъ послѣдній римлянинъ, и некому было уже стоять за имперію.

При слабыхъ императорахъ власть переходила изъ рукъ въ руки первыхъ министровъ и магистровъ арміи. Всѣ они послѣ Аэція—Рицимеръ, Гундобальдъ, Орестъ и Одоакръ были варвары, имѣли подъ командою своею армію изъ варваровъ же и, при помощи ея, преслѣдуя свои собственные интересы, безотчетно хозяйничали и держали въ своей власти имперію, которую не разрушали только изъ своихъ видовъ. Наконецъ Одоакръ, предводитель геруловъ, потребовалъ отъ Рима земель для поселенія въ Италіи своихъ сподвижниковъ; но, получивъ отказъ, двинулся къ Риму, взялъ его и тѣмъ положилъ конецъ существованію западной римской имперіи.

Г л а в а 12-я.

Заключеніе о кавалеріи древнихъ народовъ. Замѣчанія относительно вооруженія и снаряженія. Назначеніе тяжеловооруженной и легкой конницы. Ударъ или шокъ. Значеніе кавалеріи въ зависимости отъ тактики пѣхоты и талантности начальниковъ. Кавалерія на театрѣ дѣйствій.

Изъ сказаннаго о кавалеріи видно, что этотъ родъ оружія появился первоначально у кочевыхъ народовъ. У всѣхъ осѣдлыхъ народовъ первое время ихъ существованія главнымъ и единственнымъ родомъ оружія была пѣхота, и только вслѣдствіе опустошительныхъ набѣговъ кочевыхъ народовъ древнія государства принуждены были ввести конницу въ составъ армій для обороны своихъ границъ.

Первоначально вездѣ вводилась легкая кавалерія, и уже впослѣдствіи для огражденія главнымъ образомъ противъ стрѣлъ стали изобрѣтать разныя предохраненія людей и лошадей, и явилась кавалерія тяжеловооруженная. Замѣчательно, что тяжеловооруженная конница появилась, какъ у осѣдлыхъ народовъ, такъ и у кочевыхъ. Намъ извѣстно, что съ незапамятныхъ временъ въ кавалеріи пареанъ и сарматовъ (языги) всадники имѣли кольчуги и панцыри, сдѣланные первоначально изъ кусковъ копытъ, рога, костей, а впослѣдствіи изъ пластинъ желѣза. Кто отъ кого перенялъ предохранительное оружіе, сказать трудно. Вѣроятно же всего осѣд-

лые народы, по мѣры появленія и разработки въ ихъ земляхъ металловъ, въ Персіи желѣза, въ Греціи бронзы, потомъ мѣди, въ Римѣ также желѣза и мѣди, дѣлали предохранительное оружіе изъ этихъ металловъ; а кочевые народы, предохранявшіе себя первоначально панцырями изъ костей и копытъ, переняли употребленіе металловъ отъ осѣдлыхъ народовъ. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что германцы переняли предохранительное, металлическое вооруженіе отъ грековъ и римлянъ.

Снаряженіе до временъ Константина Великаго, какъ у осѣдлыхъ, такъ и у кочевыхъ народовъ, состояло изъ попоны, прикрѣпленной трокомъ къ лошади, и уздечки. Различіе заключалось только въ богатствѣ украшеній. Со временъ Константина является сѣдло, но безъ стремянъ, которыхъ въ древности не знали и которыя есть изобрѣтеніе средневѣковое.

Что касается уздечки, то, въ зависимости отъ темперамента лошади, дѣлали ихъ болѣе или менѣе строгими. Но во многихъ случаяхъ уздечка оказывалась несостоятельною, и потому, кромѣ нихъ, употребляли капцуны и наносники съ иглами, какъ это было въ кавалеріи Александра Македонскаго.

И такъ почти у всѣхъ народовъ древнихъ, какъ осѣдлыхъ, такъ и кочевыхъ, кавалерія была двухъ родовъ, тяжеловооруженная и легкая. Въ Греціи, кромѣ того, были димахосы, средняя кавалерія, приученная дѣйствовать въ конномъ и пѣшемъ строю. Римляне для этой цѣли, т. е. для дѣйствія въ пѣшемъ бою могли употребить дезульторовъ и велитовъ или ягуляторовъ, (*jagulatores*), которыхъ всадники возили на крупахъ лошадей. Тоже самое германцы, а иберійцы были всѣ способны къ пѣшему бою и нерѣдко сами спѣшивались, дѣйствуя противъ римской кавалеріи. Кочевые народы были способны и къ конному и къ пѣшему бою, какъ напримѣръ гунны, которые въ концѣ Каталаунской битвы превосходно дѣйствовали въ пѣшемъ строю. Только относительно сарматовъ въ источникахъ упоминается, какъ о народѣ неспособномъ къ пѣшему бою ¹⁾.

Тяжеловооруженная кавалерія вездѣ назначалась для боя на близкомъ разстояніи, т. е. рукопашнаго; легкая, дѣйствовавшая стрѣлами и метаніемъ дротиковъ, употреблялась для службы развѣдывательной, боя съ дальняго разстоянія и преимущественно для преслѣдованія. Но случалось, что и легкая кавалерія сходилась въ рукопашную, какъ, напримѣръ, еракійцы, нумидійцы, гунны, скиѣны. Спрашивается, существовалъ ли шокъ, ударъ конницы при атакѣ, въ которомъ въ настоящее время считаютъ главный залогъ успѣха кавалерійскаго боя? Утверждаемъ, что существовалъ. Въ доказательство, приводимъ, во первыхъ, форму строя ессалійцевъ и еракійцевъ—ромбы и клинья, которые они употребляли для своихъ атакъ. Если бы ессалійцы прибѣгали къ этому строю, чтобы сойтись съ против-

¹⁾ Тацитъ, lib. I.

никомъ шагомъ или рысью, то строй этотъ оказался бы невыгоднымъ противъ охвата. Для этого лучше всего было бы, подобно другимъ греческимъ кавалеріямъ, развернуться и потомъ вступить въ бой, имѣя для встрѣчи противника бѣльшее число людей. Слѣдовательно, если ессалійцы и еракійцы строились клиномъ, причѣмъ въ головѣ становились храбрѣйшіе люди, то, надо полагать, они при атакѣ рассчитывали на нравственное потрясеніе, ударъ и прорывъ непріятельскаго фронта. Въ опроверженіе этого могутъ привести второе Мантинейское сраженіе, изъ описанія котораго не видно, чтобы ессалійцы дѣйствовали шоккомъ; но это надо отнести къ неумѣлости начальниковъ, стоявшихъ въ то время во главѣ ессалійской кавалеріи.

Въ сраженіи при Дескаліонѣ персы атаковали конницу Агезилая. Отъ атаки нельзя было уклониться, и всѣ греческіе всадники были выбиты изъ сѣделъ и убиты, длинныя же ихъ копыя переломались при первомъ столкновеніи.

2) Ксенофонтъ въ первой части трактата о кавалеріи, подавая совѣты начальнику кавалеріи, указываетъ на необходимость приучать кавалерію къ производству атакъ на разнообразной мѣстности, сначала одностороннихъ, а потомъ сквозныхъ, которыя и есть его изобрѣтеніе. Ясно, что эти атаки практиковались для врыванія въ ряды непріятеля ¹⁾.

3) При Арбеллахъ горсть ессалійцевъ опрокидываетъ страшную массу армянской конницы; Александръ Македонскій ведетъ восемь илосовъ гетеровъ противъ стотысячной конницы лѣваго фланга персовъ. Если бы Александръ подѣхалъ къ этой громадѣ съ своими илосами шагомъ или рысью и вступилъ затѣмъ въ рукопашный бой, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ бы совершенно окруженъ и уничтоженъ. Поэтому слова Арріана, что Александръ произвелъ стремительную атаку, мы должны понимать въ прямомъ ихъ смыслѣ, именно, что Александръ совершилъ атаку въ карьеръ, произвелъ этимъ нравственное потрясеніе въ полчищахъ Дарія, привелъ изъ въ безпорядокъ и обратилъ въ бѣгство. Подобнымъ способомъ употребленія кавалеріи, т. е., ударомъ, Александръ всегда достигалъ своихъ успѣховъ.

4) Полибій, описывая ср. при Требіи, говоритъ ²⁾: „кареагенская конница съ такою стремительностью ударила на кавалерію римлянъ, что однимъ ударомъ опрокинула ее и обратила въ бѣгство“.

Въ сраженіи при Каннахъ кавалерія Аннибала атаковала конницу праваго фланга римлянъ и, хотя Полибій и говоритъ, что многіе всадники слѣпились для удобнѣйшаго боя, но мы это относимъ къ однимъ римлянамъ, а, можетъ быть, даже

¹⁾ Смотри о Ксенофонтѣ, глава 4.

²⁾ Стр. 480.

некоторые испанцы, имѣя къ тому обыкновеніе, слѣпились; галлы же произвели атаку, иначе какъ объяснить слова Аннибала, сказанныя по поводу слѣпленія римской конницы подъ Каннами: „по мнѣ это все равно, какъ если бы мнѣ дали этихъ всадниковъ, связанными по рукамъ и по ногамъ“? ¹⁾ Бой на этомъ мангѣ римлянъ кончился быстро. „Большая часть римлянъ“, говоритъ Полибій, легла на мѣстѣ, остатокъ былъ преслѣдуемъ и безпощадно изрубленъ“.

5) Въ сраженіи при Руспинѣ Цезарь, окруженный войсками Лабіена, построилъ свой отрядъ въ видѣ каре или круга. 400 всадниковъ, составлявшихъ всю его конницу, онъ поставилъ въ срединѣ первой линіи и затѣмъ всѣмъ войскамъ приказалъ перейти въ наступленіе. Кавалерія произвела атаку и опрокинула центръ линіи Лабіена. Ясно, что эта горсть кавалеріи могла рассчитывать только на равственное потрясеніе противника, котораго могла достигнуть только производствомъ стремительной атаки или удара.

6) Настъ говоритъ ²⁾, что римляне пользовались быстротою и силою движенія кавалеріи, чтобы съ самаго начала привести непріятеля въ безпорядокъ. Далѣе въ § 118 пишетъ: „Для усиленія атаки ставили также двѣ турмы одну за другою“. Далѣе же онъ говоритъ: „Если непріятель строилъ клинъ (cuneus), то при атакѣ для увеличенія силы удара отдавали конямъ поводъ, даже снимали поводья со всѣхъ для того, чтобы всадники не могли сдерживать лошадей“.

7) „У римлянъ“, говоритъ Вегецій ³⁾, „конница раздѣляется по достоинству на легкую и конницу крыльевъ“. Ливій ⁴⁾ такъ указываетъ на разницу ихъ употребленія: „Каю Ливію Салинату, начальнику конницы крыла, было приказано произвести атаку во всю скачь; а легіонная конница осталась въ резервѣ“.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ относительно того, въ какой мѣрѣ формы строя въ видѣ ромба, клина или турма за турмой, удобны для производства стремительной атаки или шока; изъ всего сказаннаго, однако, приходится согласиться, что употребленіе кавалеріи для пораженія непріятеля посредствомъ удара въ карьеръ было извѣстно древнимъ народамъ.

Мы сказали, что кавалерія у древнихъ народовъ раздѣлялась на тяжеловооруженную и легкую. Тяжеловооруженную кавалерію не слѣдуетъ смѣшивать съ тяжелой. Тяжелой конницы, т. е., сидящей на грузныхъ лошадяхъ, въ древности почти не было. Тяжелая кавалерія есть произведеніе рыцарства, когда стали подбирать массивныхъ лошадей, чтобы брать перевѣсъ надъ противникомъ тяжестью

¹⁾ Голицынъ. Часть III, стр. 86.

²⁾ Römische Kriegsalterthümer, § 120.

³⁾ Lib. II, cap. I.

⁴⁾ Lib. XXXV.

или ударомъ массы, чему при слабомъ пониманіи военнаго искусства придавали значеніе. Въ древности, напротивъ, всадники сидѣли на легкихъ лошадяхъ и предохраняли себя, какъ замѣчено выше, главнымъ образомъ отъ стрѣлъ, но всегда рассчитывали въ бою на ловкость и проворство. На болѣе грузныхъ лошадяхъ сравнительно сидѣли германцы и отчасти галлы.

Значеніе кавалеріи въ составѣ древнихъ армій было весьма различно и въ зависимости отъ достоинствъ самой кавалеріи и способовъ дѣйствія пѣхоты.

До столкновенія съ персами въ Греціи конница несла только ординарческую службу; бой вела одна пѣхота. Войны съ персами заставили грековъ обратить болѣе серьезное вниманіе на этотъ родъ оружія, а Александръ Македонскій вывелъ кавалерію на первый планъ. Фалангообразное построеніе не способствовало быстрымъ наступательнымъ дѣйствіямъ пѣхоты, и потому главный ударъ въ его побѣдахъ наносилъ кавалерія, при содѣйствіи легкой пѣхоты и подъ прикрытіемъ тяжелой.

Тоже самое мы видимъ у Аннибала.

Численность конницы у Александра и Аннибала простиралась отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{6}$ пѣхоты. У римлянъ конница первоначально, какъ у грековъ, была крайне плоха и малочисленна, отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{20}$ пѣхоты; римскій легіонъ въ прерывчатомъ боевомъ порядкѣ былъ способенъ къ быстрымъ наступательнымъ движеніямъ. Когда же Аннибалъ своею превосходною кавалеріею и своимъ гениемъ началъ громить римлянъ, не смотря на ихъ прерывчатую тактику, то это заставило римлянъ обратить вниманіе, улучшить и увеличить количество конницы. Улучшенная конница при прерывчатомъ боевомъ порядкѣ пѣхоты на первыхъ же порахъ оказала римлянамъ громадныя услуги, особенно подъ предводительствомъ Сципіона и Юлія Цезаря. И тотъ и другой превосходно пользуются своею конницею для нанесенія сокрушительныхъ съ пѣхотою ударовъ противнику и, можно сказать, въ ихъ времена кавалерія занимала настоящее мѣсто въ составѣ арміи и при наилучшемъ устройствѣ боеваго порядка римлянъ. Здѣсь мы видимъ нѣчто соответствующее нынѣшнимъ понятіямъ о раздѣленіи кавалеріи на дивизионную и резервную. Легіонная кавалерія, входя въ составъ легіоновъ и находясь постоянно при нихъ, соответствовала дивизионной конницѣ; конница крыльевъ, сгруппированная на одномъ или двухъ флангахъ, а иногда вся впереди или сзади боеваго порядка, смотря по обстоятельствамъ, играла роль резервной кавалеріи.

Въ послѣдующія времена, когда, по мѣрѣ порчи нравовъ, составъ римскихъ армій ухудшился, пришлось спланивать легіоны и измѣнять прерывчатый боевой порядокъ въ фалангообразный, пѣхота опять утрачиваетъ способность къ быстрому наступленію, конница, вслѣдствіе непрерывности строя ея, выдѣляется на фланги

и приобрѣтаетъ, какъ во времена Александра и Аннибала, первенствующее значеніе въ наступательныхъ дѣйствіяхъ; количество ея въ составѣ арміи непомерно растетъ и наконецъ, какъ напримѣръ на Каталаунскихъ поляхъ, 500—700 тысячная армія Азія, имѣя небольшое количество пѣхоты, почти исключительно состоитъ изъ конницы.

И такъ на значеніе кавалеріи въ древности имѣли вліяніе достоинство самой кавалеріи и способъ дѣйствій пѣхоты. При этомъ надо замѣтить, что римлянамъ приходилось дѣйствовать противъ народовъ, сражавшихся или въ глубокихъ непрерывныхъ массахъ, соответствовавшихъ греческимъ фалангамъ, или противъ массы иррегулярныхъ кавалерій кочевыхъ народовъ. Въ первомъ случаѣ прерывчатый боевой порядокъ давалъ громадное преимущество римлянамъ въ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Но мы видѣли, что, не смотря на это, Аннибаль страшно громилъ римскія арміи своею конницею. Изъ этого слѣдуетъ, что значеніе кавалеріи, кромѣ двухъ выше приведенныхъ обстоятельствъ, зависитъ и отъ талантности начальниковъ. Знаменитѣйшими кавалеристами древности были: Александръ Македонскій, Аннибаль, Сципіонъ Африканскій и Юлій Цезарь.

Что же касается до дѣйствій противъ массъ кавалерій кочевыхъ народовъ, то, какъ исторія показываетъ, эти конницы, не смотря на несмѣтныя полчища, почти всегда разбивались отъ совокупныхъ дѣйствій хорошей пѣхоты и конницы. Такъ Александръ Македонскій громилъ кавалерію Дарія, не смотря на ея громадную силу, такъ Траянъ и другіе императоры римскіе разбивали даковъ, скивовъ и персовъ.

Употребленіе кавалеріи на театрѣ военныхъ дѣйствій въ древности мы встречаемъ въ слѣдующихъ видахъ:

1) Развѣдываніе и охраненіе своихъ войскъ кавалеріею производилось въ обширныхъ размѣрахъ. Всѣ военачальники, сильные конницею, при совершеніи маршей, выдвигали большую часть ея впередъ, какъ дѣлалъ Аннибаль и Юлій Цезарь. Слабые въ сравненіи съ противникомъ, выдвигая конницу, присоединяли къ ней всегда пѣхоту. Такъ дѣлалъ Александръ Македонскій противъ персовъ и Юлій Цезарь, когда былъ слабъ въ кавалеріи. Охраненіе марша конницею мы описывали при изложеніи переправы Аннибала черезъ Рону, когда для прикрытія движенія онъ выслалъ нумидійскую конницу къ Марселю въ видѣ боковаго аррьергарда.

2) Употребленіе кавалеріи для захвата важныхъ пунктовъ до прибытія главныхъ силъ и для демонстрацій на театрѣ войны также имѣло примѣненіе. Захватъ важныхъ пунктовъ кавалеріею мы находимъ особенно во время похода Александра Македонскаго противъ Согдіанъ и Бактріанъ и во время войнъ Юлія Цезаря въ Галліи. Для демонстрацій кавалерію употребилъ Аннибаль при совершеніи переправы черезъ Рону, отправивъ ее выше выбраннаго для переправы мѣста на про-

тивуположный берегъ. Это движеніе отвлекло вниманіе галловъ отъ пункта, выбраннаго Аннибаломъ для переправы.

3) Дѣйствія кавалеріи на сообщенія. Такія дѣйствія особенно часто примѣнялись, какъ объ этомъ упомянуто было, во время войнъ Юлія Цезаря въ Галліи. Припомнимъ приказаніе галламъ Верцингеторикса. Бывали даже настоящіе партизанскіе набѣги на склады. Одинъ изъ таковыхъ, произведенный Юліемъ Цезаремъ въ Африкѣ, мы описывали. Но самый обыкновенный способъ лишенія непріятели средствъ къ существованію былъ разореніе края конницею.

Дѣйствія кавалеріи для разобщенія непріятельскихъ колоннъ или задержанія наступленія выразились въ приказаніи консула Сервілія Бруту, о которомъ мы говорили въ главѣ 10, и въ дѣйствіяхъ Куріона во время Африканской войны Юлія Цезаря.

4) Наконецъ—преслѣдованіе. Назначеніе кавалеріи для преслѣдованія древнѣе полководцы, а особенно, предводители кавалерій кочевыхъ народовъ, знали превосходно. Знаменитое преслѣдованіе Александромъ Македонскимъ Дарія, послѣ сраженія при Гавгамеллахъ, совершенное на протяженіи 90 верстъ до Арбелъ и далѣе за Бессомъ, представляетъ верхъ энергіи и напряженія силъ, слѣдствіемъ которыхъ было уничтоженіе персидской арміи и всей монархіи. Всѣ побѣды Юлія Цезаря оканчивались самымъ энергическимъ преслѣдованіемъ, слѣдствіемъ котораго было совершенное уничтоженіе непріятельскихъ армій. Наиболѣе замѣчательны преслѣдованія послѣ сраженій при Фарсалѣ и Тапсѣ, о которыхъ мы уже упоминали. Не менѣе замѣчательны преслѣдованія, произведенныя пареянами римскихъ армій, подъ начальствомъ Красса и Антонія, приведшія къ совершенному истребленію первой и къ крайнему разстройству второй.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Stanford University Libraries
3 6105 015 290 054

UE
15
.M3
f
v.1

DATE DUE			
JUN	1935		

Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305